

ОГОНЁК
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1951
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Мастера изобразительного искусства упорно работают над темами, посвященными героическим советским труженикам. В разработке одной из таких тем видное место принадлежит рисункам молодого художника Н. А. Пономарева. Серия «Шахтеры Донбасса», показанная на Художественной выставке в Третьяковской галерее,— итог двухлетнего труда автора. Она состоит из 17 листов, 3 из них здесь воспроизведены: 1) «Рапорт товарищу Сталину. Пятилетка выполнена»; 2) «Новый мундир»; 3) «Вруб-машинист».

На первой странице обложки: Герои Социалистического Труда председатель колхоза «Красный Октябрь», Кировской области, Петр Алексеевич Прозоров (слева) и лауреат Сталинской премии конструктор Георгий Семенович Шпагин.

Фото М. Савина

На последней странице обложки: Зимний день.

Фото Б. Кузьмина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 6 (1235) 4 ФЕВРАЛЯ 1951

29-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Депутат Верховного Совета РСФСР знатная ткачиха Московской прядильно-ткацкой фабрики имени Фрунзе Елизавета Филипповна Бабурина вновь выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР. На снимке: Е. Ф. Бабурина беседует со своими избирателями.

Фото М. Савина

МЫ СТРОИМ КОММУНИЗМ!

С. СУТОЦКИЙ

Пять лет прошло после исторического выступления товарища Сталина на собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 года.

Пять лет... Еще совсем недавно, полвека назад, в истории государств и народов пятилетие было микроскопически малым сроком. В казавшейся безмятежной сонливости «доброго, старого» буржуазного общества время тянулось медленно и годы сменяли друг друга не спеша, а результаты этих лет и даже пятилетий были, как правило, ничтожно мизерными, незаметными, и уж, конечно, мало влияли они на судьбы общественного развития, на судьбы мира, на судьбы человечества...

Способность двигать историю вперед явили миру большевики, Ленин и Сталин, героические народы нашей Родины. И под благотворным воздействием того, что совершилось уже и вершится сейчас в Советской стране, по-иному потекла жизнь на всей планете, во всех уголках земли. Новое, нарождающееся в обществе стало быстрее расти и мужать, а старое, отмирающее еще быстрее пошло к своему концу, предопределенному историей. Началась новая эра истории, годы наполнились новым содержанием, а результаты каждого из них обрели невиданную ранее весомость: растет страна, идет вперед! Да и там, за рубежами советской державы, в странах капиталистического мира, результаты каждого года теперь уже не те, что были совсем недавно: конец капитализма все ближе, конец приближается все скорее!

Вспоминаются замечательные ленинские слова, гордые и уверенные: «В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но зато в быстроту действительную, в быстроту, по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым, как он был,— в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся». Это Ленин сказал в 1922 году. Почти три десятилетия, минувшие с тех пор, показали, как под руководством действительно революционной, большевистской партии мы добились такой быстроты продвижения вперед, по пути прогресса, какой не знала и не могла знать ни одна предшествующая эпоха мирового развития.

Мы быстро шли вперед в трудный период восстановления хозяйства, разрушенного двумя войнами 1914—1920 годов. Мы семимильными шагами двигались к победе социализма в славный период сталинских пятилеток 1928—1941 годов. Но, пожалуй, ту быстроту движения вперед, о которой говорил Ленин, мы с особой силой ощутили и ощущаем теперь, в нынешнее пятилетие развития советского государства.

...Лишь за пять месяцев до выступления на собрании избирателей великий вождь по-отечески тепло и дружески поздравил все народы Советского Союза с исторической победой, с успешным окончанием второй мировой войны. Только пять месяцев отделяло нас от войны, которая была для нашей Родины самой жестокой и самой тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых ею. Еще дымились руины городов и сел, сожженных вражескими полчищами, еще не оглашали воздух привычным мирным гудком сотни фабрик и заводов в западных районах страны. Фарисейски прикрываясь маской союзников СССР, реакционные круги в Англии и США, как истые торгаши-империалисты, тешили себя надеждой на то, что Советский Союз обескровлен, что в результате изнурительной войны он надолго потеряет свое значение как великая и мощная держава и, не будучи в силах самостоятельно восстановить экономику, попадет в рабскую зависимость от Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

Но советский народ, никогда не преуменьшавший трудностей, и на сей раз был уверен в том, что трудности эти будут преодолены во что бы то ни стало, а лжесоюзники на островах и за океаном потерпят в своей грязной послевоенной игре такое же поражение какое потерпели наши враги в военных битвах. Взоры миллионов советских людей были обращены в эти дни к тому, кто привел нас к победе на поле брани и кто ведет нас к новым победам в мирном созидательном труде.

И наступил исторический день встречи вождя со своим народом, вынесшим на могучих плечах тяжелое бремя кровопролитной войны. Вся страна, затаив дыхание, слушала мудрую речь великого Сталина, речь полководца и мыслителя, глубоко анализировавшего итоги пройденного пути и прозорливо намечавшего планы на будущее. Товарищ Сталин говорил о неодолимой силе нашей Родины, о славе ее нынешней и еще более яркой грядущей. О величайших преимуществах советского общественного и государственного строя, выдержавшего все испытания войны и доказавшего свою полную жизнеспособность, которой нет и не может быть ни у какого другого, несоветского строя. О непобедимости советских вооруженных сил, о нашей славной Советской Армии — первоклассной, не знающей себе равных, лучшей армии в мире, о безупречной советской военной стратегии и тактике.

Две страны, две общественные и государственные системы предстали перед нашим взором, когда мы слушали, а потом читали и перечитывали сталинскую речь.

Старая, царская, помещичье-капиталистическая Россия. Строй, не только сковывавший, но всеми силами душивший испокон веков присущую нашему народу инициативу и мощь; строй, который в раболепии и низкопоклонстве своем перед иностранщиной привел страну на грань катастрофы. Невероятная технико-экономическая отсталость проявилась в неподготовленности царской России к первой мировой войне. Именно поэтому в той войне, как указывал товарищ Сталин, царская армия испытывала хронический недостаток в артиллерии и снарядах, воевала без танков и самолетов, а на каждых трех солдат выдавалась одна винтовка.

Великая Октябрьская социалистическая революция, победившая благодаря руководству партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным, спасла нашу Родину от катастрофы, от порабощения ее иноземными империалистическими хищниками. Советский общественный и государственный строй раскрепостил несметные силы и возможности народа; партия окрылила широчайшие массы трудящихся и сообщила невиданный ранее размах народному творчеству, направила это творчество по правильному пути. И расцвела обновленная страна, в течение трех предвоенных сталинских пятилеток — в течение менее тринадцати лет! — совершившая скачок от отсталости к прогрессу, превратившаяся из некогда аграрной в страну индустриальную.

Вот что значат пятилетия в стране, вставшей на путь социалистического развития! Вот на что способен народ, взявший власть в свои руки! Вот поистине фантастическая быстрота развития, когда движением масс руководит действительно революционная, большевистская партия!

Это партия большевиков, победно осуществившая сталинскую политику социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, привела нас к торжеству социализма. Это партия Ленина — Сталина создала все условия, обеспечившие нашу победу в Великой Отечественной войне и открывшие реальные перспективы перехода от социализма к коммунизму. О роли партии большевиков в борьбе за проведение политики, спасшей нашу Родину, товарищ Сталин говорил в своей речи 9 февраля 1946 года:

«Заслуга партии состоит в том, что она не приспосабливалась к отсталым, не боялась итти против течения и все время сохраняла за собой позицию ведущей силы. Не может быть сомнения, что без такой стойкости и выдержки коммунистическая партия не смогла бы отстоять политику индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства».

Стойкость и выдержка партии большевиков! Мы ощущали ее во все периоды истории советского государства, в дни войны и в дни мира, в международной и внутренней политике нашей страны. Стойкость и выдержку партии Ленина — Сталина каждый из нас ощутил и в тот период, когда мы приступали к послевоенному строительству, к продолжению временно прерванного войной победного движения к коммунизму.

Продажная печать империалистического лагеря не могла скрыть того впечатления, которое произвели спокойные и уверенные слова товарища Сталина о том, что Советский Союз своими силами, без кабальной «помощи» извне, восстановит в ближайшее пятилетие пострадавшие районы страны, восстановит довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойдет этот уровень в более или менее значительных размерах; о том, что в этом пятилетии будет обеспечен дальнейший подъем жизненного уровня трудящихся, что советская наука шире развернет свои силы. Смятение в стане империалистов было тем более паническим, что весь предшествующий опыт Советского Союза показал, что большевики слов не бросают на ветер. Слово большевиков не расходится с делом: что Сталин сказал, будет претворено в жизнь.

Товарищ Сталин говорил о планах коммунистической партии на более длительный период, о новом мощном подъеме народного хозяйства СССР, о таком подъеме, который позволит нам считать нашу Родину гарантированной от всяких случайностей. В конкретных данных, в цифрах товарищ Сталин наметил программу создания материальной базы, необходимой для победы коммунизма, для построения коммунистического общества. «...Это дело можно сделать, и мы должны его сделать»,— сказал Сталин.

И вот прошло пятилетие с того дня, когда мир услыхал историческую речь нашего вождя. Окинем мысленным взором путь, пройденный нами за этот срок, еще недавно считавшийся малым. Что сделано в Стране Советов за минувшие пять лет и каково реальное влияние итогов этого советского пятилетия на мировое развитие?

Мы строим коммунизм!

Каждый из людей Советской страны произносит эту фразу в настоящем времени. Да, борьбой своей под руководством партии большевиков, тем, что достигнуто нами во всех областях хозяйственного и культурного строительства, мы завоевали право именно этой фразой выразить главное в нашей жизни, выразить содержание жизни советского государства и советского народа в середине двадцатого века.

Мы строим коммунизм! Право произносить эту фразу дало нам успешное претворение в жизнь сталинской программы послевоенного строительства, сформулированной в речи вождя 9 февраля 1946 года. Эту возможность дал нам великий Сталин, мудрый зодчий, который привел нас на леса строек коммунизма, возводимых по его гениальным планам.

Американо-английские империалистические ворожеи, гадая на кофейной гуще, предрекали, что нам потребуются многие десятилетия на восстановление хозяйства. Недалекие политики, с глазами, закрытыми бельмом злобы и ненависти, они не в силах понять, что значит год, что значит пятилетие в советских условиях — советский год, советское пятилетие! Да, мы не верим в фантастическую быстроту. Но наша быстрота реальная, зримая. Наша быстрота — факт, опровергнуть который нельзя!

В колонках цифр сталинского послевоенного пятилетнего плана были зафиксированы поистине грандиозные масштабы и темпы работ, осу-

ществление которых в условиях капиталистической действительности в лучшем случае потребовало бы многих десятилетий. А в условиях советской действительности, в условиях советского строя эти гигантские планы по многим важнейшим показателям были выполнены и перевыполнены досрочно. Уже в четвертом квартале 1949 года среднемесячный выпуск валовой продукции всей промышленности Советского Союза превзошел уровень 1940 года на 53 процента. Намного раньше сроков, намеченных пятилетним планом, достигнут и превышен довоенный уровень производства черных металлов, добычи угля, нефти, выработки электроэнергии, производства машин, механизмов и приборов.

В 1950, завершающем году послевоенной сталинской пятилетки наша промышленность дала валовой продукции на 23 процента больше, чем в 1949 году. Только в стране победившего социализма возможны такие высокие темпы, такая быстрота. Значительные успехи достигнуты в сельском хозяйстве. Увеличился национальный доход, и выросло материальное благосостояние и культурный уровень советского народа.

Так, самоотверженным, творческим трудом миллионов советских людей, вдохновляемых партией большевиков, ведомых великим Сталиным, создается в нашей стране материальная база коммунизма, зримые черты которого мы все более и более отчетливо видим, ощущаем в окружающей нас жизни. Сделанные руками людей социалистической эпохи чудесные агрегаты и механизмы уже работают сегодня на стройках коммунизма, на трассах, воздвигаемых по планам великого Сталина Главного Туркменского, Южно-Украинского, Северо-Крымского и Волго-Донского каналов, на строительстве новых гигантских гидроэлектростанций. А разве не великие идеи коммунизма воплощены в успешно реализуемом сталинском плане преобразования природы, в чудесных, как в сказке, полезащитных лесных полосах, что встают на страже наших полей, наших урожаев — урожаев коммунизма!

В строительстве коммунизма формируется новый моральный облик советского человека. Советское общество — миллионы коммунистов и беспартийных — являет собой единый коллектив активных и сознательных созидателей нового, высшего уклада жизни, коммунистического уклада.

Мы строим коммунизм! Даже пятилетней давности географические карты нашей страны уже во многом не соответствуют сегодняшней действительности.

Чудесное, славное время переживаем мы, советские люди, со Сталиным во главе завоевавшие право говорить о себе: «Мы построили социализм, мы строим коммунизм!»

Сколько сделано и сколько начато нового во всех областях коммунистического строительства! А ведь прожили мы только пятилетку. Но большую, советскую пятилетку, сталинскую!

И весь мир прожил пять лет. Однако минувшие годы разное принесли нам и им, странам капиталистического лагеря. Эти годы были первыми годами, когда в борьбе за новый мир к усилиям советского народа присоединились усилия сотен миллионов людей стран народной демократии, великого Китая — государств, вырванных историей из капиталистической системы. Это значит, все более активизируется процесс, который прозорливо предвидели Ленин и Сталин, процесс разложения капитализма и выпадания все новых и новых звеньев из его цепи. История берет свое — новое рождается, старое умирает.

Огромные успехи, достигнутые нами за минувшее пятилетие, невиданно укрепили лагерь социализма и демократии на международной арене. Страны этого лагеря благодаря опыту и братской, бескорыстной помощи СССР за минувшие пять лет продвинулись вперед на десятилетия. Под воздействием развития советской системы мировая история ускоряет шаги своего развития по пути прогресса. В наши дни вновь и вновь подтверждается предвидение великого Ленина об ускорении темпов исторического развития в эпоху гибели капитализма и торжества коммунизма, ибо фактом стала основная причина громадного ускорения мирового развития — вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей!

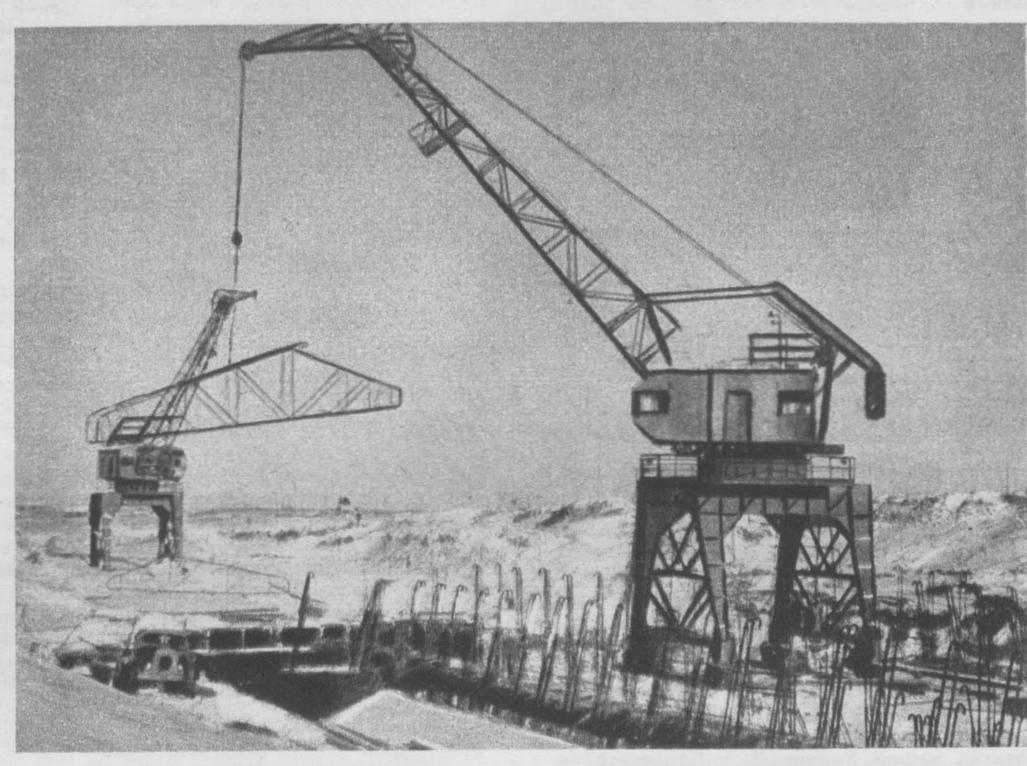
Что может противопоставить империализм дальнейшему невиданному расцвету советской экономики и росту экономики стран народной демократии? Чем отметил он минувшее пятилетие? Найден ли выход из глухого тупика присущих империализму противоречий? Открылся ли просвет в тяжелых свинцовых тучах, окутавших небо над капиталистическими странами? Нет, нет и нет! Даже перевод на рельсы военной экономики, бешеная подготовка новых разбойничьих войн — ничто не в силах остановить неминуемое.

Жизнь вновь подтверждает сталинские слова о том, что алчный империализм не может и не хочет избежать новых военных катастроф в порядке принятия согласованных и мирных решений важнейших вопросов международной политики. Алчный американо-английский империализм идет сегодня по проторенному пути своих недавних германских конкурентов, которые, как указывал товарищ Сталин в своей речи 9 февраля, готовясь развязать вторую мировую войну, «уничтожили у себя последние остатки буржуазно-демократических свобод, установили у себя жестокий террористический режим, растоптали принцип суверенитета и свободного развития малых стран, объявили политику захвата чужих земель своей собственной политикой и заявили во всеуслышание, что они добиваются мирового господства и распространения фашистского режима во всем мире, ...что они готовы осуществить свою угрозу насчет порабощения всех свободолюбивых народов».

Но времена меняются. Старым приемам империализма сегодня противостоит новая международная обстановка, складывающаяся не в пользу зачинщиков военных авантюр. Последнее пятилетие не прошло бесследно для общественного развития. Под благотворным влиянием гигантских побед Советского Союза на пути к коммунизму окреп могучий демократический, антиимпериалистический лагерь. Народы всего мира убедились в том, что только социалистический порядок способен спасти человечество от ужасов империализма и империалистических войн. Ширится и растет движение сторонников мира во всем мире. Не просьба о мире, а властное требование мира начертано на знаменах тех, кто сегодня борется, кто завтра победит.

Мы строим коммунизм! За пятилетие мы поднялись на новую ступень развития, навстречу коммунизму, навстречу еще более счастливой и радостной жизни. Для мировой империалистической системы это пятилетие было периодом усилившейся предсмертной агонии, приближения конца.

Мы не говорим, что это было пятилетие, которое потрясло мир. Нет, оно мир обновило, дало ему новые силы, силы жизни, силы прогресса и процветания. Для идей коммунизма нет границ и непреодолимых преград. Идеи эти, торжествующие сегодня в нашей стране, завтра восторжествуют во всем мире. И тогда человечество скажет: намечая в своей исторической речи девятого февраля тысяча девятьсот сорок шестого года величественные планы коммунистического строительства, Сталин думал и о нас, о миллионах простых людей во всех уголках земного шара. Ибо уже сбываются и будут сбываться впредь пророческие сталинские слова: «...То, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах!»

На строительстве Волго-Донского судоходного канала. Вверху: разгрузка и установка на дно шлюза арматурных ферм с помощью портального крана. Внизу: землесосы на выемке грунта в районе станицы Цимлянской, где будет построено огромное водохранилище.

Фото А. Маклецова и А. Штейникова (ТАСС)

Сын великого народа

С. КАФТАНОВ,

министр высшего образования СССР

Исполняется 70 лет члену Политбюро ЦК ВКП(б), заместителю Председателя Совета Министров СССР Клименту Ефремовичу Ворошилову.

Миллионы советских людей от всего сердца желают многих лет здоровья на благо нашей Отчизны испытанному другу и верному соратнику Ленина и Сталина, выдающемуся деятелю партии большевиков и советского государства.

Около 50 лет своей жизни Климент Ефремович отдает служению великому делу партии Ленина — Сталина, борьбе за победу коммунизма в нашей стране. С юношеских лет он принимал активное участие в революционном движении в России. Под руководством Ленина и Сталина он участвовал в создании партии большевиков. Впервые встретившись с Лениным и Сталиным на IV съезде партии, Климент Ефремович с тех пор и навсегда стал верным их учеником.

Легендарную славу снискал К. Е. Ворошилов в годы Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции. Он сыграл огромную роль в создании Рабоче-крестьянской Красной Армии, разгромившей войска белогвардейцев и англо-франко-американских интервентов. Первым красным генералом от рабочих назвал К. Е. Ворошилова товарищ Сталин.

На посту народного комиссара обороны, осуществляя указания партии, указания Сталина, Климент Ефремович много сил и энергии отдал благородному делу укрепления обороноспособности нашей Родины.

Под руководством товарища Сталина К. Е. Ворошилов вместе с товарищами Молотовым, Калининым, Кировым, Дзержинским, Орджоникидзе и другими соратниками великого вождя разоблачили и разгромили троцкистов, бухаринцев и иных предателей, заклятых врагов нашей партии и народа.

Большевистская партия, одним из руководителей которой является К. Е. Ворошилов, привела советский народ к великим успехам в строительстве социалистического общества, к полной победе социализма в нашей стране.

И. В. СТАЛИН И К. Е. ВОРОШИЛОВ В КРЕМЛЕ.
Картина А. Герасимова

Во время великого испытания, с честью выдержанного советским народом,— в период Отечественной войны — К. Е. Ворошилов на разных фронтах участвовал в руководстве действиями Советской Армии в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования.

Победоносно закончив войну с гитлеровской Германией и империалистической Японией, советский народ вступил в период мирного развития начал осуществление сталинских предначертаний на ближайшие 10—15 лет, осуществление программы строительства коммунизма в нашей стране, развернутой товарищем Сталиным в его исторической речи перед избирателями.

В этот период бурного развития нашей Родины К. Е. Ворошилов — заместитель Председателя Совета Министров СССР.

Выполняя указания товарища Сталина, Климент Ефремович ведет огромную работу по восстановлению и развитию сети школ и высших учебных заведений, по развитию литературы, искусств, науки в нашей стране. Верный сталинец. товарищ Ворошилов неутомимо работает над развитием нашей советской социалистической культуры.

Огромна роль Климента Ефремовича в восстановлении сети школ, высших учебных заведений, техникумов. Когда в Совете Министров СССР рассматриваются эти вопросы, мы всегда чувствуем заботу товарища Ворошилова о культуре советского народа, восхищаемся его глубоким, всесторонним подходом к решению и оценке всех вопросов. Товарищ Ворошилов всегда обращает наше внимание на пользу, которая будет народу, если мы примем то или иное решение, как отнесутся к этому решению рабочие, интеллигенция, крестьянство.

Помню, недавно обсуждался вопрос о создании женского педагогического института в одной из среднеазиатских республик. Климент Ефремович настоял на принятии этого предложения, предложив создать при новом институте интернат для студенток, чтобы обеспечить наилучшие условия для учебы девушкам, приехавшим из сельских мест.

В послевоенные годы Советский Союз достиг больших успехов в развитии народного образования. Полностью восстановлена сеть школ и высших учебных заведений. У нас сейчас насчитывается 37 миллионов учащихся, в вузах занимается больше 1 200 тысяч человек, что значительно превосходит наметки пятилетнего плана. Огромная армия молодых специалистов подготовлена за последние пять лет. Большая заслуга в этом принадлежит и К. Е. Ворошилову.

Быстро и верно решая сложнейшие вопросы развития высших учебных заведений и школ, Климент Ефремович повседневно заботится об укреплении их материальной базы, об улучшении быта учащихся. Наши педагоги, профессора и преподаватели высшей школы неизменно чувствуют сталинскую заботу о себе, заботу о создании всего, что необходимо для успешного развития дела народного просвещения. Благодаря помощи товарища Ворошилова за последние пять лет в стране издано две тысячи учебников для высшей школы общим тиражом в 36 миллионов экземпляров.

Когда партия, товарищ Сталин призвали работников киноискусства создать высокоидейные, высокохудожественные произведения, огромную роль в решении этой задачи сыграл К. Е. Ворошилов. Он глубоко вникает в вопросы развития и укрепления киноискусства в нашей стране, проводит колоссальную работу по улучшению кинообслуживания населения, рассматривает планы создания новых фильмов. Под руководством Климента Ефремовича в последние годы началось бурное развитие цветного и документального кино.

Работа товарища Ворошилова в этой области, его забота и внимание к развитию советского кино, его большевистская непримиримость к недостаткам, строгая принципиальность — лучший пример борьбы за осуществление линии партии, за выполнение указаний великого вождя и учителя товарища Сталина.

Товарищ Ворошилов неутомимо работает над укреплением советских театров, над повышением их идейного и художественного уровня. Когда правительство приняло решение о переводе театров на бездотационную работу, некоторые товарищи, испугавшись сложности работы в новых условиях, санкционировали закрытие ряда районных театров. Климент Ефремович решительно пресек такие действия. Он напомнил, что наш народ ценит и любит театр как очаг культуры, и никто не вправе лишать советских людей возможности пользоваться им.

Скульпторы, художники, писатели, актеры, музыканты непосредственно ощущают заботу товарища Ворошилова, его неутомимую энергию в осуществлении указаний партии, указаний товарища Сталина о развитии нашего искусства и литературы по пути социалистического реализма, о развитии высокой идейности и художественности мастерства.

Книгоиздательское дело в нашей стране достигло гигантских размеров. Миллионы экземпляров, тысячи названий книг выпускаются ежегодно в бесчисленных типографиях Советского Союза. К. Е. Ворошилов осуществляет повседневное руководство этой огромной работой. Народ получает именно ту литературу, которая нужна ему в его великом созидательном труде.

Большое внимание уделяет Климент Ефремович развитию физической культуры и спорта в нашей стране. Так, например, при его непосредственном участии были созданы спортивные общества в сельских местностях, объединившие сотни тысяч деревенских физкультурников.

* * *

Встречаясь с товарищем Ворошиловым. неизменно восхищаешься его огромной культурой, высокой требовательностью к себе и к другим, его скромностью, его удивительной энергией и работоспособностью, его глубоким умом. Климент Ефремович со свойственной ему простотой, задушевностью, знанием жизни, по-отечески тепло и по-сталински мудро руководит людьми.

Климент Ефремович Ворошилов — сын народа, воплощение беззаветной преданности народу. Прекрасен его жизненный путь — луганский слесарь, профессиональный революционер, полководец, выдающийся деятель партии и государства. Сквозь битвы трех революций, огонь гражданской и Отечественной войн, через великие стройки сталинских пятилеток прошел он, несгибаемый большевик, верный ленинец-сталинец, словно выкованный партией из одного куска благородного металла.

Климент Ефремович Ворошилов, достойный сын великого народа, соратник и сподвижник гениального Сталина, отдает всю свою кипучую энергию, свою стальную волю, свой талант, свой огромный политический и жизненный опыт нашей Родине, нашей партии. В революционном подполье, в дыму фронтов, на трибуне партийного съезда, в кабинете государственного деятеля — всегда товарищ Ворошилов — сын партии и народа, плоть от плоти его и кровь от крови.

В день славного юбилея К. Е. Ворошилова весь советский народ — рабочие, колхозники, воины, художники, ученые, артисты, учителя, студенты, профессора и преподаватели вузов, вся советская интеллигенция — шлет верному ученику и соратнику Ленина и Сталина горячий привет и поздравления.

ПАРТИЗАНСКАЯ песня

(Из корейского дневника)

Василий КОРНИЛОВ

О мужественных корейских партизанах я услышал в первые же дни приезда в Корею.

Была весна 1949 года. Республика готовилась к великому дню — Празднику освобождения. Газеты, радио ежедневно сообщали о народных подарках родине: еще одна вошедшая в строй фабрика, еще одна дающая чугун домна, еще один многоэтажный жилой дом.

И в те дни, как салют единства, как грозная музыка борьбы, звучали там, на закабаленном юге, партизанские выстрелы. Партизаны действовали во всех восьми провинциях Южной Кореи, контролировали три города, семьдесят семь уездов, двести восемьдесят три волости.

Маленький остров Чечжудо превратился в укрепленный партизанский бастион. Это была поистине партизанская республика — со своим самоуправлением, своими новыми порядками и народными законами. Здесь формировались и растекались по стране новые партизанские отряды, здесь выходили подпольные листовки, которые жадно читались жителями юга, пересказывавшими их содержание друг другу.

Крупные соединения американских оккупационных войск были брошены на маленький остров для кровавой расправы. Американские бандиты сожгли двести девяносто шесть сел, двадцать тысяч домов. Более тридцати тысяч патриотов было убито, тысячи брошены в тюрьмы. Но борьба не прекратилась. Партизаны ушли в горы. Попрежнему не умолкали выстрелы и взрывы и на израненном острове Чечжудо, и в ущельях Тирисон, и на окраинах Сеула. В Южной Корее американские оккупанты, по их же собственному признанию, чувствовали себя, как на минном поле.

Впервые я увидел южно-корейских партизан в середине 1949 года. Это было в Пхеньяне, на съезде Единого Демократического Отечественного фронта Кореи. Среди 80 посланцев с юга была хрупкая черноглазая девушка по имени Ким. Рассказывая нам о себе и своих боевых товарищах, она спела партизанскую песню.

— Переведите песню на русский язык,— сказала она на прощание.— Пусть советские люди знают о наших думах.

...Шла грозная народная война против американских интервентов. Переведенный на русский язык текст партизанской песни с нотным листком хранился у меня в полевой сумке, как самая дорогая реликвия. Но песню постигла неудача: во время пожара в Сингисю листок сгорел со всеми записками о подвигах партизанки Ким и ее товарищей...

Наступили радостные дни побед на корейской земле. Воины Народной армии, сражающиеся бок о бок с китайскими добровольческими отрядами, обрубили лапы интервентам, направлявшим меч в спину молодого Китая. А там, за линией фронта, в тылу врага, такие же скромные, простые и мужественные люди, как партизанка Ким, продолжают свое благородное, патриотическое дело...

Взгляните, читатель, на карту Кореи. Город Тэгу еще в тылу вражеских позиций. Его именуют воротами к Пусану, этому последнему оплоту интервентов в Корее. А ведь совсем недавно десятки тысяч партизан вплотную подошли к Тэгу. Они взорвали железнодорожный мост через реку Нактонган и остановили всякое движение на самой важной артерии, питающей фронт. Они ворвались в город, атаковали американский гарнизон, уничтожили свыше двухсот солдат и офицеров. Здание полиции было разгромлено, ворота городской тюрьмы открыты. В тот же день взлетели на воздух все привокзальные склады с боеприпасами, вооружением и продовольствием...

Обратимся снова к карте... Вдоль побережья Японского моря тянется длинная непрерывная цепь скалистых гор. Эти горы географы называют спинным хребтом Кореи. Участок этого хребта южнее 38-й параллели образует один из крупнейших горных массивов — Тхябексан. Горы наводят ужас на американских интервентов — недаром они называют Тхябексан «неосвоенным краем», «коммунистическим штатом».

Надо отдать справедливость: это удачные определения. В горах Тхябексана действительно редко ступала нога иноземных захватчиков. Уже четыре года подряд здесь действуют крупные соединения корейских патриотов. Они контролируют огромную территорию партизанского района. Штаб партизанских соединений Тхябексана поддерживает связь с регулярными частями Народной армии и китайскими добровольческими отрядами.

У партизан Тхябексана есть автомашины, мотоциклы, орудия, пулеметы и прочая современная военная техника, отобранная у врага. Они подрывают мосты, перехватывают автоколонны интервентов, совершают дерзкие налеты на вражеские гарнизоны. В начале января партизаны ворвались в уездный город Аньдон и наголову разгромили находившиеся там воинские части и полицию.

* * *

Уже большая часть территории Кореи освобождена от американских интервентов. Освобождена навсегда! Вчерашние герои-партизаны переходят к мирному труду. Мы побывали во многих освобожденных городах и селениях Кореи — их вчера еще попирала пята интервентов. Мы разговаривали с рабочими и артистами, писателями и крестьянами, студентами и педагогами. Без преувеличения можно сказать, что каждый третий из них прямо или косвенно был причастен к партизанской борьбе или подпольной работе.

Когда американские захватчики находились в Пхеньяне, знамя борьбы против них подняла подпольная организация «Молодая гвардия». Член организации Джо Бен Нам организовал побег из тюрьмы политических заключенных, которым грозила смерть от руки американских и лисынмановских палачей. Его товарищ Со Кван Бин организовал взрыв крупного американского склада с боеприпасами на окраине Пхеньяна. Бывший сеульский студент Пак Со Иль возглавил боевой отряд, действовавший на шоссейной дороге Сеул — Сувон. Народные мстители за месяц уничтожили пятьдесят две вражеские автомашины. Крестьянин из уезда Кесон, Кан Нам Му, по заданию партизан вместе со своей женой заложил около восьмидесяти противотанковых и противопехотных мин.

Интервенты расправляются с патриотами Кореи. Со спокойным мужеством, с презрением смотрят патриоты в глаза палачей. Они уверены: придет час расплаты, великое, святое дело, за которое они отдают свою жизнь, победит!

Молодая крестьянка Ку Чан Су вместе с мужем ушла в партизанский отряд в те дни, когда над Кореей сгустились тучи войны. Эта смелая маленькая женщина, никогда раньше не державшая в руках винтовки, сейчас говорит о себе: «На моем счету не один убитый американец. Я научилась стрелять, потому что этого потребовала родина».

Фото автора.

Беседуя с этими людьми, я расспрашивал их о партизанке Ким. Мне ничего не удалось узнать о ее судьбе. Хотя каждый из собеседников готов был дать мне песню, которую пели его товарищи-партизаны, но это были другие песни, а не та, которая была переведена на русский язык и сгорела в Сингисю.

И вдруг — совсем недавно — бывший партизан из провинции Северный Конвон, Ким Хвак Им, пропел мне ту самую песенку, которую пела партизанка Ким. Мы узнали имя автора текста и музыки этой песни: его зовут Пак Хан Ки.

Пришло время исполнить просьбу народной героини Ким и ее товарищей, славных сынов своей родины. Слова песни близки и понятны советским людям, желающим корейскому народу победы, счастья и мира. И советская молодежь, мы надеемся, будет петь эту песню, которую пела ты, девушка Ким, сидя у партизанского костра в кругу своих боевых друзей:

На Тхябексан пушистый снег ложится...
Мы на врага атакою идем.
Пускай кругом лихая вьюга злится,—
Но в нашем сердце кровь горит огнем!

Припев:
В поход тяжелый и далекий
Тропой завьюженной идем.
Нас не найти в горах высоких,
Но мы врага везде найдем.

Нам не забыть товарищей любимых,
Кто кровь свою в походах проливал,
Кто на снегу своей отчизны имя
В предсмертный час с любовью называл.

Припев.

Не раз мы были все в кольцо зажаты
У черных скал, вдали от деревень,
Но и тогда земли родной солдаты,
Мы верили в победоносный день.

Пхеньян.

КАНДИДАТЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Ученый

Владимир КЕДРОВ

1. ОКНО В МИР

За окнами операционной видно море. Громадные зеленые валы с шумом набегают на берег и рассыпаются по гальке легкой кружевной пеной. Но здесь, в этих белых стенах, — тишина, покой. Идет операция. На столе, закутанный с головы до ног в простыни, лежит слепой человек. Хирурги столпились вокруг него, готовясь раскрыть «окно в мир». Вот оно, маленькое отверстие в белом покрывале, закрепленное металлической диадемой: в широко раскрытом глазу, в самом центре — мутный кружок бельма, шторка, наглухо задернувшая от человека весь мир. Два—три укола шприцем блокируют глаз; теперь до самого конца операции не будет ни малейшей боли. Ведущий хирург, уже надев перчатки, еще и еще раз моет руки в брильянтовой зелени. Пожалуй, в хирургии нет ни одной операции, за исключением операций мозга, где бы требовалась такая стерильность... Но вот операция началась. Легкими, едва уловимыми прикосновениями режущего инструмента хирург выкраивает из слизистой оболочки глазного яблока ленту — тончайшую пленку, чтобы после пересадки укрепить ею трансплантат — пересаженную роговицу. Потом он острой коронкой просекает бельмо, как бы делая «прорубь». Тотчас же в образуемое отверстие вставляется диск заранее приготовленной прозрачной роговицы. Каким безошибочным глазом надо обладать, какими умелыми, искусными руками, чтобы орудовать на этом пространстве! Ведь операционное поле — 4 миллиметра! Но прославленный мастер работает спокойно, уверенно. Быстрыми, точными движениями сильных и вместе нежных пальцев он пригоняет роговицу к зрачку. Два—три шва, повязка — и все кончено. Операция, по своему изяществу и филигранной тонкости схожая с мастерством ювелира, длилась считанные минуты. И за эти минуты решилась большая человеческая судьба.

Спустя несколько дней маститый хирург, академик, сделавший на своем веку тысячи подобных операций, волнуясь, как юноша-студент, затаив дыхание, приподнимет диадему с лица больного, откинет повязку. И тот, быть может, впервые в жизни увидит дневной свет, море, солнце и заглянет в глаза другого человека — в добрые, лучистые глаза, озаренные радостной улыбкой. Как это правильно, по-человечески хорошо, что первый свой взгляд прозревший обращает на того, кто снял с его глаз непроницаемую завесу, отгораживавшую от него весь мир! Филатов!.. Чудесный исцелитель, человек, одно имя которого вселяет слепым веру в прозрение... «Самый главный доктор» — именуют его тысячи прозревших людей.

Больше столетия лучшие окулисты мира тщетно пытались разрешить проблему бельма. Экспериментировали на собаках, кроликах, курах. Шли годы безрезультатной работы. Проблема бельма была объявлена неразрешимой.

Скорбя всей душой о страданиях миллионов слепых, Филатов когда-то писал в своем лирическом дневнике:

Не для них небес сиянье,
Волн играющих сверканье,
Трепет солнца на листах,
Бег лучей в широкой степи,
Свет зари на горной цепи,
Нежный отсвет в облаках,
Отблеск неба в милом взоре
И в улыбке — в нежном споре
Свет и ласковая тень.
Ждите, верьте, дети ночи,
Будет миг, и ваши очи
Осияет ясный день!

И этот день настал!.. Гениальный врач решил похороненную всеми проблему пересадки роговицы. Филатов блестяще разработал технику этой сложной операции и сделал ее доступной каждому квалифицированному окулисту. Он открыл неисчерпаемые ресурсы пересадочного материала — трупную роговицу, призвав мертвых на службу живым. Для множества обездоленных людей, что бродили ощупью по свету, кляня свою горькую судьбу, советский ученый распахнул окно в мир!

Владимир Петрович Филатов.

2. ЧЕРТЫ ОБРАЗА

О Филатове много писали, многое рассказывают. Иногда ему приписывали черты, совсем несвойственные его характеру, даже противные его натуре. Его волю к труду, необычайный творческий напор, присущую ему страсть исследователя пытались характеризовать как азартность натуры, а достижения, добытые им ценой огромных усилий, приписать случаю, чуть ли не счастливому «везению». Это самая большая неправда о нем! Можно этап за этапом, шаг за шагом проследить весь творческий путь ученого и как клинициста, и как хирурга, и как экспериментатора, и нигде, ни в чем вы не обнаружите азартного игрока или счастливого баловня судьбы. Ничто — ни одна формула, ни один вывод, уж не говоря о решении фундаментальных задач, — не давалось легко, не падало с неба, как «манна небесная». Все от начала до конца — от опыта с первым кроликом до крупнейших открытий последнего времени — пронизано редчайшим трудолюбием, глубиной мысли и анализа, великим терпением вдохновенного исследователя-новатора. Взять хотя бы пересадку роговицы. Вот что пишет в своих воспоминаниях Филатов: «Я полагаю, что мои ученики, узнавшие мои мечты и думы, связанные с проблемой пересадки роговицы, ознакомившись с радостями и разочарованиями, с препятствиями, встречавшимися мне на пути, и с условиями, помогавшими мне, увидят, что пересадка роговицы, поскольку я ее двигал вперед, совершала свои шаги не в виде изящного танца на гладком паркете, а шагала, как и большинство научных проблем, по довольно тернистому пути, который мне приходилось расчищать с большим напряжением воли и мысли». Труд, неустанный, кропотливый, терпеливый труд!.. Из клиники — в лабораторию, из лаборатории — в прозекторскую... Рука, не успевшая отдохнуть от скальпеля, уже тянется к пробиркам и колбам, и утомленный над рукописью глаз часами не отрывается от линзы микроскопа. Работа огромного напряжения и неугасимой страсти!..

С присущей ему широтой мышления и научного кругозора Владимир Петрович Филатов никогда не замыкался в рамках своей специальности. «В медицине нет узкой специальности, есть узкие специалисты», — говорит он. И эту свою излюбленную формулу он пронес через всю свою научную деятельность, обогатив целый ряд смежных с офтальмологией областей медицины.

В 1914 году, заинтересовавшись восстановительной хирургией, Филатов пришел к выводу, что существующие методы пластических операций несовершенны. Тысячи людей с обезображенными в результате болезни, увечья или ранения лицами и органами тела нуждаются в помощи хирурга. Физическое уродство подобно тяжкой болезни — оно доставляет человеку невыразимые душевные муки, страшные моральные страдания, сознание своей ущербности, неполноценности. Иссеченное рубцами лицо, искривленный нос, вывороченные веки, отсутствие губ, бровей, ушей, ресниц — все это мешает жить, отнимает у человека радость бытия. И разве мы не знаем, какие глубочайшие человеческие драмы разыгрываются на этой почве после каждой войны!

Мастерство хирурга-восстановителя близко искусству скульптора. Только дело его куда сложнее, ибо ваяет он из живых тканей человеческого организма. Материал этот тонкий, неподатливый; сопротивление его безмерно. Это не глыба мрамора, которую можно обтесать в любых формах и объемах, и не глина, которая тут же, под пальцами скульптора, застывает в нужных ему линиях и изгибах. Ткань, выкраиваемая из человеческого тела, живет, она должна приживаться на новых местах, срастаться с ними, образуя новые формы. Вот из такого «ненадежного» материала хирург должен изваять новые части лица, а порой чуть ли не весь «человеческий портрет».

Владимир Петрович Филатов не только ученый, но и художник, одаренный мастер кисти. Те, кто общаются с ним, знают его живопись: чудесные морские пейзажи, с серебристо-жемчужной далью, чуть тронутые золотом увядания березовые рощи, тихие закатные вечера на берегу реки, окаймленной ивами... Картины родной природы, овеянные задушевным лиризмом, проникнутые тонким ощущением красоты, в которых так много света, воздуха, радостного приятия жизни!

Могла ли художественная натура этого человека примириться с уродством обезображенных человеческих лиц?! И, любя человеческое тело за прекрасную законченность его форм, за пластичность его линий, за самую «умную» из всего сущего конструкцию его, Филатов, в ком счастливо сочетался дар ученого с талантом художника, решил бороться за то, чтобы вернуть изуродованному, искалеченному, изъязвленному телу его первоначальную классическую гармонию. Так появился филатовский «круглый стебель» — гордость советской пластической хирургии, на котором выросла и расцвела не только наша отечественная, но и вся мировая восстановительная хирургия. «Чем крупнее открытие, тем меньше нужно слов, чтобы его характеризовать. «Круглый стебель» Филатова — это новая эпоха пластической хирургии лица», — заявил с трибуны Всесоюзного съезда хирургов один из корифеев советской хирургии, Н. Н. Петров.

Вот в кратких чертах сущность «круглого стебля». На коже оперируемого делаются два параллельных разреза. Образуемая между ними полоска кожи отделяется, и концы ее не перерезаются, а края сшиваются друг с другом, образуя подобие круглого стебля. Этот «стебель» служит материалом для «живой скульптуры» и может быть легко перенесен в любую часть тела, отчего получил название «путешествующего стебля». «Стебель» в настоящее время обошел больницы, госпитали и клиники почти всех континентов и многим тысячам несчастных вернул утраченную радость жизни. Неисчислимое благо людям он оказал во время Великой Отечественной войны; не случайно в день 25-летнего «юбилея» «стебля» создатель его посвятил это замечательное открытие героической Советской Армии!

3. СТИМУЛЫ ЖИЗНИ

Трудно поверить, что ему недавно исполнилось 75 лет. Невысокий, широкоплечий, кряжистый, в надвинутой на лоб шапочке хирурга, он быстро шагает по коридору клиники, полы его халата развеваются, как на ветру, ассистенты и ординаторы едва поспевают за ним.

Владимир Петрович входит в палату. К нему подводят больную. Старший научный сотрудник докладывает, что больная лечилась три с лишним года у знаменитого дерматолога и тот сложил оружие, заявив ей, что дальнейшее лечение бесполезно, потому что болезнь неизлечима.

Филатов морщится — слово «неизлечима» доставляет ему прямо-таки физическое страдание.

Он снимает с лица больной марлю, и под ней обнажается действительно нечто ужасное. Половина лица, крылья носа, надбровные дуги — все это покрыто сплошными язвами. Филатов спокойно осматривает больную и, обернувшись к ассистентам, дает распоряжение:

— Курс тканевой терапии. Подсадка и тридцать инъекций алоэ.— И снова повернувшись к больной, мягко говорит ей: — Ничего, голубушка, не отчаивайтесь. Еще такой красавицей будете, что муж вторично влюбится. Смею вас заверить!..

Направляясь дальше, он на ходу бросает нам свои быстрые, энергичные фразы:

— Кто только придумал это слово — «неизлечимо»! Отвратительное слово! Неизлечимая болезнь по мере развития нашей науки переходит в разряд излечимых. С пессимизмом можно и должно бороться! Но, развивая оптимизм, мы, конечно, не должны упускать из виду, что рядом с ним должна идти старшая сестра его — спокойная, уравновешенная критика. А вообще, — улыбается Филатов, — пессимизм у постели больного и в науке бесплоден!

...Большая карта Советского Союза расцвечена красными флажками. Широким веером расходятся они к северу, от Черного до Белого моря, до Новой Земли, к востоку — до берегов Охотского моря, охватывают Киргизию, Казахстан, всю Среднюю Азию, вплоть до Памира... И влево, на запад, минуя государственную границу, — на Бухарест, Будапешт, Прагу, Варшаву, Берлин... Это вехи победного шествия «круглого стебля» и тканевой терапии.

Филатовский институт в Одессе огромен: только лишь беглый, самый поверхностный осмотр его клиник, лабораторий, кабинетов занимает несколько дней! Это не имеющий себе равных по масштабам и задачам гигантский комбинат здоровья. На одном из его этажей имеется комната, где стены сплошь — от пола до потолка — уставлены стеллажами. Ящички, своим видом напоминающие соты в ульях, переполнены письмами. Тысячи разноцветных конвертов, оклеенных марками почти всех стран мира, могущими составить коллекцию самого требовательного филателиста... В письмах люди различных национальностей на всех языках и наречиях обращаются к «самому главному доктору» с верой, надеждой и благодарностью. 34 тысячи писем за четыре года, 10 тысяч писем только за один последний год! Мало кому из современных медиков выпала на долю такая широкая популярность, такое повсеместное признание!..

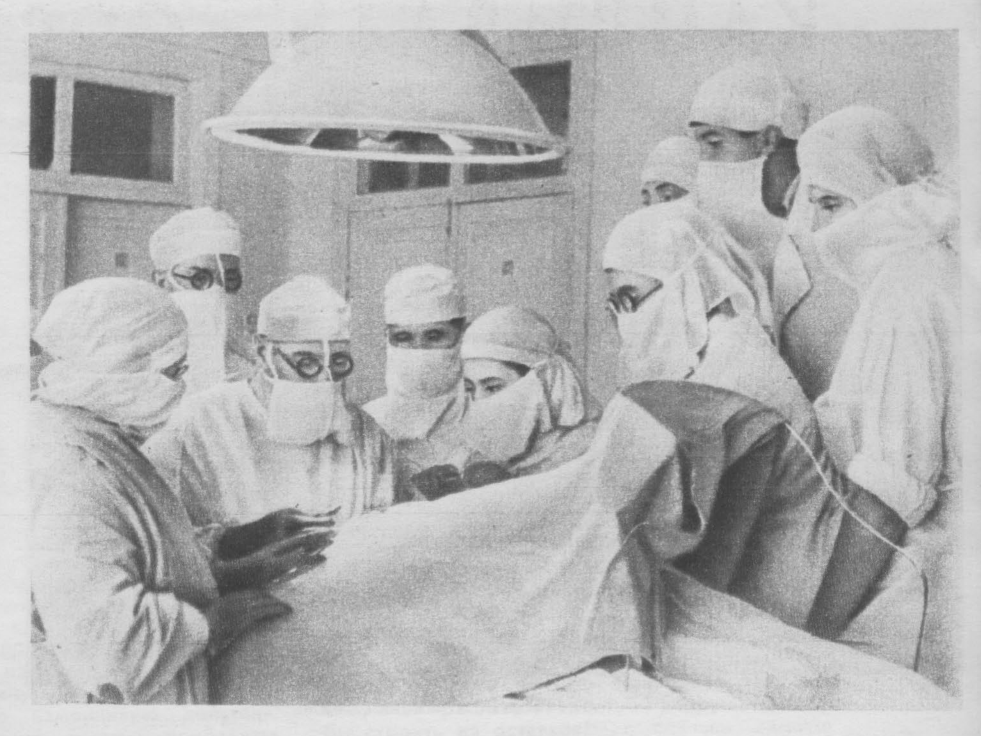
Владимир Петрович Филатов не только трудится над ответственными научными проблемами, читает лекции студентам, виртуозно делает сложнейшие операции, он еще ведет большую, плодотворную работу как депутат Верховного Совета Украинской ССР. Депутат Филатов, верный слуга своего народа и пламенный патриот своей Родины, близок и доступен широким массам людей.

Трудолюбие и неутомимость этого человека беспредельны! С таким же жаром души и творческим напором, с каким он совершает свои изумительные операции и научные открытия, он выступает на сессиях Верховного Совета, работает в специальных государственных комиссиях, неустанно печется о нуждах своей любимой Одессы, заслужив почетное звание «отца города». Трудящиеся Одессы избрали его членом Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет Украины. А на днях академику Филатову народ в третий раз оказал высокое доверие, назвав его одним из первых своих кандидатов в депутаты Верховного Совета республики. Он подлинный слуга народа, поистине государственный деятель, прославленный Герой Социалистического Труда.

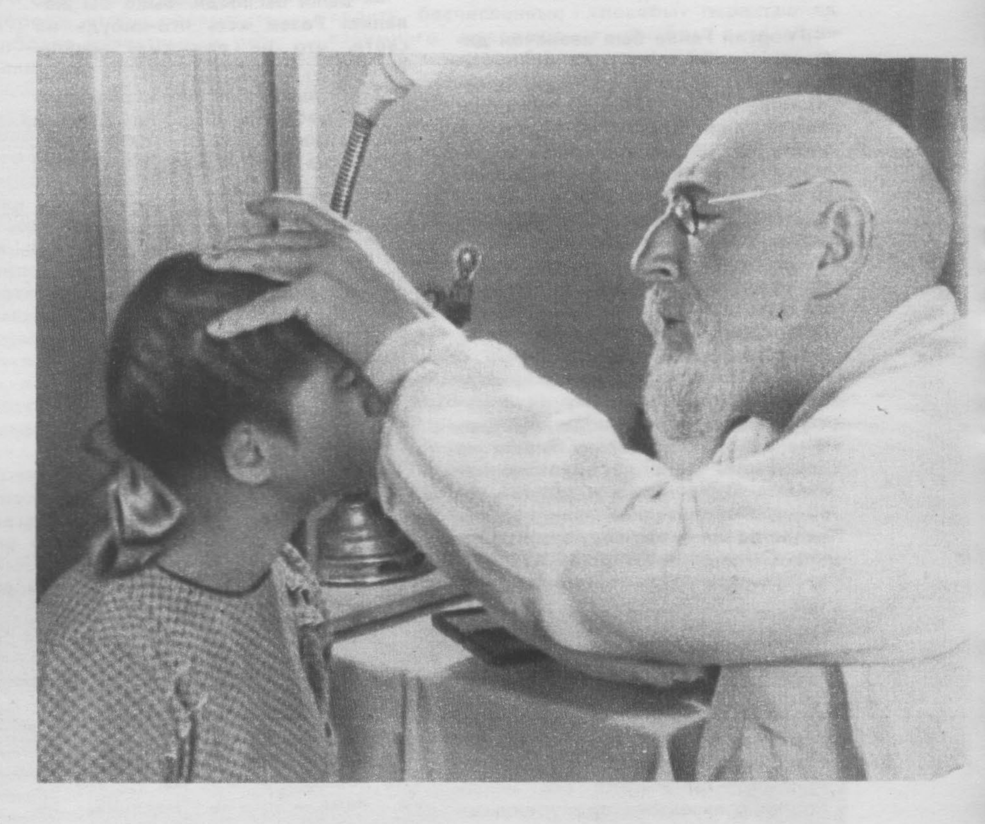
«Советские ученые борются за жизнь, за цветение жизни, за мир во всем мире, — говорит Филатов. — Можем ли мы не протестовать против отвратительных форм войны, против применения атомного оружия? Атомная бомба — это истребление огромных масс мирного населения. Но мы знаем, что дело мира в надежных руках. Возглавляемый товарищем Сталиным фронт мира одержит победу над поджигателями войны. Наша наука, вооруженная сталинским гением, как никогда, сильна. Она сильнее смерти!»

Так мыслит и чувствует тот, кто всю свою жизнь, все силы своего ума и сердца отдал родной стране, кто вдохновенно и самоотверженно трудится на благо великого народа, уверенно идущего к вершине человеческого счастья — коммунизму!

Одесса.

В. П. Филатов на операции

В. П. Филатов осматривает пациентку.

Директор

Евгений РАТНЕР

I

В самом конце улицы Ленина, центральной магистрали столицы Латвии, возвышаются корпуса завода. Врезаясь в самое небо, сверкают три огромные буквы — «ВЭФ». Это сокращенное латышское название предприятия — Валстс электротехника фабрика (Государственный электротехнический завод).

Такие же три буквы вы увидите на изделиях, часто встречающихся вам в городах, местечках, колхозах советской Латвии, да и за ее пределами — в братских республиках Союза. Заводская марка — три буквы, замкнутые в тоненькое кольцо, — стоит на радиоприемниках, телефонных аппаратах, электрических лампах.

ВЭФ славится в Прибалтике не только своей продукцией, но и передовыми, социалистическими методами труда.

Вэфовцы выступили застрельщиками социалистического соревнования в республике за досрочное выполнение сталинской пятилетки и с честью завершили ее в три года десять месяцев.

Именно на этом заводе появились первые в Латвии ударники и стахановцы, первые комсомольско-молодежные бригады, первые отличники качества.

Георгий Иванович Гайле.

II

Георгий Гайле был назначен директором ВЭФ еще до освобождения Риги от фашистских оккупантов. В Ригу он приехал вслед за частями Советской Армии и сразу же на зеленой своей фронтовой машине двинулся к заводу. В городе еще пылали огромные костры пожарищ, из-за Даугавы доносился грохот боев.

То, что Гайле увидел на заводе, не испугало, не удивило его. Он представлял себе подобную картину: разбитые корпуса, опустошенные цехи.

Гайле быстро шагал по заводскому двору, похожему на большое кладбище. И люди, бродившие здесь, как обычно бывает на кладбище, были сосредоточенно-хмуры. Одни молчали, другие тихо переговаривались между собой. Гайле понял — это кадровые рабочие. Он подошел к одной из групп и, громко поздоровавшись, сказал:

— Сызнова начинать придется.

— Начинать-то можно, а вот кончим когда? — ответил ему один из рабочих.

— После первой войны меньше беды было, и то еще через десять лет корпуса стояли с выбитыми окнами, — продолжил его мысль старик с пышными прокуренными усами.

— Да-а-а, — протяжно вздохнул кто-то.

— Выходит, приуныли, вэфовцы? — спросил Гайле.

— Приуныли или нет, а радости мало, — ответил пышноусый рабочий. — Война. Разорений столько. До нас ли!.. Когда это еще у советской власти до нашего завода руки дотянутся...

— Когда? — улыбнулся Гайле. — А вот прямо сегодня и возьмемся. Я директор ВЭФ.

Десятки глаз обратились на Гайле. Люди с особенным интересом разглядывали этого худощавого человека средних лет, его энергичное, немного скуластое лицо, небольшие острые глаза, блестевшие под стеклами пенсне.

Сзади чей-то голос негромко сказал:

— Директор-то есть, а завода нет...

Не оглядываясь, Гайле воскликнул:

— Были бы люди, было бы желание! Разве есть что-нибудь на свете, что не под силу нашим рукам!

...В большом кабинете, освещенном керосиновыми лампами, было полно людей — шло первое совещание на ВЭФ. Говорил инженер Эгле:

— Товарищи, директор предлагает прежде всего восстановить котельную. Решение совершенно правильное и единственно верное. Он считает необходимым построить собственную заводскую электростанцию. Рига не имеет ни одного киловатта энергии и неизвестно, когда будет иметь. Чтобы пустить цехи, нужен свой ток. Директор предложил нам, инженерам, произвести подсчет, сколько времени потребуется на эту работу.

В полной тишине все напряженно слушали.

— Мы добросовестно все обследовали, — продолжал инженер. — Взрывной волной котел сброшен с двенадцатиметровой высоты. Он уцелел, хотя сильно помят. Но это — все, что осталось от котельной. Мы подсчитали: в нормальных условиях на такую работу потребовалось бы минимально полгода. Теперь мы управимся в семь — восемь месяцев, не больше.

— Управимся в один месяц! — громко сказал Гайле.

Даже возгласов удивления не последовало после этих слов. Все были потрясены краткой репликой директора. Минуту, может быть, две, в кабинете стояла абсолютная тишина. Тогда Гайле встал.

— Ни на одну секунду не сомневаюсь я в добросовестности расчетов наших инженеров, — сказал он. — Но, произведя их, они не приняли во внимание самого главного — теперь мы, трудящиеся, хозяева ВЭФ, как и всей страны. И то, что прежде рабочий никогда бы не сделал для капиталиста, он сделает для себя, для народа. Я инженер. И предлагаемый мною срок — также результат точных подсчетов. Причем расчетов, построенных на опыте. Я работал на большом заводе на Урале, который создан на голом месте в предельно короткий срок.

И Гайле рассказал, с каким невиданным героизмом трудились советские люди в тылу, как опережали они все самые смелые расчеты инженеров.

— Разве отстанут латышские рабочие от своих русских братьев? Разве не можем мы работать не в одну смену, как думал наш инженер Эгле, а в три? Среди вас есть знаменитые латышские стрелки — участники гражданской войны. Разве забыли они, что такое геройская борьба?!

— Не забыли! — вскочив с места, крикнул токарь Янис Химпель.

— Не забыли! — раздались возгласы.

— Мы не только руками, мы и головой поработаем! — подал голос мастер Озол.

Когда снова наступила тишина, Гайле закончил изложение своего плана.

— Реальна наша программа? — спросил он всех. — Я убежден, что да. К нам полностью относятся слова товарища Сталина о том, что реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, товарищи!

Все шло так, как и предвидел Гайле. Мастер Озол придумал приспособление, при помощи которого котел был быстро поставлен на место. В железобетонной конструкции, сооруженной по методу инженера Рейница, бетон застывал за три дня вместо обычных двух недель. А от рабочих, техников, инженеров шли все новые и новые предложения. Не было человека, который не участвовал бы в соревновании.

Ровно через тридцать дней котельная и электростанция были готовы. Завод получил ток.

— А наш-то директор доказал свой характер, — говорили рабочие.

...К концу года ВЭФ выпустил первую продукцию.

III

Уже далеким прошлым казались горячие месяцы восстановительных работ. В цехах стояли тысячи новеньких станков, присланных из братских республик. Были созданы новые цехи. Уже выпускались радиоприемники, телефоны, телефонные станции. Но о том, как в первые дни директор «доказал свой характер», хорошо помнили все.

Много раз после этого Гайле ставил перед коллективом сложнейшие задачи, и не было случая, чтобы во-время их не решили.

Для сооружения телефонных станций необходимо большое количество специальных чувствительных приборов — реле. Вначале ВЭФ получал реле из Ленинграда, потом заводу предложили в кратчайший срок самому освоить выпуск этого прибора.

Не хватало оборудования, не хватало кадров.

Гайле решил одновременно готовить и оборудование и кадры. Пока сооружали новые станки, будущие релейщики тренировались на макетах под руководством опытных рабочих во главе с мастером Страуюпом. Через две недели цех был оборудован, и рабочие приступили к производству сложных приборов.

С такой же энергией приступили к производству электролитических конденсаторов. По поручению Гайле инженер Лугис разработал технологию их производства. И этот цех вскоре начал давать продукцию. Но на первых порах брака было немало. Тогда все основное свое внимание и внимание своих помощников Гайле направил на новый цех. Здесь на месте проводил он совещания стахановцев с участием главного инженера и главного технолога. И общими усилиями брак был искоренен.

Внимание Гайле привлек другой конденсатор — переменный, самый точный узел радиоприемника. Долгое время на заводе было только два старых опытных регулировщика переменных конденсаторов. Коммунисты цеха сигнализировали Гайле, что при увеличении выпуска радиоприемников регулировка тормозит всю работу. Нужны новые специалисты.

Гайле обратился за помощью в заводской комитет комсомола. Комитет рекомендовал директору послать на участок регулировки энергичных комсомольцев — Евгения Хлуденева, Зенту Озерскую и других юношей и девушек.

Прошло немного времени. Хлуденев появился в кабинете директора.

— Позвольте рапортовать, — широко улыбаясь, сказал он. — Старики уже от нас отстают. Просим организовать комсомольско-молодежный конвейер; будем работать по часовому графику.

IV

В семь часов утра Гайле уже на заводе.

Рабочие говорят:

— У него такой характер. Головой и сердцем он всегда на ВЭФ.

Какой же характер у директора? Твердый, капризный, напористый, добрый? У него большевистский характер.

Латыш по национальности, Георгий Гайле вырос в Ленинграде. Семнадцать лет проработал он на заводе «Электросила» имени Кирова. Здесь прошел он путь от рабочего до начальника производства завода. Здесь вступил он в комсомол, а в 1929 году — в партию. Здесь закалился его характер.

Конечно, заслуга в том, что завод увеличил выпуск продукции в несколько раз по сравнению с довоенным уровнем, принадлежит не одному Гайле. Это заслуга всего коллектива, возглавляемого заводскими коммунистами. И все же в победе вэфовцев значительна роль большевика-руководителя, большевика-хозяйственника.

Мысль о переводе производства радиоприемников на поток подал коммунист Галков. Гайле развил и осуществил ее. Это также в характере директора. А сколько новых идей дал он сам конструкторам и инженерам! Недаром Георгию Ивановичу Гайле за умелую организацию производства, за внедрение новой техники, за разработку и создание новых типов радиоприемников и телефонной аппаратуры и за успехи в выполнении производственных планов Указом Президиума Верховного Совета Латвийской ССР присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки и техники республики.

Выдвигая лучших сынов и дочерей народа кандидатами в депутаты Верховного Совета Латвии, трудящиеся Риги назвали одним из своих кандидатов директора-коммуниста Георгия Ивановича Гайле.

Рига.

Климент Ефремович ВОРОШИЛОВ

Фото Г. Петрова

ДРЕВО ЖИЗНИ

Олег ПИСАРЖЕВСКИЙ

Стены Московского университета закладывались с запасом прочности на столетия. В этой толще глохнут звуки внешнего мира. Глубокие проемы окон выходят в дремотный переулок. Но обманчивая тишина, в которую погружена химическая лаборатория, — это тишина не уединенности, а величайшего напряжения.

По заслуженной лестнице с узенькими стертыми ступеньками подымается девяностолетний академик в черной шапочке на белых волосах, и первый его вопрос: «Что у нас нового?» А новое есть всегда.

Пристально, как утверждают близкие, влюбленно, всматривается он в жидкость в пробирке. Вещество! Еще один из его бесконечно изменчивых ликов. Жидкость в стекле имеет свой цвет, в тончайших оттенках уловимый опытным глазом, свой особенный запах. Но это лишь побочные признаки. Не ими сейчас руководствуется химик, хотя некогда они были главными. Прибор раздвигает границы чувств. Невидимые глазу рентгеновские лучи уже пронизали новое вещество, и на фотопластинке запечатлелось его строение. Перед химиком выстраиваются в ряд формулы. По ним сейчас можно прочесть все: прошлое, настоящее и в значительной степени будущее нового продукта.

Конечно, для этого нужно иметь воображение технического, если угодно, склада. Молекулы приобретают в глазах химика определенность конструкций. Он их рассчитывает, разымает, перестраивает, надстраивает и взаимозаменяет. Из искусства химия становится точной наукой. В безграничной области соединений углерода — в классической органической химии — этот переворот совершил Герой Социалистического Труда академик Николай Дмитриевич Зелинский.

ХИМИЯ НЕФТИ

Обаяние личной скромности Николая Дмитриевича Зелинского настолько велико, что, хорошо зная его, трудно подыскать слова, которые давали бы действительное представление о величии этого человека в науке. Он поднял на невиданную высоту химию нефти... Нет, он создал химию нефти!

Когда он начинал заниматься нефтью, о ней ничего не было известно. А нам нужны не общие описания несхожих нефтей Прикаспия и Чусовой, Кубани и Заволжья. В глазах химика сама по себе нефть лишена индивидуальности. Древний остаток некогда бушевавшей на Земле органической жизни, сейчас это всего лишь смесь отдельных веществ. В их состав входят главным образом два элемента: углерод — скелет молекул — и легчайший водород — универсальная связка углеводородных цепей или циклов, образующих частицу. Углеводородные молекулы весьма разнородны. Среди них различали парафины и цикланы, их удавалось разделять на бензины, керосины, масла, но строение их оставалось темным для науки.

Зелинский воссоздал, построил в лаборатории почти все нефтяные углеводороды. Эта работа заняла 18 лет. Теперь природа любых нефтей перестала быть загадкой.

Одного этого было бы достаточно, чтобы оставить неизгладимый след в науке. Но для Зелинского самое интересное начинается именно с момента получения вещества. Он не систематик, а творец. Нельзя себе представить, чтобы полученный им углеводород был уложен на полку шкафа под торжественной этикеткой. Радость, доставленная свежей добычей, недолговечна. Тут же Зелинский устремляется к дальнейшим превращениям. Он преобразует полученный углеводород на все лады: отнимает от него водородные атомы, если понадобится, их добавляет, окисляет, делает все что угодно! С огромной изобретательностью, во всеоружии великолепной экспериментальной техники...

Но ради чего?

СТРАТЕГИЯ ОРГАНИКА

Еще в менделеевские времена было известно, что нефть заключает в себе драгоценное химическое сырье. Современная технология высказывается определеннее: вся нефть без остатка может быть обращена для целей химии. И жизнь настоятельно требует этого!

На первый взгляд схемы углеводородных соединений кажутся простыми и однообразными, как постройки из детских кубиков. Не сразу удается привыкнуть к мысли, что они отражают бесконечно изменчивую действительность. Но достаточно, скажем, прибавить к молекуле метилового спирта еще один атом углерода и два — водорода, чтобы превратить смертельный яд в наиболее известный и распространенный вид алкоголя, так называемый винный спирт.

Есть углеводороды, у которых «скелетные» атомы углерода расположены по углам шестиугольника, называемого обычно кольцом, а построенные на этой основе углеводороды называют кольчатыми или циклическими. Многие из таких кольчатых соединений имеют приятный, душистый запах. Вероятно, поэтому за ними издавна закрепилось название ароматических соединений (хотя на самом деле некоторые из них не имеют никакого запаха, а другие пахнут даже неприятно). Присоединяя различные атомы к углам именно таких «колец», можно получать разнообразнейшие продукты высокой ценности. Так, нафталиновое кольцо — родовое начало множества великолепных красок.

В иных распространенных углеводородах атомы углерода располагаются в некоторого рода прямые или разветвленные цепи. Это открытые, цепочечные соединения, например, алкоголи, парафины.

Множество химиков целую жизнь посвящали благородной задаче выращивания «родовых дерев» — производных одного какого-либо вещества из такого ряда. Но все достигаемые ими превращения сводились главным образом к замене одних составных частей молекулы другими. Между отдельными классами углеводородов лежала, казалось, непроходимая пропасть. Сколь ни заманчива была идея превратить, скажем, парафины, даже название которых в переводе с латыни говорит о неспособности к реакциям присоединения, в ценные «ароматики», — это приходилось относить к области научной фантастики.

До работ Зелинского неизвестно было, как подступиться к перестройке частиц, в самом родовом названии которых звучала безнадежность. О них до сих пор говорят как о «предельных», «насыщенных». Предел насыщения связей в молекуле — это химический тупик. В этом тупике числились не только парафины, но и другие углеводороды, прозванные кем-то всердцах «химическими мертвецами».

И, однако, мнимые «мертвецы» ожили...

КЛЮЧ К ЗАМКУ

На «мертвецов» пытались воздействовать жаром. Высокие температуры крушат тонкие молекулярные постройки, как стальной прут стекло. В хаотической смеси обломков иногда можно выбрать кое-что пригодное. Но это безумная расточительность — разрушать, чтобы строить из остатков!

Зелинский нашел, ищет и продолжает находить бесчисленные способы перестройки, взаимного превращения л ю б ы х углеводородных молекул без их разрушения. Цепочки замыкаются в кольца, кольца теряют свое водородное насыщение и становятся деятельными драгоценными ароматиками, почти не меняя при этом строения. Все эти процессы происходят с огромными скоростями — этого темпа требует жизнь! — при сравнительно невысоких температурах.

Творчество Зелинского и его учеников на протяжении десятилетий изменило весь облик промышленной химии, а ведь мы говорим именно о ней. Здесь излишни подробности, но стеклянные приборы на столе химика — это ведь не что иное, как модели нефтеперерабатывающих заводов, фабрик красителей, синтетического каучука и естественного горючего. Лаборатория неотделима от техники. Надо видеть Зелинского в работе или хотя бы слышать его рассказ о том, как из облагороженных молекул углеводородов слагаются реки и океаны бензинов, чтобы почувствовать, насколько близка ему эта мысль.

Как же удается осуществить такие удивительные внутренние перестройки молекул?

Академик Н. Д. Зелинский со своими учениками. Справа налево: академики Б. А. Казанский, Н. Д. Зелинский, профессор М. Б. Турова, доцент А. Н. Кост.

Для каждой из них Зелинским и его учениками подобран соответствующий ключик. Ключ не открывает двери, он только поворачивается в замке. Так и здесь переходные превращения совершаются при помощи посторонних веществ — катализаторов, которые не входят в соединение, а только управляют его механизмом. Такими ускорителями, поворотными звеньями реакции служат в одних случаях платина, в других — никель, алюминий и иные химические элементы.

Внедрять катализаторы в органическую химию Зелинский начал давно. При посредстве хлористого алюминия уже в 1918 году ему удалось получить из запасов тяжелого солярового масла и мазута авиационный бензин. На этом бензине летали самолеты молодой Красной Армии, отрезанной интервентами от нефтедобывающих районов.

При участии новейших катализаторов получаются обычные, грубые бензины. Только тем или иным путем облагороженные бензины пригодны для ответственной службы в авиации наших дней. В самых трудных условиях, при высоких температурах и большом сжатии они сгорают, не взрываясь, не разрушая двигателя.

Умелое применение катализаторов помогло избавить некоторые наши нефти от серы — опаснейшего врага металла. Содержащие серу соединения под влиянием катализатора разрушаются. При этом удаляется в виде смрадного газа сероводород, а очищенные углеводороды продолжают свой полезный путь.

Если попросить рассказать обо всем этом самого Николая Дмитриевича, он умоляюще поднимет руку: «Да право же, друг мой, здесь нет ничего особенного, просто мы немного продвинулись в понимании катализа и отчасти научились его применять».

Истина в том, что именно Зелинский и его школа создали органический катализ!

ЛАБОРАТОРИЯ И ПРИРОДА

Катализ не единственный пример блистательного новаторства Зелинского. Глубоки корни этого новаторства. Зелинский вступал в жизнь в ту пору, когда А. М. Бутлеров перестраивал химию на основе выдвинутой им же теории химического строения: прочертил контуры атомных конструкций спиртов и кислот, сахаров и масел и тем самым начал в химии эру созидания. Зелинскому было восемь лет, когда Д. И. Менделеев открыл периодический закон и свел элементы в таблицу. Владея ею, ученые приобретали необычайное могущество. Теперь достаточно было назвать вес атома, и вы уже знали все свойства элемента, который из подобных атомов состоит: прозрачность и блеск, прочность и стойкость...

Но надо было еще суметь воспользоваться этим новым пониманием природы. Со смелостью, поразившей робкое воображение многих зарубежных коллег, Менделеев по таблице предсказал свойства не открытых еще элементов, что было, пожалуй, еще более удивительно, чем уменье воссоздавать причудливый облик ископаемого чудища по одному звенышку из связки стопных костей, найденному в толще земли.

Ученик не отставал от учителей. Первая научная работа, выполненная Н. Д. Зелинским в 1884 году в Новороссийском университете под руководством талантливого П. Г. Меликишвили, посвящалась исследованию так называемых аминокислот, промежуточных составных частиц белка. Вот куда сразу потянулась любознательность студента и уже ученого: к загадке жизни!

В дальнейшем на этом пути Зелинскому удалось вплотную подойти к воспроизведению наиболее сложно организованной материи — белковых тел. Увенчанное Сталинской премией открытие циклического строения белков опрокинуло недоверие скептиков. Рухнули считавшиеся классическими взгляды Фишера, утверждавшего, что аминокислоты являются микроосновой белка — строить белок прямо из аминокислот — то же, что писать стихи, встряхивая наборную кассу с литерами в надежде, что по воле случая из них сложатся стихотворные строчки. В свете работ Зелинского, отыскавшего укрупненные блоки белковой молекулы, задача синтеза белка приобрела реальные очертания.

Широта научных интересов сближает Зелинского с классиками естествознания не меньше, чем смелость в постановке самых коренных, самых важных проблем науки. Путешествие на канонерке «Запорожец» для изучения серного брожения отравленных сероводородом глубин Черного моря сочетается в его научной биографии с чудесным «Химическим этюдом о пчеле», читанным им в Академии наук. Зелинский первый применил излучения радия для исследования углерода. Он же впервые использовал поглотительную способность отожженного угля для противогаза, спасшего десятки тысяч жизней в первую мировую войну.

ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Естествоиспытатели демократического лагеря, которые вместе с К. А. Тимирязевым видели в науке «доверенное им сокровище, составляющее собственность всего народа», никогда не ограничивали свой кругозор узкими окопами специализации. Для них не существовало «науки ради науки». Создавая для нужд земледелия науку о почвах, В. В. Докучаев призывал изучать и сам изучал «единую, цельную и нераздельную природу». В. И. Вернадский — современник и соратник Зелинского, вместе с ним покинувший Московский университет в 1911 году в знак протеста против реакции,— объединил во имя развития производительных сил родной страны геологию с химией в новой науке — геохимии.

Но эти черты творчества передовых русских естествоиспытателей могли полноценно раскрыться только на советской почве. Такова природа советской науки, питаемой плановым социалистическим хозяйством и в свою очередь добровольно, с охотой его обслуживающей. Она стирает искусственные грани между отдельными дисциплинами. Когда Зелинский круто взялся за обогащение органической химии далекими ей передовыми методами физического анализа — оптическим, рентгенографическим и другими,— он следовал не только логике развития науки, но и духу эпохи. А когда он со своей обычной энергией и настойчивостью закладывал основы химии сверхвысоких давлений, он опирался также и на весь могучий арсенал технических средств социализма.

«Еще совсем недавно физика и химия шли своими особыми, раздельными путями,— писал он, обосновывая свой поворот «к пределам сжатия».— На наших глазах эти пути сближаются. Может ли быть иначе? Ведь именно благодаря физике мы познали природу тех сил, которые действуют в химических преобразованиях веществ окружающего нас мира. И не вопросы ли новой химии заставляют физику, достигшую изумительных результатов в изучении свойств отдельного атома, особенно настойчиво стремиться к решению следующей, более трудной задачи: к раскрытию картины сложных взаимодействий целых комплексов атомов, законов возникновения и жизни огромных молекулярных конструкций, из которых формируются белки, вытягиваются нити шелка, складываются грани кристаллов? Наши взоры в прямом смысле этого слова, поскольку это нам позволяют современные оптические методы исследования, и в смысле теоретического проникновения в сущность законов природы, прикованы сейчас к молекуле — носительнице химических свойств любого вещества. Мы ее разрушаем, исследуем по частям, синтезируем, видоизменяем всеми доступными нам способами. Мы отмечаем малейшие вариации ее свойств в зависимости от внешних воздействий. И разве не естественно стремление усилить эти воздействия?! Разве не естественно желание получить как можно более резкую картину этих изменений, расширить их диапазон в поисках новых, неизвестных доселе веществ, и новых, не открытых еще свойств тех веществ, которые приняты на вооружение техники?».

Широко, свободно мыслит советский ученый. Всем своим существом Зелинский сливается с творчеством великой страны, строящей коммунизм. «Источником волнующей воображение мечты является наша прекрасная действительность, которая завтра станет еще прекраснее»,— писал он недавно, обращаясь к молодежи.

ШКОЛА НОВАТОРОВ

Зелинский говорит «мы нашли», «мы приблизились», «мы будем» — совсем не в том значении, как это обычно принято в корректном научном обиходе. За горделивым и любовным «мы» всегда стоят реальные, близкие ему люди: сотрудники-друзья и друзья-ученики. До своего демонстративного ухода из университета в 1911 году он успел заложить школу такого размаха, что вскоре чуть ли не во всех российских университетах читали органическую химию воспитанники его «дружины». А ведь это было только начало!

Когда в вузы ринулась заводская молодежь, чтобы по призыву партии штурмовать большие знания, хотя она не имела еще подчас и малых, Зелинский разделил тесное помещение лаборатории пополам и сказал: «Здесь будут работать рабфаковцы». Ему глубоко по душе пришлись будущие ученые революционного призыва. На знание они смотрели как на оружие: им нужно овладеть, чтобы завоевать грядущее. Зелинский сумел их не только научить, но и заставил поверить в себя. Он вводил молодых исследователей в жизнь.

Школа ученого — это не простая преемственность его взглядов и достижений. Лучший пример тому—творчество самого Н. Д. Зелинского. Прямой и ближайший последователь Бутлерова, он вдохнул новое содержание в теорию химического строения.

В своих собственных идеях Зелинский также видит лишь повод для целеустремленного коллективного творчества. Мыслить так — значит понимать основной закон современного научного развития. Вовлекая в науку молодежь, одаряя ее новыми идеями, ученый с радостью подчеркивает и выделяет каждый самостоятельный шаг пионера. Никто из учеников Зелинского никогда не ощущал ограничивающего влияния его авторитета. Наоборот, каждый может рассказать о серьезной и деловой поддержке, которую в решающий час получили самые смелые его начинания со стороны этого выдающегося организатора науки сталинского стиля.

Иные ученики Зелинского, как, например, академик А. Н. Несмеянов, очень рано вступили на самостоятельный путь и настолько быстро и далеко ушли от основного направления работ учителя, что сейчас их деятельность воспринимается где-то на параллельных линиях творчества. То же можно сказать о работах, ведущих свое начало от Зелинского и его преемников Л. А. Чугаева и В. Г. Хлопина.

Но даже те, кто работает бок о бок с Николаем Дмитриевичем Зелинским, непосредственно продолжая исследования, составляющие основное содержание его исканий, следуют собственными путями. Вольно и свободно развивается эта огромная школа, насчитывающая десятки научных учреждений и сотни последователей, богатая творческими идеями и лишенная замкнутости и узости.

Продолжая, например, ставшие классическими работы Зелинского по синтезу углеводородов, академик Б. А. Казанский ставит сейчас новые вопросы о прочности связей в молекулах. Профессор Н. И. Шуйкин в том же новом направлении испытывает различные катализаторы. Основу для новых поисков дают важные закономерности превращений сложных циклических молекул, открытые профессором М. Б. Туровой.

Шаг за шагом продвигается в исследовании строения белков профессор Н. И. Гаврилов. Замечательных результатов достиг в лаборатории высоких давлений, созданной Н. Д. Зелинским, профессор Л. Ф. Верещагин. А за каждым из названных — а названа только часть — стоят еще десятки талантливых молодых исследователей.

Не перечесть все ветви могучего древа богатой и щедрой жизни родоначальника и руководителя славной школы советских химиков-органиков. Зародившись на русской почве, разрослось это древо под благодатными небесами советской социалистической Отчизны, раскинулось необозримо широко. Все его многочисленные ветви цветут и плодоносят, продолжаясь в сыновних поколениях последователей и учеников.

А это и есть бессмертие.

Памяти Сергея Ивановича Вавилова

Вдохновенный, радостный труд, устремленный в светлое коммунистическое будущее,— такой была его жизнь. Она оборвалась внезапно, словно туго натянутая струна во время исполнения жизнеутверждающей мелодии. Только что, буквально за несколько недель до кончины, вышла из печати книга Сергея Ивановича Вавилова «Микроструктура света» — рассказ об итогах многолетних работ по изучению сложнейших физических явлений. Почти одновременно появилась его книга «Наука Сталинской эпохи». Великий труженик и организатор науки — так охарактеризовала покойного президента в своем некрологе Академия наук СССР.

Ученик крупнейшего русского физика П. Н. Лебедева, Сергей Иванович Вавилов связал свою деятельность с исследованием света. Упорный, напряженный труд вложил ученый в эту область науки.

До работ Сергея Ивановича холодное свечение вещества — явление, известное под названием люминесценции,— мало привлекало внимание ученых. С. И. Вавилов создал здесь новое направление, широкую физическую теорию, отвечающую запросам практики народного хозяйства. Он вложил в эту теорию кропотливый труд, неисчерпаемое остроумие экспериментатора и глубину мышления ученого. В 1943 году работа С. И. Вавилова была увенчана Сталинской премией.

Торжествующе-праздничное, сияющее, солнечное освещение станций метро, картинных галерей, а теперь и каменноугольных шахт — это и есть люминесцирующее излучение, вошедшее в жизнь народа,— лампы дневного света.

«Проблема внедрения науки в жизнь, проблема связи науки и практики,— писал С. И. Вавилов,— важнейшая проблема, которую мы во что бы то ни стало должны научиться разрешать. Этого требует советский народ, большевистская партия, наше правительство».

Умение держать в поле зрения запросы практики при решении самых отвлеченных теоретических проблем было качеством Сергея Ивановича Вавилова как ученого. Он изучает природу света, тончайшими приборами вскрывает общие свойства излучения, остроумнейшими способами делает доступной глазу сокровенную тайну света — его состав из отдельных, неуловимо малых порций — фотонов. Он совместно со своими учениками и сотрудниками изучает новый вид свечения, вызываемый электронами, движущимися со скоростью, превышающей скорость света в данной среде,— вторая его работа, удостоенная Сталинской премии. Одновременно он неустанно работает над развитием физической оптики, вооружающей нашу оптическую промышленность. Попутно он интересуется вопросами физиологической оптики — законами работы глаза, важными для медицины.

Сергей Иванович Вавилов был выдающимся представителем науки Сталинской эпохи, растущей и развивающейся в неразрывном единстве с практикой, с жизнью советского государства, советского народа.

Продолжая и развивая благородную традицию передовых отечественных ученых — делать достижения науки достоянием народа,— Сергей Иванович Вавилов явился инициатором создания Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний и первым его председателем.

«Капиталистический мир боится просвещать массы и скрывает от них истину,— писал он.— В Советской социалистической стране таких преград нет и не может быть. Перед нами великая и благородная задача постепенно стирать грани между физическим и умственным трудом. Мы стремимся возможно скорее и полнее приобщить всех к знанию, к результатам передовой науки».

Он был неутомимым пропагандистом науки. Его книги «Солнечный свет и жизнь земли», «Глаз и солнце» — образцы рассказа о науке, увлекательного, живого, интересного, сделанного с любовью к своему предмету и глубоким уважением к читателю. Он написал десятки статей для первого издания Большой Советской, Медицинской и Технической энциклопедий. И когда настало время второго издания Большой Советской Энциклопедии — нового обобщения всех величественных завоеваний советской науки и культуры,— Сергей Иванович Вавилов был назначен главным редактором этого грандиозного труда.

На пост президента Академии наук СССР С. И. Вавилов был избран в год окончания Великой Отечественной войны. Ответственнейшая задача стояла перед советской наукой — не только достигнуть, но и превзойти в ближайшие годы достижения науки за пределами нашей страны. Это была задача, от решения которой зависели не только ускоренные темпы восстановления народного хозяйства, но и определенные гарантии мира и безопасности советского государства.

Президент Академии с честью нес ответственность за выполнение этой задачи. В памяти избирателей Ленинского округа города Москвы, единодушно поддержавших кандидатуру Сергея Ивановича Вавилова в депутаты Верховного Совета СССР на выборах 1946 года, навсегда осталась взволнованная предвыборная речь их кандидата. Президент Академии поручился перед народом за доверенное ему дело — руководство штабом советской науки. Он поручился за преданность советских ученых своей Родине, большевистской партии, вождю советского народа товарищу Сталину. Он поручился за готовность советских ученых отдать все силы на разрешение в кратчайшие сроки поставленной перед ними задачи.

Работа советских ученых за послевоенные годы оправдала доверие народа. Советская наука в целом ряде областей, в том числе и в некоторых исключительно важных, обогнала науку капиталистических стран. «В то время, как американские империалисты и их помощники разжигают новую мировую войну, проливают кровь народов Кореи, Малайи, Вьетнама,— писал Сергей Иванович Вавилов в 1950 году,— Советский Союз — оплот мира во всем мире — неустанно идет по пути к коммунизму, выполняет великий Сталинский план покорения природы и создания материальной основы коммунизма».

Сергей Иванович Вавилов был выдающимся борцом за мир. Его выступления на конференциях сторонников мира — это страстные призывы к защите мира, к борьбе ученых против использования их научных достижений поджигателями новой мировой войны.

«Для сторонников мира наука должна быть только созидательной»,— сказал Сергей Иванович Вавилов на II Всесоюзной конференции сторонников мира.

Пафосом созидания, радостью творчества была полна жизнь великого труженика науки. Такие люди, как С. И. Вавилов, не умирают. Они остаются жить навсегда в результатах своего труда, вдохновенного, жизнеутверждающего, устремленного в светлое коммунистическое будущее.

Профессор А. СТУДИТСКИЙ

Слава русского доменщика

Недавно на стене здания главной конторы Краматорского металлургического завода имени Куйбышева в торжественной обстановке была укреплена мемориальная доска:

«Здесь жил и работал знаменитый русский доменщик М. К. Курако (1902—1906 гг.)».

Чувство патриотической гордости вызывает в сердцах советских людей имя прославленного доменщика-новатора Михаила Константиновича Курако. Многим старым металлургам, собравшимся на торжество по случаю открытия мемориальной доски, вспомнился славный жизненный путь человека, делами своими умножившего славу отечественной техники, неустанно боровшегося за прогресс доменного дела в России, против преклонения перед иностранными специалистами.

Талантливый металлург М. К. Курако прошел путь от каталя до начальника доменного цеха. Несмотря на тайное и открытое сопротивление иностранных специалистов, работавших на юге России, Михаил Константинович сумел решить ряд сложных технических проблем. Слава о доменщике-новаторе быстро разнеслась по металлургическим предприятиям юга России.

Осенью 1902 года хозяева Краматорского металлургического завода, в частности его главный директор — иностранец Томас,— вынуждены были пригласить Курако, так как зарубежные инженеры и различные консультанты окончательно развалили завод. На его территории высились горы бракованного чугуна. Попытки немецких инженеров наладить работу обеих расстроившихся домен не увенчались успехом. За дело взялся М. К. Курако. После трех дней упорного труда печи стали выдавать такой высококачественный чугун, какого здесь никогда не получали.

Томас предложил М. К. Курако должность обермастера.

— Я могу у вас остаться работать,— ответил Курако,— только при одном условии: ваших мастеров я заменю русскими.

Посрамленному Томасу пришлось согласиться с требованием русского доменщика.

В период работы на Краматорском заводе — 1902—1906 годы — талант металлурга-новатора расцвел во всем своем блеске. М. К. Курако оказался и выдающимся конструктором и прекрасным педагогом, воспитывавшим кадры русских доменщиков. И сейчас нашим металлургам хорошо памятна знаменитая куракинская доменная печь. Спроектированная и воздвигнутая под руководством Михаила Константиновича, она по своим эксплуатационным качествам оставила далеко позади подобные печи заграничных конструкций.

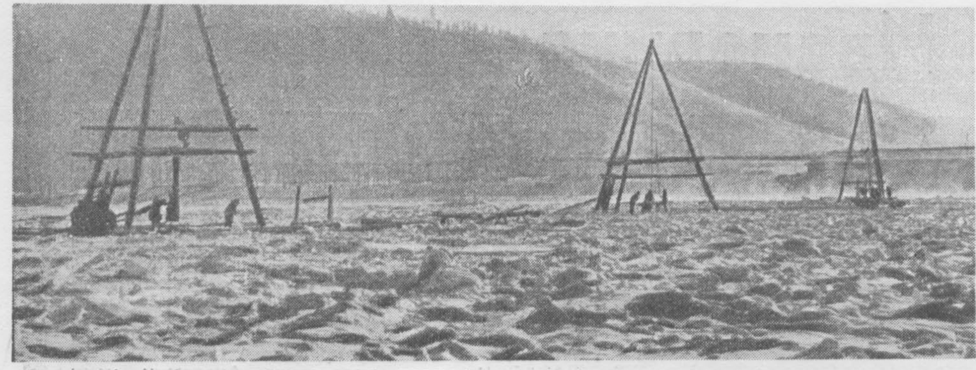
М. К. Курако был верным сыном трудового народа, неутомимым борцом за его счастье. Еще в Мариуполе (ныне Жданове), где Курако начал работать каталем, он был активным членом подпольной группы РСДРП, читал «Капитал» К. Маркса, Сочинения В. И. Ленина. Большую революционную деятельность Курако вел в Краматорске. Угроза ареста (по доносу Томаса) вынудила Михаила Константиновича покинуть завод и отправиться в родное село Козелье, бывшей Могилевской губернии. Курако не удалось скрыться от жандармов. Его арестовали. Но ни тюрьмы, ни ссылки не сломили его воли к борьбе.

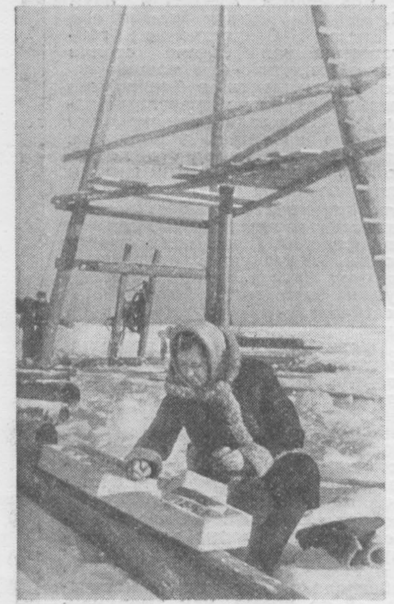
М. К. Курако участвовал в Октябрьской революции, был членом революционного комитета в Кузнецке. В 1920 году, в расцвете творческих сил, оборвалась жизнь большевика, доменщика-новатора. Память его чтут трудящиеся Краматорского металлургического завода имени Куйбышева.

И. ЮШКО

НА ПЛОЩАДКЕ ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ

Глубокие снега лежат сейчас в Жигулях. Волга покрыта торосистым льдом. Стоят морозы. Но ни на минуту не затихает работа на площадке строительства Куйбышевской ГЭС.

Геологи продолжают разведку грунта на месте створа будущей плотины. Летом и осенью буровые вышки в русле реки были установлены на плотах и понтонах, сейчас они стоят на прочном льду. (Снимок вверху).

Выбуренные образцы грунта немедленно доставляются в лабораторию строительства для всестороннего исследования. Техник-геолог, изыскатель одной из экспедиций «Гидропроекта» комсомолка В. М. Преснякова записывает сведения о выбуренных породах. (Снимок слева).

Строительная площадка на месте створа будущей плотины расположена на правом берегу реки. Вдали виднеются Жигулевские горы.

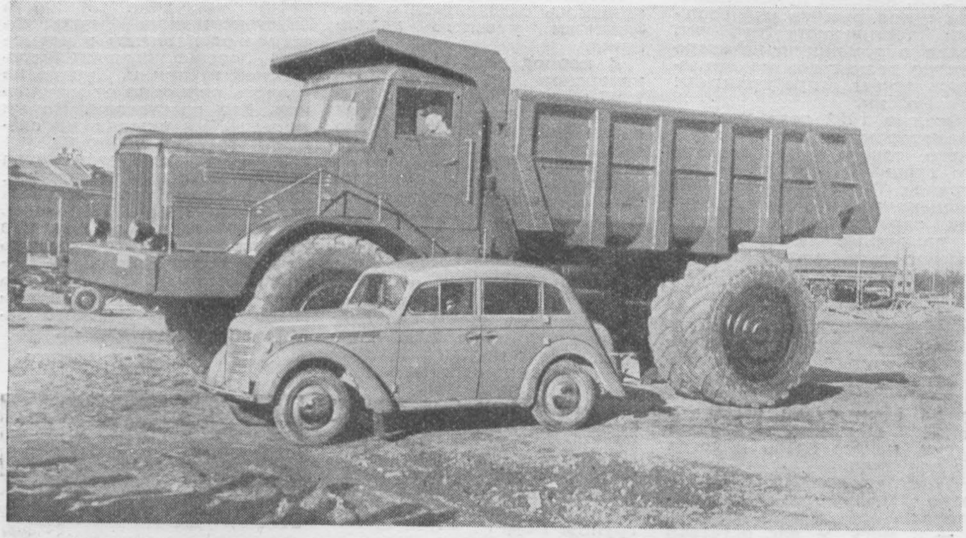
На площадке экскаваторы, гусеничные тележки, ковши, фрикционные валы еще не собранных механизмов. Все это прибыло сюда, на берег Волги, из разных концов страны — с Урала, Украины, из Узбекистана. (Снимок внизу).

Бригады экскаваторщиков и крановщиков, готовясь начать весной сооружение основных объектов ГЭС, усиленно ведут сборку прибывших сюда машин и механизмов. Дела хватает всем!

Н. БОРИСОВ
Фото **В. Старцева**

Две советские машины

«Москвич» кажется лилипутом по сравнению с мощным грузовым автомобилем.

«От всего сердца»

Широкая дорога уходит в залитые солнцем зеленые луга и теряется в ярком пейзаже цветущих колхозных полей. На горизонте очертания массивных столбов высоковольтной электролинии, первых вестников грандиозного послевоенного колхозного строительства. Украинское село весело встречает боевых героев, вернувшихся с фронта домой.

Солистка Большого театра СССР Н. Покровская в роли Груни.

Так начинается опера украинского композитора Евгения Жуковского «От всего сердца» (по одноименному роману Е. Мальцева), поставленная на сцене Большого театра СССР.

Режиссер спектакля «От всего сердца» Б. Покровский проявил много творческой изобретательности, чтобы оттенить основную идею спектакля — счастье свободного социалистического труда. Радует публику мастерство дирижера К. Кондрашина и отличный вокальный состав спектакля, особенно певцы Н. Покровская, И. Масленникова, Ан. Иванов, Г. Нэлепп, А. Кривченя.

Живописны декорации художника П. Соколова-Скаля, в них много света и хорошо найденных деталей.

Наша современность, черты близкого, светлого коммунистического завтра, видимые уже сегодня,— все это впервые находит воплощение в оперном произведении. Художественный язык музыки Е. Жуковского демократичен, в лучших своих страницах народен, насыщен украинской песенностью. Широко применяются такие классические оперные формы, как большие, развитые арии, ансамбли. Наиболее впечатляющи хоровые массовые сцены, изображающие народ, советских людей, преобразующих и облик колхозного села и природу.

И все же опера «От всего сердца» еще далеко не безупречна. Основной ее недостаток — неубедительность индивидуальных образов и прежде всего образа главного героя — Родиона, демобилизованного воина. Неумение его найти свое место в коллективе, что чуть было не привело к разрыву с родным колхозом и с женой Груней, ярко, жизненно раскрыто в романе Е. Мальцева. В опере этот психологический конфликт кажется малообоснованным, слишком затянувшимся, да и вообще не настолько значительным, чтобы играть центральную роль в музыкально-драматическом произведении.

Сцена из 1-го акта оперы «От всего сердца» Е. Жуковского в постановке Большого театра СССР. Встреча демобилизованных воинов.

Фото Е. Игнатович

Композитор не нашел убеждающего материала для художественной характеристики Родиона, его сложного душевного состояния, его заблуждений и прозрения.

Проблема создания полноценной оперы на темы нашей современной жизни во всей остроте поставлена перед советскими композиторами. Опера Е. Жуковского, получившая сценическое воплощение наряду с Большим театром еще и в Саратовском и Новосибирском театрах, представляет собой первый шаг в разрешении этой важной задачи.

С. КОРЕВ

Молодые матери-героини

Наталья Антоновна Буриличева — одна из самых молодых женщин, которым недавно присвоено почетное звание «Мать-героиня». Ей едва минуло сорок лет. В прошлом году она родила десятого ребенка — дочку Раису. Почетное звание — четвертая правительственная награда, которой удостоилась Наталья Антоновна. Пять лет назад ей был вручен первый материнский орден — «Материнская слава» III степени. Тогда Буриличева была матерью семи детей. Но вскоре один за другим родились еще два сына. Они принесли молодой матери новые награды — ордена «Материнская слава» II и I степени.

Немногим старше Н. А. Буриличевой и «Мать-героиня», жительница Тюмени, Людмила Федоровна Трифонова. Ей сорок второй год. Звание «Мать-героиня» — ее пятая награда. Людмила Федоровна не нарадуется на своих детей — пятерых дочерей и пятерых сыновей.

Книги-приветы

Сбор книг в 116-й средней школе Харькова.
Фото А. Коптюхина

Трудно установить, где впервые возникла эта инициатива. Одновременно в нескольких институтах и школах Харькова учащаяся молодежь начала собирать литературу для строителей Каховского гидроузла. Обком комсомола поддержал этот почин, и вскоре во многих учебных заведениях города было собрано большое количество книг.

Для строителей Каховской ГЭС укомплектовано уже несколько библиотечек. Здесь Сочинения В. И. Ленина и И. В. Сталина, произведения М. Горького, Л. Толстого, А. Чехова, книги советских писателей.

На некоторых книгах надписи: «Комсомольский привет строителям легендарной Каховки!», «Закончу институт, приеду на днепровскую стройку», «Слава великому Сталину, организатору и вдохновителю гигантских строек коммунизма!»

Во многие книги вложены письма. Так зародилась дружба харьковской молодежи со строителями Каховской ГЭС.

Двенадцатиигольная швейная машина

Многие годы советские специалисты трудились над созданием такой швейной машины, которая строчила бы не одной, а несколькими иглами одновременно. Надо было создать конструкцию, отвечающую высоким требованиям стахановской организации труда.

В 1949 году специалисты Научно-исследовательского института швейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР сконструировали первую в Советском Союзе двенадцатиигольную швейную машину.

Серьезное и сложное задание — воплотить чертежи в машину — выпало на долю коллектива киевского завода «Спецшвеймашина». Здесь в течение полугода велась напряженная экспериментальная работа. Инженеры, техники и рабочие предприятия приложили много усилий, проявили большую инициативу и изобретательность.

В 1950 году завод успешно освоил серийный выпуск. Машины с успехом используются на крупнейших швейных фабриках Москвы и Ленинграда, Прибалтики и Закавказья, Алтайского края.

Двенадцатиигольная заменяет восемь обычных швейных машин. Производительность ее — 250 метров широкого материала в час.

В. КУЧЕР,
Е. КРЫЖАНОВСКИЙ

Старший конструктор киевского завода «Спецшвеймашина» Л. И. Сидорец (справа) и слесарь Н. А. Мокрей за испытанием двенадцатиигольной машины.

Фото Н. Козловского

Рекорд авиамоделиста Васильченко

К берегу Днепра спускается несколько человек, оживленно беседуя. Инструктор авиамоделизма Днепропетровского аэроклуба Владимир Васильченко бережно несет свою новую модель гидросамолета.

...Вот уже завертелся винт, запел свою песню мотор. Кордовая модель поднялась в воздух. 14 кругов совершила она на привязи.

Люди внимательно следили за хронометрами. Маленький летательный аппарат развил среднечасовую скорость свыше 63 километров — быстроту курьерского поезда. Для такого типа моделей — это непревзойденное достижение.

В таблице мировых рекордов уже однажды упоминалось имя днепропетровца Владимира Васильченко. На всесоюзных соревнованиях его модель в полете по кругу показала среднечасовую скорость более 70 километров. Международная авиационная федерация зарегистрировала это достижение в качестве мирового рекорда. И вот уже новый выдающийся успех выпал на долю Васильченко.

Несколько лет работает он над созданием аппаратов «малой авиации». Страстный любитель авиамоделизма, Владимир Васильченко сумел увлечь этим спортом сотни днепропетровских школьников, многие из которых ныне сами успешно выступают на соревнованиях.

В. ЛЕВИКОВ

Чехословацкие фигуристы в Москве

В Москве, на стадионе «Динамо», с большим успехом выступали фигуристы Чехословацкой республики. Зрители тепло встретили гостей.

На снимках: победительница всемирных студенческих игр чемпионка Чехословакии Дагмар Лерхова исполняет танец.

Фото А. Бочинина

Каникулы Юрия Лукоянова

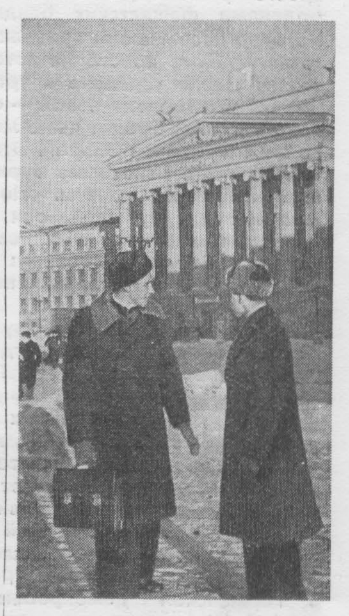
В ложе — Юрий Лукоянов и отличница 4-го курса строительного факультета Элеонора Плохих (слева).

Фото студента Ю. Владимирского

Уральский политехнический институт имени Кирова на три года старше Юрия Лукоянова. 25 лет тому назад на окраине Свердловска, на опушке соснового бора, были возведены большие учебные корпуса и студенческие общежития этого одного из крупнейших вузов страны.

На девяти факультетах института обучается более 6 тысяч юношей и девушек, приехавших в Свердловск из самых отдаленных уголков Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, Казахстана, Урала. И среди них отличник, активный комсомолец Юрий Лукоянов. Весной он получит диплом инженера-строителя гражданских сооружений.

Недавно Лукоянов с успехом завершил зимнюю экзаменационную сессию. Сдан последний экзамен. Юрий выходит на улицу и встречает друга — аспиранта Александра Поздеева, который спрашивает его:

Юрий Лукоянов (слева) идет домой после экзаменационной сессии.

— Ну, как сдал экзамены?

Юрий скромно отвечает:

— Как всегда.

Это значит — сдал отлично. Теперь можно отдохнуть. Настала пора каникул.

...В кабинете директора Уральского политехнического института А. С. Качко хранится свыше 100 переходящих спортивных призов. Это «трофеи», завоеванные лучшими физкультурниками и студенческими спортивными коллективами института на городских, республиканских и всесоюзных соревнованиях. Спортивный клуб института насчитывает более 2 тысяч активистов. Среди них много мастеров спорта. Юрий Лукоянов — абсолютный чемпион института по лыжам и бегу, чемпион спортивного общества «Наука» по лыжам, а также тренер факультетской легкоатлетической секции.

Ю. Лукоянов во время каникул продолжает заниматься с легкоатлетами.

Студенты Уральского политехнического института — любители искусства. В кружке художественной самодеятельности участвует около 1500 студентов. В институте свой симфонический оркестр, хор, ансамбль песни и пляски, музыкальный лекторий.

Студенты — частые, особенно в дни каникул, посетители театров. На балет «Красный мак» они отправились коллективно, компанией.

Студент Юрий Лукоянов, как и его друзья, хорошо отдохнет во время каникул, наберется сил, чтобы и дальше отлично учиться.

М. АМШИНСКИЙ

Фашистское воинство на американской службе

Н. ПОЛЯНОВ

МЕЖДУ РЕЙНОМ И НИЖНЕЙ ЭЛЬБОЙ

Недавно одна берлинская газета поместила фотографию: в витрине магазина в западном Берлине выставлены гитлеровские «железные кресты», а перед витриной стоит в раздумье немецкий наемник в американизированной униформе. Над снимком выразительная надпись: «Деревянные кресты ныне поставляет м-р Трумэн...»

Мы не знаем, мелькнула ли мысль о неизбежном деревянном кресте у немца, любовавшегося орденами фашистских бандитов. Но одно несомненно: призрак этого могильного креста, на котором старая марка «сделано в третьей империи» заменена новой — «сделано в США», бродит ныне между Рейном и Нижней Эльбой. Это заметили даже некоторые буржуазные немецкие газеты. Полные мрачных предчувствий, они оценивают нынешнюю обстановку в Западной Германии словами: «Мы, кажется, присутствуем при подготовке к самоубийству...»

Путник, переступивший рубежи боннского протектората где-нибудь у Гельмштедта или Гофа, немедленно становится очевидцем лихорадочных военных приготовлений, воскрешающих в памяти времена гитлеровского заговора против мира. Этот путник уже не сможет двигаться по автострадам Западной Германии беспрепятственно, как по эту сторону зональных границ, в Германской демократической республике: американские генералы нашли, что большие участки автострад могут быть превращены во взлетные дорожки для «летающих крепостей». Путник увидит города, превращенные в казармы, заполненные молодчиками в черных мундирах американского покроя, выступающими прусским «гусиным шагом». Это контингенты немецкого пушечного мяса, будущие пехотные дивизии Эйзенхауэра. Не песни молодежи и не шум новостроек, столь характерные для Германской демократической республики, услышит путник на Западе, а хриплые крики фельдфебельской команды. Он станет свидетелем смотров, парадов и маневров, он не сможет не заметить и бездомных на дорогах: американские квартирьеры бесцеремонны, и жителей домов, захваченных для постоя американских оккупантов, попросту выбрасывают на улицу.

Возрождая фашистский вермахт, американские генералы отбросили всякую маскировку. Открыто, на глазах у возмущенного народа, создается западногерманский трамплин для новой агрессии. Порты Северного моря превращены в перевалочные базы военных материалов, армейские транспорты давно заняли у причалов Гамбурга и Бремена место рыбачьих шхун и траулеров. Железные дороги перегружены эшелонами с оружием. Посевы гибнут под гусеницами маневрирующих танков.

«Аэродромы пожирают деревни»,— пишет берлинская газета «Дейчландс штимме». Западногерманский металлист Вильгельм Г. рассказал корреспонденту этой газеты: «В округе Бюдинген должны быть «пожертвованы» и сравнены с землей для строительства гигантского аэродрома от 14 до 16 сел, то есть почти весь округ. Сперва этому известию просто никто не хотел верить. Но когда Си-Ай-Си (американская разведка) начала интересоваться, почему этот план стал вообще достоянием гласности, мы поняли, что здесь хладнокровно подготовляется преступление...»

Скромное название старинного баварского городка Графенвер приобрело ныне зловещий смысл: имеется в виду огромная «мертвая зона», которая простирается вокруг этого города. Выжженная земля, руины деревень и истребленные рощи напоминают здесь о тренировках американских воздушных пиратов. Повидимому, к последним вскоре присоединятся их гитлеровские коллеги по ремеслу. Немецкое пресс-агентство АДН сообщает: «Из подлинных американских документов явствует, что в доме отдыха военно-воздушных сил США собирают бывший летный персонал нацистской люфтваффе.

Такой увидит сегодня путешественник Западную Германию, которая именуется на штабном жаргоне генералов Брэдли и Эйзенхауэра не иначе, как «оперативное пространство».

ВЕРМАХТ ПОДНИМАЕТ ГОЛОВУ

«Нью-Йорк таймс» с предельным цинизмом изложила взгляды американских торговцев пушечным мясом: «Америка имеет право ожидать, что за каждый доллар, который она расходует, она получит боевую силу, равноценную одному доллару!» Злые языки утверждают, что генерал Эйзенхауэр, выслушав во время своего турне по маршаллизованным странам рапорты европейских квислингов, остался особенно доволен Аденауэром: боннский «канцлер» готов поставлять немецкое пушечное мясо и за обесцененные западные марки.

В то время, как возродившиеся под крылышком американцев гитлеровские штабы занимаются разработкой оперативных планов, фашистские офицерские союзы готовят командные кадры для новой немецко-фашистской армии, в казармах так называемой «индустриальной полиции» и «рабочих рот» идет усиленная военная муштра: здесь создается костяк регулярных войск, здесь воспитываются фельдфебели нового вермахта. Это настоящие питомники фашистских солдафонов. Бывшие солдаты войск СС и молодчики с темным прошлым, фашисты из лагерей для «перемещенных лиц» — вот кто с самого начала вербовался в эти полицейские соединения. Их численность выросла к середине прошлого года до 456 тысяч человек.

Уже летом минувшего года из Вашингтона последовал приказ об объединении «индустриальной полиции» с «рабочими ротами», об их усиленном вооружении и переводе на жесткий казарменный режим. В дополнение к этому началась поспешная вербовка в так называемую «мобильную полицию», своего рода моторизованную гвардию. Костяк американизированного вермахта практически существует уже с того времени. В сентябре 1950 года в Нью-Йорке Ачесон, Бевин и Шуман открыто заговорили об «участии Германии в объединенных вооруженных силах». Три месяца спустя на слете агрессоров в Брюсселе прозвучала американская команда об ускоренном включении немецко-фашистской пехоты в «атлантические вооруженные силы»: ведь эта пехота должна стать главной ударной силой генерала Эйзенхауэра.

Когда этот европейский Макартур явился в январе для инспектирования гитлеровского воинства в Западную Германию, он уже застал милую его сердцу картину: американо-английские генералы сидели за одним столом со своими фашистскими коллегами—бывшим начальником штаба армии Роммеля — Шпейделем, бывшим начальником оперативного управления нацистского генштаба Хойзингером, фашистским полковником графом Кильманзегом, влиятельным чиновником из ближайшего окружения Аденауэра Теодором Бланком; последнего, кстати сказать, западногерманская реакционная печать прочит в военные министры боннского марионеточного кабинета.

Газеты отметили, что американские шефы потребовали, а боннские квислинги с готовностью согласились поставить под ружье двадцать пять—тридцать немецко-фашистских дивизий. Услужливые корреспонденты добавили, что Аденауэр, поговорив с Эйзенхауэром, блаженно улыбался. Еще бы! Американские убийцы корейских женщин и детей быстро нашли общий язык с гитлеровскими палачами Майданека и Освенцима.

Так растаптывается американо-английскими гаулейтерами Западной Германии Потсдамское соглашение о демилитаризации Германии. Однако народы, в том числе и народ Германии, отвечают решительным «нет!» поджигателям войны. Народы говорят: «Война против Советского Союза и стран народной демократии? Никогда!»

«ЯНКИ, УБИРАЙТЕСЬ ЗА ОКЕАН!»

«Предположите, что у Германии снова есть армия — хотели бы вы стать солдатом? 96 процентов студентов в Мюнхене и 91 процент в Эрлангене ответили «нет». 70 процентов этих студентов участвовали в войне и сыты ею по горло».

Это пишет отнюдь не демократическая газета, а реакционный американский журнал «Зис уик мэгэзин». Корреспондент этого журнала Уильям Ширер, слывущий «специалистом по Германии», задался целью выяснить, «что же действительно думают немцы?». Он так и озаглавил свою статью. И хотя ему очень хотелось доказать, что немцы в восторге от перспективы умирать за интересы Уолл-стрита, У. Ширер все же вынужден сделать весьма плачевные для себя выводы: западногерманская молодежь против войны!

Весьма выразительны и результаты опросов, которые недавно провели среди населения Тризонии западногерманские газеты: от 73 до 96 процентов всех опрошенных высказались против военной политики.

Множится число случаев, когда в том или другом западногерманском городе проваливается вербовка в «федеральные войска». В Рурской области, например, молодые люди не обнаруживают никакого желания надевать форму «мобильной полиции» и вербовщиков порой весьма непочтительно выпроваживают за дверь тумаками и ругательствами. В городе Ансбахе покинула ряды американизированных соединений половина завербованных солдат. Не удивительно, что Аденауэр уже подумывает о том, чтобы устроить повальное возвращение эсэсовцев, бежавших в свое время в Аргентину; им будет поставлено лишь одно условие — дать обязательство вступить в возрождаемый фашистский вермахт.

Иными словами, боннские марионетки наталкиваются на растущее сопротивление народа. В этом движении национального сопротивления евангелический пастор выступает вместе с прихожанами, рурские горняки протягивают дружескую руку своим коллегам из медных рудников Германской демократической республики, юноши из Мекленбурга и Саксонии идут в одной шеренге с молодыми людьми земли Северный Рейн — Вестфалия или Вюртемберг—Баден. В западногерманских городах и селах возникает все больше комитетов борьбы против рекрутирования в «федеральную армию».

Стоит лишь вспомнить о той буре негодования, которая разразилась в Германии, когда стало известно, что Аденауэр отказался принять предложение Отто Гротеволя о проведении общегерманских переговоров,— стоит лишь вспомнить об этой буре негодования, чтобы убедиться, как ненавистны народу боннские квислинги и как ему дорого дело мира и единства страны.

Не американские могильные кресты желает иметь немецкий народ, а возможность мирно строить свое будущее!

Миллионы немцев отдают себе сегодня отчет в том, что есть лишь один путь в решении германской проблемы. Он начертан Потсдамской конференцией, он указан в историческом Пражском Заявлении министров иностранных дел Советского Союза, европейских стран народной демократии и Германской демократической республики. Это дорога мира и жизни.

В Англии после Варшавы

Ральф ПАРКЕР

1. «МАЛЫЙ КОНГРЕСС» НА ПАРОХОДЕ «БАТОРИЙ»

Сумерки опускались на Гдынский порт. На молу и на холмах, окружающих город, зажглись вечерние огни. Они подмигивали нам дружески. Сотни делегатов Варшавского конгресса мира столпились на палубе прекрасного польского лайнера «Баторий».

Сколько незабываемых впечатлений подарили эти семь дней, проведенных в Варшаве! На улицах Варшавы простые англичане, проживающие в «социалистическом раю» господина Эттли, поняли, что значит говорить о мире, находясь в стране, где власть в руках рабочего класса.

Пароход «Баторий» в этом рейсе был подлинным «кораблем мира». Семьсот пятьдесят делегатов, возвращающихся с Конгресса, продолжали на его борту обмениваться планами дальнейшей борьбы за мир.

Британская делегация продолжала работать во время рейса, разделившись на территориальные группы. Всюду обменивались впечатлениями. Я разговорился с молодым рабочим из Шеффильда. У него были большие, натруженные руки. Вот этими костяшками своих огрубелых пальцев он стучался в тысячи английских дверей, собирая подписи под петицией мира. Он сказал мне: «Когда я приеду домой, я буду говорить с людьми на митингах. И знаете, я не буду чувствовать себя одиноким. Рядом со мною будут две тысячи делегатов Варшавского конгресса. А за моей спиной — миллионы людей всех стран».

В Саутгемптоне английская делегация распрощалась с «Баторием». Он вез дальше, в Гавр, делегатов Франции и Италии. Перед тем как пройти все мытарства таможенного осмотра, мы распрощались с нашими французскими и итальянскими друзьями. Мы хором прокричали им по-польски слово «мир», которое врезалось нам навсегда в память. «Пóкуй, пòкуй!» — отчетливо и громко прозвучало в сгущающейся темноте.

Один из встречавших нас англичан рассказал, что в лондонских газетах слово «Пòкуй, пòкуй!», звучавшее по всей Варшаве в дни Конгресса, было переведено на английский язык, как возглас... «Хлеба, хлеба!»

Мы почувствовали, как железный занавес опускается над нами...

2. ГДЕ НАХОДИТСЯ ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС!

Я не был в Англии пять лет. Сейчас я увидел Англию, совершенно непохожую на ту, какую я знал раньше. Я увидел страну, потерявшую свою независимость, свое национальное достоинство, уважение к собственным традициям. Я испытывал чувство глубокого стыда, когда мои друзья—американцы, французы и скандинавы — рассказывали, как британская пограничная полиция из кожи лезла вон, чтобы выслужиться перед американским гестапо.

— Я больше никогда не поеду в Англию, — сказал молодой американский рабочий из Детройта, после того как поведал мне о своих мытарствах в Саутгемптоне. Этот парень собрал в Америке шесть тысяч подписей под Стокгольмским Воззванием, и его выбрали делегатом на Конгресс мира. Несколько часов английские полицейские допрашивали его в закрытой комнате, оскорбляли, угрожали.

Жена одного французского журналиста возвращалась со своей 4-летней дочерью из Москвы в Париж через Лондон. У нее были отобраны ее личные бумаги, три или четыре часа ее допрашивали, домогаясь «признания» в том, что она собирается ехать в Шеффильд. В конце концов ей разрешили «пребывать в Англии» в течение... трех часов.

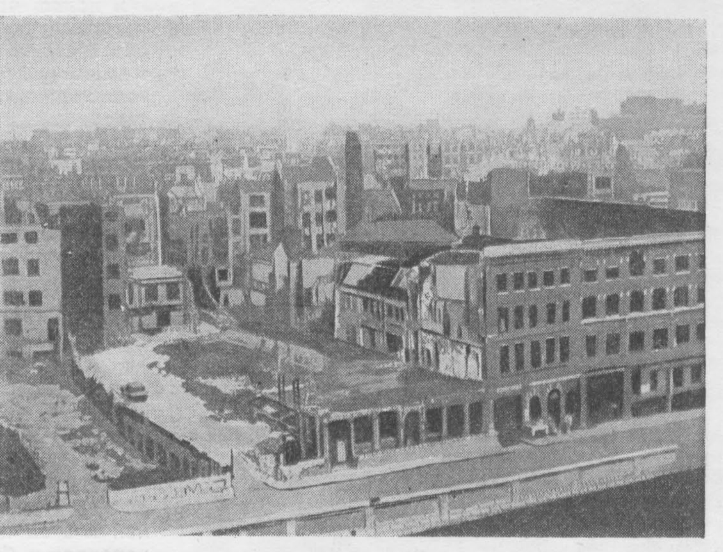
Эти фашистские приемы приводили иногда к комическим нелепостям. Один французский делец был при въезде в Англию задержан на несколько часов по той причине, что британским властям потребовалось подробно изучить его записную книжку с адресами.

— Ага! — сказал полицейский, показывая пальцем на инициалы «Р. К. Ф.», которые были записаны в книжке. — Можете ли вы отрицать, что эти буквы обозначают «Рассамблеман коммюнист франсэ» («Французское коммунистическое объединение»)?

— Да, я могу это отрицать! — воскликнул француз. — Эти буквы означают «Французский скаковой клуб», почетным членом которого я являюсь!..

Недостойные махинации властей по отношению к делегатам Конгресса вызвали бурю негодования в английском народе. Повсюду чувствуется желание отмежеваться от бесчестных действий правительства Эттли. В то же время интерес населения к движению сторонников мира и к Варшавскому конгрессу резко возрос. Народ начал всерьез обсуждать вопрос о длительном мире, покоящемся на сосуществовании двух различных социальных систем. Однако в так называемой «большой прессе» Англии это нашло довольно своеобразное отражение.

Корреспондент «Лондон ивнинг ньюс», который сам отрекомендовался в Варшаве «уголовным репортером», сразу нашел себе тему: в его репортажах бутылки с минеральной водой, стоявшей на столах делегатов, превратились в бутылки с водкой. Польских подростков, которые осаждали делегатов с просьбой дать автограф, этот джентльмен изобразил как польских детей, протягивающих руку... за шоколадкой. Я был на собрании двухсот сорока британских делегатов, когда эта гнусная клевета была оглашена перед ними. Я видел одну пожилую англичанку, у которой слезы брызнули из глаз: она не в состоянии была справиться с потрясением, которое вызвало у нее это дикое извращение правды. «Как могут люди дойти до такой мерзости?» — говорила она. Кто-то предложил тут же потребовать лжеца к ответу. Нет нужды говорить, что его нигде не смогли разыскать.

Развалины в Лондоне.

Один английский журналист, по фамилии Годфрей, посланный в Варшаву агентством Ассошиэйтед пресс, подошел к видному американскому квакеру, члену делегации США, и стал уговаривать его встретиться наедине с целью... «ознакомить его с подробностями польских вооружений».

Мне достаточно было пробыть в Лондоне несколько часов, чтобы убедиться, как низко пала журналистика современной Англии. Проходя по Флит-стриту, я увидел в витрине редакции массового еженедельного журнала «Эврибодиз» репродукцию одного советского плаката. Этот плакат, выпущенный в прошлом году, хорошо знают все советские люди. Тема его рисунка — неодолимость сил мира, и это выражено в надписи, которая имеется на плакате: «Мир победит войну!»

Господа из журнала «Эврибодиз» в расчете на то, что в Англии не очень широко распространен русский язык, состряпали фальшивку. В их «переводе» на английский надпись на плакате звучит так: «Мы завоюем весь мир». И в таком виде они опубликовали плакат в своем журнальчике, как «доказательство агрессивных намерений Советского Союза»! Я зашел в секретариат редакции и указал на эту подделку. Но фальшивка так и осталась висеть в витрине этой «почтенной» редакции...

До того, как я вновь побывал на родине, я прочел целую серию статей бывшего редактора «Британского союзника» Ричарда Джонса. Эти статьи были напечатаны в «Сэнди экспресс». Лживость утверждений, содержащихся в этих статьях, била в глаза всякому, кто хоть немного был знаком с Советским Союзом. Как я узнал, эта стряпня была пущена в оборот для того, чтобы дискредитировать правдивый отчет о Советском Союзе делегации британских профсоюзных деятелей.

Я пригласил Ричарда Джонса принять участие в публичной дискуссии на тему «Большинство британских газет дает искаженную картину Советского Союза». Бывший редактор «Британского союзника» уклонился от спора, и я вынужден был подвергнуть его фальшивки разбору в его отсутствие.

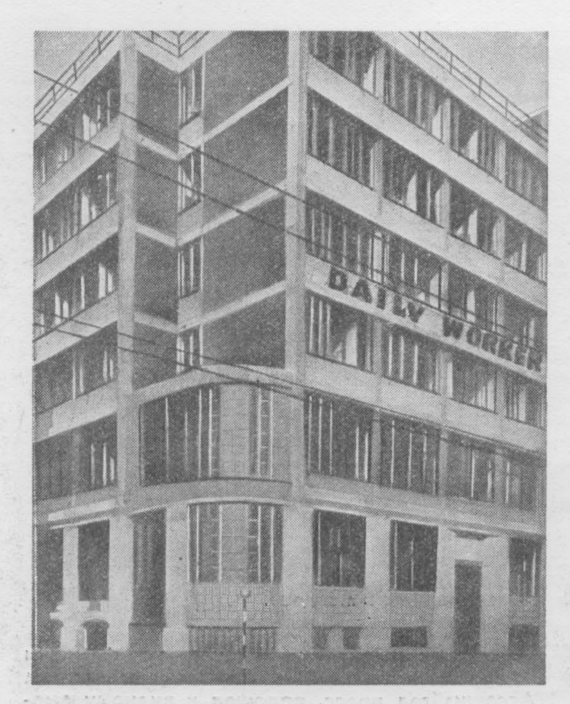
«Странная Англия! — думал я. — Или поведение этого субъекта, лишенное элементарного мужества,— это и есть так называемая «свобода защиты своего мнения»

Январская распродажа.
(Карикатура из «Дейли уоркер»)

3. СТРАННО БЫТЬ ДОМА...

Первое, что вам бросается в глаза, когда вы выходите из вокзала «Виктория» в Лондоне,— это группа огромных зданий, возвышающихся над южным берегом Темзы. Новый университет? Жилые дома? Новое промышленное строительство? Всякий, кто живет

Новое здание редакции газеты «Дейли уоркер».

в послевоенной Москве, естественно, задал бы себе именно такой вопрос.

Ответ я услышал от шофера такси.

— Все это строят для выставки будущего года, — сказал он мне хмуро. — «Британский фестиваль»! Материала убухали столько, что хватило бы на 3 тысячи жилых домов... Скажите на милость, а ведь они могут кое-что делать, если захотят!

Меня поразило это «они». За все время моего пребывания в Лондоне я то и дело слышал: «они», «их», «у них». Я вспомнил привычные в Москве слова: «мы», «наше», «у нас». Для рядового англичанина «они» — это те, кто не строит домов, кто довел железные дороги до упадка, кто взвинчивает цены на одежду, кто сокращает продовольственный паек. «Они» — это лейбористское правительство, которое довело фунт стерлингов до стоимости шестнадцати шиллингов, если считать в ценах 1945 года.

По пути в редакцию «Дейли уоркер» я пересек Сити. Развалинам в этой части города 10 лет, но мало что изменилось здесь за прошедшее время. На фоне развалин радуют глаз вновь выстроенные здания редакции и типографии «Дейли уоркер». «Дейли уоркер» — единственная английская газета, которой владеют сами читатели. Наперекор маловерам и пессимистам строительство новых зданий газеты началось сразу же после войны и было успешно закончено.

Тут же, позади здания «Дейли уоркер», торчит гигантский стальной каркас недостроенного здания какого-то технического учебного заведения. Стройка была прекращена в 1939 году и не возобновлена до сих пор. Ржавчина сыплется со стальных балок на головы прохожих...

Иду дальше — длинная и широкая канава тянется по обочине улицы, она почти доверху наполнена старыми, ржавыми бидонами, гниющими обрывками бумаги. Кое-где наспех отремонтированные развалины используются как гаражи: в Англии почти не строят домов, зато выпускают больше автомашин, чем до войны. Машины ведь можно экспортировать за доллары, а дома для этого непригодны...

Когда я был в Англии в прошлый раз, лейбористское правительство только что пришло к власти. Его трубадуры с большим пафосом воспевали грядущую эру создания «новой Британии».

«Дайте нам пять лет — и вы не узнаете страну», — говорили лейбористские деятели, повторяя древнего Архимеда. Но вот я встретил теперь одного из бывших пламенных приверженцев лейбористской партии. У него был вид разочарованного человека.

— Вы, должно быть, странно чувствуете себя дома, — сказал он. — Так много изменилось за эти годы...

Я понял, что он имеет в виду отнюдь не «достижения» правительства Эттли. Он говорил о стране, которая вся поглощена мыслью о нехватке денег: все англичане, за ничтожным исключением, говорят о том, что невозможно свести концы с концами. Я слушал моего собеседника и думал о Советском Союзе, откуда я приехал в Англию. Там цены на все товары непрерывно снижались в течение последних трех лет, там население больше интересует качество и ассортимент товаров, чем их цены. В сегодняшней Англии дело обстоит как раз наоборот.

Апологеты лейбористской партии шумят о «полной занятости» английских рабочих, считая это успехом ее политики. Они молчат о том, что со времени тягчайшего экономического кризиса, который разразился весной прошлого года, конъюнктура поддерживается исключительно гонкой вооружений.

Я беседовал со многими рабочими и подмастерьями — и не встретил ни одного, который был бы доволен своей работой, заработной платой и видел бы ясную перспективу перехода в более высокий разряд. Я вспоминаю, с какой горечью говорил мне молодой рабочий-подмастерье автомобильного завода в Брэдфорде об условиях своего труда. Период его ученичества на заводе продолжался... семь лет! Он получал сокращенную заработную плату под предлогом «обучения». Но полгода назад все эти семь лет «учебы» пошли прахом. Завод перешел на военную продукцию, и парень был выставлен на улицу.

Одним из «козырей», которые охотно пускала в ход пропаганда лейбористской партии, был «прогресс» в школьном деле. Но я хорошо запомнил слова учителя одной школы в рабочем районе Иоркшира:

«В моей школе, — сказал он, — учатся дети, которые по существующей в нашей школьной системе классификации так называемого «умственного развития» отнесены к «неспособным получить среднее образование». Я думаю, нечего говорить о том, что это дети из рабочих семей. В моем классе сорок школьников. И вот директор школы дает распоряжение: сократить продолжительность урока с 45 до 30 минут. Дети рабочих, говорит он мне, неспособны внимательно слушать больше, чем полчаса подряд. Когда я сказал директору, что невозможно пройти программу, давая получасовые уроки, он предложил мне работать только с «более способными» учениками, махнув рукой на остальных...»

Неподчинение начальству обходится дорого некоторым честным педагогам. За примерами ходить недалеко. Один молодой учитель-австралиец, работающий в английской школе, был удален из школы и занесен в черные списки за то, что принимал участие в Варшавском конгрессе сторонников мира.

Существует ли практическая возможность протестовать против этих и подобных несправедливостей в печати или на публичных собраниях? Возможности пользоваться «свободой слова» резко уменьшились в современной Англии. Рост цен на бумагу легко переносится печатью миллионеров, но он создает огромные трудности для прогрессивных издательств, число которых все сокращается под нажимом крупных издательских фирм. Только за время моего пребывания в Лондоне стоимость аренды большого зала для собрания какой-либо прогрессивной организации возросла на 25%, так что устроить в Лондоне митинг в закрытом помещении обходится не дешевле тысячи фунтов. Так выглядит в капиталистической Британии «свобода собраний»!

4. «ЧТО ЖЕ БУДЕТ ДАЛЬШЕ!»

— Что же будет дальше? Янки втягивают нас в грязное дело!

Это сказал мне Джон Паттерсон, рабочий Общества британских железных дорог, национализированных лейбористским правительством. Мы проходили с ним мимо газетного киоска. Паттерсон схватил меня за руку, увидев выставленный плакат, на котором аршинными буквами было написано: «Трумэн собирается использовать атомную бомбу».

Джон Паттерсон работает на ремонте железнодорожного пути. Его обязанность — содержать в порядке три километра рельсов на участке Манчестера. Работа эта — одна из самых тяжелых и низкооплачиваемых в Англии.

Ставка ремонтного рабочего, только что поступившего на работу, — 92 шиллинга в неделю. Поработав год, он получает прибавку в 3 шиллинга, — и это все, на что он может рассчитывать до конца жизни.

Мы бродили с ним вдвоем по улицам района Сэлфорд, темным, мрачным улицам. Солнечный свет пробивался на тротуары и мостовые только в тех местах, где между домами зияли бреши от бомбежек 1940 года. Развалины, еще развалины, груды щебня.

— Все это было намечено к сносу еще в 1938 году, — заметил Паттерсон.

В одном из таких домов живет и он с женой и тремя детьми. Квартира, свет и отопление обходятся ему в 24 шиллинга в неделю. Это больше четвертой части его недельного заработка. Остающиеся 58 шиллингов уходят на еду. Если бы даже карточная система была полностью отменена, жена Паттерсона все равно не могла бы себе позволить покупать столько сахара, сколько полагается сейчас по норме, и больше чем два яйца в неделю.

— По вечерам я чаще всего сижу дома, — говорит Паттерсон. — Куда уж там ходить в кино! Пока жена укачивает малышей, я чиню им башмаки, мастерю для них игрушки...

— А как же вы устраиваетесь с одеждой, с детскими вещами, посудой и прочим?

— Со всем этим можно справиться только за счет какой-нибудь дополнительной работы, — ответил Джон. — Одежду и всякие там кастрюли на деньги из получки не купишь. Приходится иногда работать по воскресеньям. Или вот еще: бывает заработок во время густых туманов, когда нужны люди на ночную смену при сигнализации на путях.

Только работая в воскресные дни и по ночам, Паттерсон может рассчитывать выколотить себе то, что именуется «прожиточным минимумом». И, конечно, он не может себе позволить даже раз в год уехать куда-нибудь в отпуск из своего хмурого, нездорового Сэлфорда. А ведь более 100 тысяч железнодорожников получают в Англии такую же заработную плату, как Паттерсон, или меньше!..

Мы сидели с Паттерсоном в его крохотной «гостиной» и разговаривали об атомной бомбе. Миссис Паттерсон, которую тяжелая жизнь сделала молчаливой, вдруг сказала:

— Я все думаю, какой толк в том, что Джонни надрывает здоровье, ходит по ночам дежурить в туманы. Ведь все равно, если будет война, все пойдет к чертям. Как им не стыдно, всем этим, кто пишет и говорит, что нужна новая война? Разве мало им тех мертвецов, которых вытаскивали в прошлую войну из-под развалин на Кребтри-стрит, вот на той улице, которую вы видите из нашего окна!

— Да, — сказал Паттерсон. — Нехитрое дело разрушать, а сколько надо времени, чтобы опять построить! Вот о чем я думаю: если бы американцы отведали у себя дома, что такое война, они бы лучше понимали, что к чему.

Он помолчал и добавил:

— А вот русские, о которых вы мне рассказывали, те знают, что такое война!

Он поднялся и достал из-за часов, стоявших на полке, сверток бумаг.

— Вот тут у меня одна вырезка из газет военного времени. Я храню ее с тех пор.

Он протянул мне несколько полосок газетного текста. Это был текст доклада товарища Сталина, произнесенного 6 ноября 1941 года.

— Да, — тихо произнес Паттерсон, — он знает, что приносит народу война. И я считаю, мы все должны быть ему благодарны за то, что он делает сегодня, чтобы войны не было. Я не коммунист. Но я говорю: Сталин — это наша самая большая надежда.

Мы долго смотрели вдвоем на фотографию великого человека, напечатанную среди газетных строк.

Потом Паттерсон проводил меня до трамвайной остановки. Серые клубы тумана опускались на город.

— Видно, будет мне работенка этой ночью, — сказал Джон Паттерсон, протягивая мне руку. — Ну, до свидания. И помните, что я сказал. Он наша самая большая надежда!

Перевод с английского

Подсолнухи

(Из цикла «Юг»)

Олесь ГОНЧАР

Рисунки В. Высоцкого

Ожидая, пока разыщут председателя колхоза, скульптор сидел на крыльце конторы и спокойно попивал добытую из чемодана минеральную воду. Стояла сильная жара. Молодые деревца устало опустили ветви, будто хотели совсем свернуться и укрыться в собственной тени. Безлюдный двор, просторный, песчаный и горячий, напоминал собой кусочек южной пустыни, случайно заброшенный сюда. Был час обеденного перерыва, и все живое попряталось в тень, притаилось, затихло. Лишь в конторе кто-то изредка пощелкивал на счетах, да над цветниками гудели неугомонные пчелы. После городского шума и грохота после утомительной дороги скульптор отдыхал. Снял галстук, расстегнул ворот рубахи и почувствовал себя почти как дома.

Его покой неожиданно был нарушен табунком полуголых, до черноты зажаренных солнцем мальчишек. Выпорхнув откуда-то из-за стены и увидев на крыльце незнакомого пожилого человека в белом костюме, они остановились, крайне заинтересованные: кто бы это мог быть?

Стали энергично высказывать разные предположения:

— Лектор, чи, может, опять кандидат наук?

— Наверное, приехал по зеленому конвейеру...

— Или за мериносами...

— Гляди, какая лысина: хоть на коньках катайся!..

Скульптор добродушно усмехался, любуясь ребятами. Мысленно он уже начинал лепить их стройные фигурки, переводил из глины в бронзу, выставлял на видных местах в городском саду.

Тем временем подошел председатель, приветливый красношекий человечек с искристыми неуловимыми глазами. Откуда-то ему уже было известно, что скульптор приехал лепить знатную колхозницу Меланию Чобитько.

— Сейчас все организуем, — заверил председатель. — Я уже дал команду, Мелания придет сюда. — И, дружелюбно оглядев гостя, пригласил его в свой кабинет.

В просторном, залитом солнцем кабинете было пышно и багряно от знамен. Порядок во всем, блеск и чистота бросались в глаза.

— О, у вас, как у министра! — заметил скульптор.

Председатель принял его комплимент довольно спокойно.

— А как же... Вот поляков здесь принимал, еще и стульев не вынесли. Прошу, садитесь, — указал он гостю место против себя.

Усевшись, они некоторое время молча изучали друг друга. Председатель застыл за столом, как кобчик, зоркий, крутошеий, весело настороженный. В первый момент скульптору странно было видеть на блестящем стекле стола рядом с резным письменным прибором загорелые руки председателя и черные рукава его пиджака. Однако вскоре скульптор и в этом нашел своеобразную привлекательность и гармонию. Эти узловатые руки тоже стоили того, чтобы их вылепить.

— Расскажите мне, пожалуйста, о вашей героине, — попросил скульптор, кладя ногу на ногу. — Я о ней знаю только из газет...

— Про нее и в журналах писалось...

— Читал. И фотографии вырезывал, правда, одни только профили: анфас нигде не попадался...

— Что ж вам о ней рассказать?.. — мялся председатель, видимо, не зная, что именно нужно от него этому лысому субъекту с холеным, как будто накрахмаленным лицом. — Золотой человек. Скромная, работящая, настоящая патриотка... У нас ее очень уважают. Отец погиб на фронте, кончила семь классов. Звезду заработала на кукурузе, а в этом году взялась еще и за подсолнухи...

— Это все хорошо, но для меня этого слишком мало. Вы понимаете, товарищ председатель... Как бы вам это попроще... Одним словом, мне не анкета ее нужна, меня интересует ее душа, характер.

Хозяин задумался, вздохнул. Поди разбери вас, кому что надо: тому дай анкету, тому душу, а тому еще что-нибудь.

— Характер вы сами увидите. Тихий, добрый... Относительно же души, — усмехнулся, поглядев в потолок, председатель, — не знаю, откроется ли она вам.

— А почему бы и нет?

— Да так... Душа — вещь тонкая, к ней особенные ключи нужны. Но позвольте поинтересоваться: зачем вам душа? Вы же будете лепить бюст, вам, так сказать, фигуру дай, физиономию лица...

— О, нет, не только это! — горячо возразил скульптор, и председатель сразу почувствовал, что залез не в свои сани. — Внешность, конечно, для нас тоже много значит, но подлинные источники красоты...

Гость не успел закончить свою мысль. В дверь кто-то сдержанно постучал.

— Заходи! — крикнул председатель, видимо, по стуку узнав посетителя.

Дверь открылась, и в кабинет, сверкая Золотой Звездой, несмело вошла плотная девушка в черном шерстяном жакете, повязанная снежно-белым платком. Скульптор скорее угадал, нежели узнал в ней Меланию Чобитько.

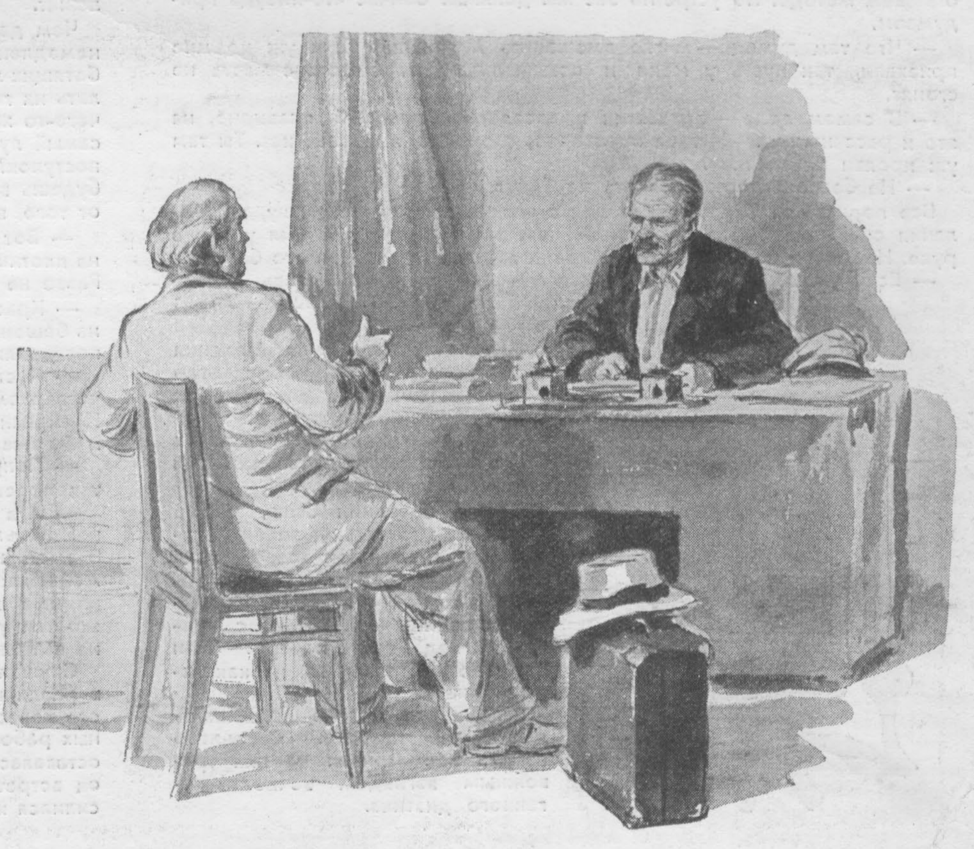
— Вы меня звали, Иван Федорович?

— Звал. Вот познакомься, товарищ скульптор приехал тебя лепить.

Знакомясь, скульптор окинул девушку острым взглядом профессионала. И ему сразу стало понятно, почему она появлялась в газетах только в профиль. Мелания не могла похвастать красотой, и фотокорреспонденты, вероятно, немало потрудились, подыскивая для нее позу, когда девушка выглядела бы лучше, чем была в действительности. Что ж, фотографам это удается, но как быть скульптору?

Председатель посадил Меланию по правую руку от себя, под знаменами и венками из сухих рисовых колосьев. Смотрел на нее ободряюще, почти восторженно, как на писаную красавицу. Кто знает, может, Мелания и казалась ему такой? Но она сама, видимо, хорошо сознавала свое несовершенство и все время смущалась под внимательным, изучающим взглядом скульптора, будто в чем-то провинилась перед ним. Сидеть ей было нестерпимо трудно. Ей мешали собственные плечи, собственные руки и ноги, и вся она, казалось, сама себе мешала.

— Вот, значит, Мелашка, наш уважаемый гость, товарищ скульптор, — зачем-то еще раз пояснил председатель. — Он хочет лепить тебя для выставки...

Председатель лукаво посмотрел на Меланию, и скульптор посмотрел, и она сама как бы взглянула со стороны на себя.

— Такое придумали,— сгорая от стыда, потупилась девушка.— Нашли кого...

Скульптор следил за ней со строгостью мастера-профессионала. Мелания как бы нарочно взялась разрушить все его творческие замыслы. Держалась принужденно, через силу, мешковато, и чем дальше, тем эта нескладность не только не уменьшалась, а, наоборот, еще больше бросалась ему в глаза. Он понимал, что нелегко будет девушке сидеть перед столичным скульптором, зная заранее, чего он хочет, желая ему угодить и не умея угадать, как именно. Он все ждал, что вот Мелания придет в себя, освоится, станет вести себя свободно, естественно. Но где там! Сидит, как на иголках, и то и дело криво улыбается Ивану Федоровичу, прикрывая губы платочком. Вначале это забавляло, но потом начало раздражать. Может, она вообще не умеет быть иной, может, эта неуклюжая, примитивная манерность уже въелась в существо девушки, стала второй натурой, и ничем ее не выбьешь?! Кстати, зачем она вырядилась, как на свадьбу? Ах, Мелания, Мелания, трудно тебя лепить!

Разговор не клеился. Мелания слова не могла сказать, чтоб не взглянуть на председателя и не спросить глазами: так ли, мол, впопад ли? Скульптору было обидно за нее. Такая здоровая, свежая, нарядная — и в то же время совсем беспомощная... Будь такая возможность, она бы, видимо, с радостью согласилась, чтобы председатель и говорил, и шутил, и позировал вместо нее, лишь бы только самой избавиться от этой мороки. «Неужели она всегда такая? — нервничал скульптор.— Неужели не бывает у нее... этой... искры?»

— Скажите, у вас есть родственники, друзья? — спросил он, заходя с другой стороны.

Мелания густо покраснела.

— Родственники есть,— чуть слышно прошептала после паузы.— И друзья... О каких друзьях вы спрашиваете?

— Она еще не замужем,— брякнул председатель, неприязненно взглянув на скульптора.

Скульптор понял, что дал маху, что это бестактно и не надо было вовсе об этом спрашивать. Да разве все предусмотришь, разве угадаешь, как к ней подойти!

С какой стороны ни заходил — всё она была не та, какой он хотел и надеялся ее увидеть. Попробуй-ка выхвати характер из этого хаоса небрежных линий, неуклюжих жестов...

«Все это типичное не то,— наконец горько признал скульптор,— и мне, собственно, здесь нечего делать. Возвращаться, пока не поздно! Но чем же теперь отговориться, как выпутаться из всей этой истории? Чтоб ее не обидеть, так, будто ничего и не было? Ведь она, в сущности, ни в чем не виновата... Так же, впрочем, как и я».

— Вот, Мелаша, ты имеешь шанс,— весело сказал председатель.— Когда-то только богинь лепили, а теперь уже и до нас очередь дошла. Вперед прогрессируем. Разве не так?

— Лучше бы вы взяли мою подругу... Ганю.

— Ганя Ганей, а ты тоже не прибедняйся. Лепись... Теперь перед нами еще одна проблемка: надо где-нибудь устроить гостя.

— Да я ненадолго,— предусмотрительно начал отступать скульптор.— Возможно, завтра и уеду.

— Как?! — поразился председатель.— За ночь вылепите?

— Лепить я, собственно, буду дома, в своей мастерской. А здесь разве что сделаю какие-нибудь заготовки,— в голосе скульптора послышались нотки оправдания.— У меня свой метод. Для меня главное — увидеть живого человека, запечатлеть в памяти, чтоб уже потом...

— Ну это — дело ваше,— перебил председатель.— Не мне судить о вашем методе. Но устроить вас мы должны. Сейчас что-нибудь придумаем.

— Что там думать,— мягко вмешалась Мелания.— Если уж ко мне приехали, так пусть у меня и останавливаются. Никого с места не сгонят.

— В самом деле,— подхватил председатель, который, очевидно, на это и рассчитывал.— У тебя просторно, спокойно, малышей нет. Ты там уж прояви инициативу.

— Не беспокойтесь. Голодать не будут.

Все поднялись. Скульптор пошел в угол к своему чемодану, но Мелания оказалась более проворной, чем он: чемодан уже был у нее в руке. Несмотря на искренние протесты гостя, она понесла его багаж.

— Если уж взялась, то не выпустит,— смеялся председатель, провожая гостя на крыльцо.— У нас такие кадры.

Легко и быстро шла Мелания через колхозный двор. Скульптор с непривычки едва поспевал за ней. В эти минуты он чувствовал себя больше, чем когда бы то ни было, немощным, изношенным и стареющим человеком.

Хата у Мелании была, как в веночке: прохладно, зелено, чисто. Пол притрушен травой, печь разрисована петухами, стол накрыт вышитой скатертью. На месте божницы — этажерка с книгами, над ней портрет Ули Громовой, вырезанный из какого-то журнала.

Вскоре на столе появились миски и тарелки. Скульптор искоса посматривал на них тревожным взглядом вечно запуганного диэтика.

— Прошу вас, не ставьте столько... Я — диэтик.

Мелания на мгновенье растерялась:

— Так что ж это будет?

— А ничего не будет.

— Нет, вы скажите, что вам можно, я все достану. Сливки употребляете? Яйца, молоко, мед? Вы уж сами выбирайте, потому что я не знаю. — Поставила на выбор, подала чистый рушник. — Будьте добры, чем богаты, тем и рады.

Скульптор ел, и каждый кусок застревал у него в горле. Вот завтра он уедет, ничего не сделав, потерпев еще одно творческое поражение... Сколько этих поражений только за послевоенные годы! Там формализм, там патриархальность, там еще какая-нибудь чертовщина... «Может, взгляд притупился, может, я уже чего-то не вижу? — думал скульптор, давясь белым душистым хлебом Мелании.— Генералы мне удавались, почему же не удается простой человек труда? Ехал сюда, надеясь глубже постичь его, проникнуться его высоким, благородным пафосом, а чем все это кончается? Позором! Разочаровался и удрал. Что после этого скажет обо мне председатель колхоза, что подумает эта недалекая, наивная, но добрая и хорошая Мелания?» Раньше скульптор как-то мало обращал внимания на таких, как они, а сейчас это его уже беспокоило, их мнение было для него совсем не безразлично. «А может, другой сумел бы вылепить Меланию? — вдруг промелькнуло жестокое предположение, и скульптор стал перебирать в памяти своих коллег, преимущественно молодых талантливых мастеров.— Может, они лучше видят, может, я просто выдохся или в чем-нибудь ошибаюсь и не могу постичь, открыть ее душу? О, это было бы ужасно!»

Звеньевая тем временем переоделась в другой комнате и стояла на пороге босая, подтянутая, привлекательная в своем рабочем костюме.

— Мне надо идти... У меня подсолнухи... А вы тут отдыхайте. Вот кровать, вот простыни.

— Благодарю.

Мелания вышла, в хате сразу потемнело: со двора она тихо прикрыла ставень. Заботилась о том, чтоб не жарко было уважаемому гостю!

До вечера скульптор успел и отдохнуть, и набросать несколько портретов ребятишек, которых он видел возле конторы, и походить с председателем артели по хозяйству. Они побывали на фермах, в кузнице, на электростанции. Слух о приезде скульптора уже успел облететь село, и всюду, где он ни появлялся, его встречали приветливо и любезно. На ферме щебетливые доярки устроили ему настоящий допрос, живо интересуясь, кого он уже вылепил на своем веку, и хорошо ли у него выходит, и в какой позе он изобразит Меланию Чобитько.

— Вылепите нашу Милю такой, чтоб все на нее заглядывались,— требовали колхозницы.— Она этого достойна!

Когда он вошел в кузницу, кузнецы перестали грохотать своими молотами и, закурив, с готовностью отвечали на его вопросы. Гость хочет знать, кто это здесь так влюблен в цветы?

— А это ж наши девчата... Везде понасеяли: и возле конторы, и возле клуба, и даже около кузницы. Началось с того, что Мелашка...

Ах, опять Мелашка! Куда ни ткнешься, всюду попадаешь на ее след.

— Такая уж она у вас ловкая?

— Эге! Видно, мало вы ее знаете... Неусыпный, преданный, золотой человек.

— Восход солнца всегда в поле встречает.

— Вы уж ее, товарищ скульптор, не обидьте... Дайте волю своему таланту.

Дать волю своему таланту... Скульптора и трогало и угнетало то уважительное внимание, которое проявляли колхозники к нему и к его искусству. Ему казалось, что он не заслужил такого почета и такого доверия. Совесть его была не спокойна, он чувствовал себя человеком, который помимо своей воли присваивает себе то, что ему не принадлежит.

Чем дальше, тем больше убеждался скульптор в том, что ему надо немедленно уезжать отсюда. Нечего сидеть на шее у этих честных, работящих людей, скрывать от них свое творческое бессилие, злоупотреблять их гостеприимством. Они с тобой почему-то нянчатся, они от тебя чего-то ждут, а ты... Чем ты их порадуешь? Езжай прочь, это для тебя самый лучший выход!.. Тебя беспокоит, как они потом истолкуют твой поступок? Об этом уже сейчас можно догадаться: не Мелания, а ты будешь виноват во всем... Она для них «золотой человек», независимо от того, вылепишь ты ее или нет...

— Вот это наша электростанция,— пояснил Иван Федорович, выходя на плотину, в конце которой видно было массивное красное строение.— Разве не красавица, а?

— Красавица,— согласился скульптор и, остановившись, загляделся на бешеный водопад, на бушующее сиянье снежно-белой пены.— Давно построили?

— Пустили в позапрошлом году, а строительство начали еще в сорок четвертом. Вся эта плотина, можно сказать, насыпана женскими руками. Прекрасные у нас женщины, если подумать... Если бы мне ваш талант, я бы всех наших колхозниц вылепил как героинь современной эпохи!

— Попробуйте,— улыбнулся скульптор,— и вы убедитесь, что это не так просто.

— А я и не говорю, что просто... Но ведь заслуживают, честное слово! Возьмите хотя бы прошлые годы: мы еще где-то на фронтах бьемся, на тех Одерах и Балатонах, а они здесь, как гвардейцы, и молотилку по полю на себе перетаскивают и вот такую плотину возводят к нашему приходу. Думаете, поднять сотни кубометров земли — это так уж просто? Между прочим, Мелашка здесь тоже отличилась, не выпрягалась из тачки дни и ночи...

Слушая председателя колхоза, скульптор представлял себе Меланию в различных обстоятельствах, однако уже ничто не могло поколебать его первого впечатления. И в поле за молотилкой и на тяжелых земляных работах во время строительства электростанции — всюду Мелания оставалась одинаковой, той некрасивой, скованной, неуклюжей, какой он встретил ее сегодня в конторе. Напрасно теперь Иван Федорович силился как-нибудь поправить положение и снова поднять свою колхоз-

Своего квартиранта застала на огороде. Слонялся среди зеленых зарослей, приглядывался, принюхивался ко всему, что она посадила и посеяла.

— Изучаете?

— Да нет, так интересуюсь... Это и вся ваша грядка?

— А зачем мне больше? Основная моя грядка там,— Мелания весело показала рукой куда-то за гору. — Это у меня так, бесплатное приложение.

— Я здесь вижу одни лишь цветы. Крученые панычи, и анютины глазки, и фиалки... А где же ваши подсолнухи, кукуруза?

— Всё там,— засмеялась Мелания и снова махнула рукой за гору.

Скульптор не смеялся.

— А такое, как помидоры, капуста и всякая другая петрушка?

— Такое в артели получаю. У нас почти все берут из артели. Там овощи лучше и вызревают раньше.

— Климат другой, что ли?

— Не климат, а поливное хозяйство,— спокойно возразила Мелания. — Дома из-за какой-нибудь капусты надо было все лето под коромыслом гнуться. Кому охота? Ни почитать, ни в кино... А в артели мы водокачку поставили.

— Интересно... Крестьянская усадьба явно изменяет свое лицо, свой характер. Гречку и жито возле хаты уже совсем, наверное, никто не сеет?

— А зачем? Жита наши в поле, и гречки наши в поле. Севооборот у хаты не введешь. Здесь пора давать место цветникам, клумбам, садикам... Это пусть, а остальное... Что касается остального, я своим полям доверяю. Будет в артели — будет и у меня!

— Выходит, все ваше там?

— И мое все там, и я вся там,— засмеялась девушка.

Добродушная, веселая, она в этот момент понравилась скульптору. Ему хотелось сейчас увидеть выражение ее лица, но сумерки сгустились, и, кроме девичьего силуэта со снопом в руке, он ничего не видел.

— Надо идти,—спохватилась Мелания, направляясь к хате.— Сегодня еще комсомольское собрание... А ключ у вас?

— У меня. Если не потерял...

— В другой раз оставляйте его вот здесь, за ставней.

— Да ведь я... завтра уеду.

— Уже?..

— Уже... Может, осенью приеду.

«Ага, осенью... После дождичка в четверг... Сказали бы уже прямо, что не подошла, не понравилась!»

— Вам виднее,— глухо промолвила девушка, отпирая хату. В голосе ее слышалась приглушенная обида.

Скульптор виновато молчал. Хотел как-то утешить ее, объяснить ей все... Но поймет ли?

Сидел на завалинке, стыдясь войти в хату. Там шумело радио, возилась неутомимая Мелания. Что она думает о нем? Ведь теперь ей все понятно, не так она, пожалуй, наивна, как это ему вначале показалось.

Вскоре к Мелании забежали девушки, вероятно, ее подруги по звену. Притворно пугаясь одетого в белый костюм скульптора, они шмыгнули мимо него в дверь, и сразу в комнате зазвенел смех, зазвучали девичьи выкрики и шутки. Вспоминали какого-то Дмитра из «Хвыли коммунизма», потом выяснилось, что Дмитро влюблен в Меланию, и скульптора уже не удивляло то, что кто-то может быть в нее влюблен.

ницу в глазах скульптора. «Я отдаю должное ее повседневному героизму, ее славным делам, — думал гость о Мелании, — но разве этим заменишь, этим компенсируешь то, чего, к сожалению, не хватает ей лично?»

— Люди у вас, действительно, прекрасные, и я понимаю ваши чувства, Иван Федорович... Хотел бы, чтоб и вы меня поняли...

— Да что тут понимать... Вы, значит, решили все-таки ехать?

— Решил.

— Ну хорошо. На завтра меня вызывают в район, так заодно уж подброшу и вас до станции, чтоб лошадей лишний раз не гонять.

Разошлись холодно. Иван Федорович, буркнув, что ему надо к трактористам, подался через плотину в степь, а скульптор направился домой (так мысленно назвал он хату Мелании).

По дороге скульптора ждал маленький конфуз: он заблудился. Все хаты казались ему на один манер: всюду, как и у Мелании, подведены голубым, везде под застрехами белеют изоляторы и в стенах исчезают провода, во всех окнах одинаково пламенеют лучи солнца, которое, уже побагровев, садится на той стороне реки, за горой.

«И нужно же такому случиться,— горевал скульптор, останавливаясь у чьей-то калитки.— Среди бела дня — и заблудился! Куда теперь?»

В это время на другом конце улицы поднялась туча розовой пыли: возвращалось стадо с пастбища, и волей-неволей надо было куда-то сворачивать.

Но куда?

Скульптор не подозревал, что рядом, у него за спиной, уже стоят наготове спасители. Это были те самые ребятишки, с которых он рисовал эскизы на будущее. Стояли как будто равнодушно, заложив руки за спину и закусив губы, чтоб не смеяться. Они, вероятно, все время шли следом, заметили, как он миновал хату Мелании и как растерялся, увидев стадо, запрудившее перед ним улицу.

— Мы вас проводим,— уверенно сказал белоголовый смельчак лет восьми.— Мы знаем, куда вам надо.

— А куда?

— К Мелашке Чобитьковской.

— Верно.

— Только давайте быстрее, потому что вас череда запылит.

— А вас нет?

— Мы не боимся.

Смущенно оглядываясь, скульптор двинулся за ребятами.

— Хаты у вас одинаковые, сбили меня с толку.

— Это вам только кажется, что одинаковые. А зайдите в середину, так они очень разные!

— Возможно, не спорю.

— А что все побелены и голубым подведены, так это к Первому мая готовились. Субботник был.

— Завхоз одинаковую синьку для всех привез... Чтоб не поссорились, говорит... Вам вот сюда.

— Вижу, уже вижу... Спасибо, что проводили...

— Не за что!

Скульптор вошел во двор, притворил за собой калитку и облегченно вздохнул.

Мелании дома еще не было.

Вернулась она уже после захода солнца со снопом травы и васильков, собранных где-то на полевой меже.

Вечер был прекрасный, звездный, песенный. Воздух посвежел, наполнился прохладными запахами ночных цветов.

Где-то возле клуба гремел громкоговоритель, из Большого театра транслировали концерт.

Мелания вышла с девушками, наряженная, как на праздник. Сказав гостю, что ужин на столе, схватила подруг под руки, и так, гурьбой, они исчезли в сумерках. Скульптор еще долго слышал их громкий смех и, допуская, что девушки могли смеяться над ним, не в силах был обижаться. Поднялся и, устало спотыкаясь, пошел спать.

На другой день скульптор уезжал с Иваном Федоровичем на выездной тачанке.

С Меланией скульптор даже не простился. Утром, когда он поднялся, на столе его уже ждал приготовленный диэтический завтрак, а самой девушки и след простыл: побежала на работу. Пришлось запереть гостеприимную хату и положить ключ за зеленый ставень, как было сказано ему накануне.

И вот теперь он едет, покачивается с председателем на тачанке. Неудобно так выезжать, не простившись: в самом деле, будто удирает.

— Иван Федорович,— обратился он к председателю,— нельзя ли заскочить на минутку к Мелании? Туда, где она работает.

— Как это нельзя? — откликнулся председатель.— Все можно! Правда, круг сделаем, ну да это небольшой минус... Газуй, Мишка, через вторую бригаду,— приказал он кучеру.

— Это что у вас посажено? — спросил скульптор, показывая на зеленую кустистую плантацию.

— Арахис.

— Впервые слышу.

— Земляные орехи. Те, что вы знаете под именем жареных китайских орешков... Растут они, конечно, не жареные,— зачем-то добавил председатель.

Узкая дорога потянулась вверх между глинистыми косогорами, покрытыми кустарником. Впереди, где-то совсем близко, поперек дороги синело небо, сзади, в просторных низинах, на километры раскинулись плавни. Ниже плавней спокойно блестела речка, а вдоль нее сгрудилось белыми хатками село. Вон и хата Мелании с крылатыми ставеньками... Загляделась на юг, искоса поблескивает окнами, как бы отворачиваясь от залетного гостя...

Лошади захрапели, напрягаясь на подъеме, и всем пришлось сойти. Шагая по обочине дороги, скульптор то и дело подбирал со склонов глину, разминал ее пальцами.

— Богатые глины,— бормотал он, обращаясь к председателю.— Можно лепить.

— Видите, а вы переночевали — и айда. Я, откровенно говоря, планировал использовать ваше пребывание. Думал, для нашего клуба вы что-нибудь такое, знаете... Какой-нибудь шедевр... Глин у нас непочатый край!

Выбрались на гору, в поле, и скульптор неожиданно остановился.

— Позвольте,— застыл он на месте.— Что это?

От восторга у него перехватило дыхание. То, что он увидел, на мгновение оглушило и ослепило его: на широчайшей равнине, сколько хватал глаз, ярко золотились подсолнухи. Стояли до самого горизонта, пышноголовые, стройные, неисчислимые и все, как один, повернутые к своему небесному образцу, к солнцу... Казалось, они и сами излучают свет своими желто-горячими коронами, и, может, поэтому вокруг было как-то особенно ясно, чарующе и празднично, словно в заповеднике солнца. Тут даже воздух, казалось, переливался золотистыми оттенками.

Кучер остановил лошадей и равнодушно стал закуривать, а председатель направился со скульптором к подсолнухам. Горячее цветение пьяняще дохнуло на них густым неповторимым ароматом.

— Вот это меланьины,— с удовольствием пояснял председатель.— Вот и табличка выставлена, читайте... А дальше пошли уже других..

Скульптор зачарованно смотрел в даль, заполненную до самого небосклона яркоголовым солнечным братством.

— Нет, это что-то неземное! — тихо восклицал он.— Даже не верится, что все это яркое, совершенное, божественное выросло из простой серой массы, из пыли, из земли!..

— Не само выросло,— пошутил председатель.— Посадили, выпестовали — вот и выросло... Живые люди плюс агротехника и плюс, конечно, природа. Вон они где, те, что все это вылепили!

В глубине золотых плантаций белой чаечкой вынырнула чья-то косынка... За ней показалась вторая, третья...

— Вылепили, говорите?

— А как же... Мастера! Во всяком деле есть и свои мастера и свое, так сказать, вдохновенье.

Девушки двигались междурядьями, медленно приближаясь к дороге. Там, где они проходили, с подсолнухами творилось что-то удивительное. Утрачивая свой царственный дремотный покой, они неожиданно оживали, казалось, сами, разогнавшись, летели навстречу друг другу, и, соединившись на мгновенье в поцелуе, снова разлетались в разные стороны, и опять свободно смеялись, шаловливо покачивались, перемигиваясь с солнцем.

— Что они делают? — обратился к председателю удивленный скульптор.

— О! Да разве вы не знаете? Искусственное опыление... Чтобы не ждать, как говорится, милостей от природы!

В первой из девушек скульптор узнал Меланию. Так вот какая она, настоящая! Что-то почти величественное было сейчас в ее позе, во взгляде, в движениях. Не шла, а как бы наплывала из золотистого душистого моря, гордо выпрямившись, легко и ритмично позванивая в свои золотые литавры. Увлеченная работой, она, видимо, совсем не замечала скульптора: ей было не до него. Лицо вдохновенно разгорелось и, осветившись какими-то новыми мыслями, стало как бы тоньше, интеллектуальнее, богаче; на нем появилось много новых, неожиданных оттенков. Откуда взялись и красота, и характер, и идеальная чистота линий!

Скульптор почувствовал вдруг, как наяву молодеет, как уменье и талант вновь возвращаются к нему. Запомнить, схватить, вылепить! Вот здесь, сейчас, в это мгновенье!

— Здравствуйте, девчата! — крикнул, поднимаясь на цыпочки, председатель.— Пчелы на вас жалуются, хлеб у них отбиваете.

Пыльца вьется над девушками, как золотой дымок, оседает на косынки, на ресницы, на брови...

Молча смотрит Мелания на скульптора, будто припоминает, кто он и зачем он здесь. Разгоряченная, переполненная счастьем, она вся еще живет в другой сфере, где чувствует себя властительницей, где можно держаться свободно и естественно. Той скованности, принужденности, неуклюжести, которые так раздражали скульптора накануне, как не бывало.

— Мелания! — бормочет он. — Мелания!..

И взволнованно умолкает.

Девушка с достоинством ждет, что будет дальше. Глаза ее лучатся, душистые подсолнухи ласково кладут свои головы ей на плечи, на грудь.

— Мелашка,—поспешил на выручку председатель.—Наш уважаемый гость уже уезжает... Так они хотели с тобой...

— Ничего я не хотел,— с неожиданной решимостью сказал скульптор. — И никуда я не поеду. Я остаюсь здесь, я открою свою мастерскую под этим небом! Ясно?

Мелания переглянулась с подругами и сдержанно улыбнулась:

— Вам виднее.

Заняла новое междурядье, и через минуту ее полные загорелые руки уже снова нырнули в подсолнухи, плавно касаясь их дисков, с девичьей нежностью, с классической грациозностью.

Подруги, следуя ее примеру, тоже стали каждая на свое место, и шершавая горячая чаща зашелестела, веселые подсолнухи начали дружно целоваться, девушки двинулись в противоположный конец плантации.

— Сбросьте мой чемодан,— сказал скульптор, не поворачиваясь к тачанке,— и можете себе ехать.

Стоял, словно завороженный. Исчезло все постороннее. Видел только море подсолнухов, белую косынку и артистические изгибы рук, которые, ритмично поднимаясь, плавно позванивали в золотые литавры.

Авторизованный перевод с украинского
Льва ШАПИРО

Вчерашние солдаты

Сергей СМИРНОВ

Ты сдался русским
у Великих Лук,
Голодный, обмороженный и длинный.
Я вижу дрожь твоих поднятых рук,
Твою шинель, испачканную глиной.

Нам удалось узнать наверняка,
Что пленный немец — уроженец Рейна,
Что это сын простого горняка
И сам горняк из Рурского бассейна.

И ты, наверно, помнишь до сих пор
Солдата со звездою на ушанке,
Который — вместо выстрела в упор —
Тебе подбросил
хлеба полбуханки.

Под громовое уханье войны
Ты получил топор взамен винтовки
И показал
с отличной стороны
Себя на первой дровозаготовке.

Твоя военнопленная душа
Не бредила походом до Урала,
А грелась под навесом шалаша
Да на губной гармонике играла.

...Теперь, наверно, снова над тобой
Родительского дома черепица,
Где мирный дым
витает над трубой
И от трубы не может отцепиться.

Но можно ли —
Ты слышишь, Штокман Фриц! —
Мириться с тем,
Что твой Берлин расколот,
Что Рейн и Рур — в руках у темных лиц
И что в казармы загнан тот, кто молод!

Ведь кучка проходимцев и пролаз
Ведет игру и ожидает часа,
Чтоб немцев Рейна
двинуть против нас
Под старой кличкой «пушечное мясо».

Готовы янки способом любым
Занять наш дом, присвоить наше жито
И вслед за тем
под флагом голубым
Устроить рай системы Уолл-стрита.

Нам этот рай доподлинно знаком:
Там ангелы стучатся в магазины
За импортным
яичным порошком,
За порцией жевательной резины.

Там бог наживы
смотрит на разбой,
С довольным видом руки потирая...

Нет,
Мы желаем здравствовать с тобой
Без вышеупомянутого рая!

И вместо птиц,
способных на лету
Производить бомбежку и разведку,
Мы голубя
пустили в высоту,
Который держит пальмовую ветку!

НОВЫЙ КЛИМАТ

Рассказ

НАВТЕДЖ*

Рисунок О. Верейского

Маленькая Дипо протянула Ишар Каур тарелку.

— Бабушка, — бойко заговорила она, — сегодня обмолотили наш урожай пшеницы. Мама приготовила «кара» [1] в дар богам, и вот кусочек для тебя.

Ишар Каур сняла жирную крышку, и дрожь пробежала у нее по спине. Другие уже обмолотили урожай, а у нее и молотить-то нечего. В прошлом декабре полицейские забрали ее единственного сына, Сева Синга. Посев остался без ухода и погиб, и теперь их земля лежала невспаханная и заброшенная. С болью в сердце она закрыла тарелку.

— Отнеси это туда, к очагу, и отдай тете, — сказала она тихо.

Невестка Ишар Каур сидела около потухшего очага. Протягивая тарелку, Дипо заметила, что глаза тети Банти горели, как у мамы, когда она раздувает огонь. Банти равнодушно приняла «кара» и переложила его в миску. Но, возвращая тарелку, она как-то вдруг осознала, что перед ней маленькая Дипо. Все в ней дрогнуло и ожило при виде украшенных браслетами детских ручонок, протянувшихся к ней, точно молодые побеги. Она нерешительно отставила пустую тарелку. Потом внезапным порывистым движением она обняла Дипо и стиснула ее. Казалось, она стремится заглушить жгучую тоску одиноких декабрьских ночей — первых ночей ее замужества.

Она снова и снова целовала Дипо, прижимая ее к груди, которой никогда не кормила дитя. Как успокаивало прикосновение ребенка и ласка пушистых каштановых волос! Но вдруг поверх этих пушистых каштановых волос ей привиделись красные тюрбаны полицейских, которые увели ее мужа в далекую тюрьму. Ее руки разжались. Прикосновение девочки уже не успокаивало — оно жгло. Смущенная этой внезапной переменой, маленькая Дипо оставила тарелку и убежала.

Ишар Каур стояла на пороге и смотрела вдаль; глаза ее были полны тоски. Перед ней расстилались поля. Через неделю кусты перца покроются белыми цветами и напоят воздух острым запахом. Те, у кого земли немного, убрали урожай и уже обмолачивали хлеб. Поля теперь готовили к новому посеву риса.

В деревне все были заняты: женщины чинили глиняную посуду, подметали амбары, и в кузницах всю ночь напролет горел огонь — там точили серпы и ножи жаток. Даже безземельные подметальщики улиц, сапожники и ткачи стали жнецами, а старики и дети сидели под банановыми деревьями и вили веревки из рисовых стеблей. Но муссонного урожая Ишар Каур не хватало даже для того, чтобы свить пряжу для веревок, потому что как раз перед зимней жатвой они забрали ее сына. И сегодня, когда все население деревни сновало, как ткацкий челнок, она и невестка сидели сложа руки, потому что у них не было хотя бы пары соломинок, чтобы сплести их.

Но не только голое поле тревожило Ишар Каур, она тревожилась и о Банти. Молодая женщина почти всегда сторонилась своих сверстниц и избегала маленьких детей. На другой день после свадьбы Сева Синг ушел от нее, чтобы принять участие в борьбе, вспыхнувшей между крупным землевладельцем Сирдаром и арендаторами, возделывающими его землю. Много веков они возделывали эту землю и теперь хотели владеть ею.

Сева Синг едва успел услышать звон красных свадебных браслетов на руках жены. В арендаторов стреляли, и полиция забрала его. В ту минуту Ишар Каур почувствовала, как в ней что-то оборвалось; Банти робко и застенчиво смотрела на все сквозь красную свадебную вуаль. Ее мужа увели через поля, на которых уже зазеленели первые всходы.

Прежде Ишар Каур часто говорила сыну:

— Сынок, может, ты возьмешь меня прокатиться на автобусе, — я еще никогда не ездила на этой дьявольской повозке.

Но сын был слишком занят своей работой. Когда она напоминала ему о поездке, он обнимал ее и ласково, как ребенок, шептал:

— Ма, пусть только наша страна станет независимой, и я покатаю тебя на самолете, а не то что на автобусе. — И глаза Сева Синга сияли.

---

* Навтедж — индийский писатель, пишущий на языке пенджаби. Печатается в прогрессивном журнале «Кросс-родс» («Перекрестки»), выходящем в Бомбее. Летом 1950 года Навтедж выступал с докладом на конгрессе индийских прогрессивных писателей в Дели.

[1] Сладкий пудинг, приготовляемый в торжественных случаях.

И настал день независимости и прогулки на автобусе тоже. Ишар Каур с невесткой поехали в город, где в большой тюрьме сидел Сева Синг. Они сидели на улице у окованных железом огромных ворот и ждали. Весь день они слышали звон кандалов и гуденье самолетов, поднимавшихся с близкого аэродрома. Наверное, об этих самолетах и говорил Сева Синг.

Они ждали до захода солнца, и тогда тюремщик наконец сказал им:

— Вам нельзя его видеть. Он негодяй. Он объявил голодовку, и его приятели — тоже.

И больше они ничего не узнали. Они побрели назад в деревню, унося узелок с самодельным сахаром и маслом.

Кто-то постучался в дверь. Банти открыла и испугалась, увидев незнакомого человека. Ишар Каур, однако, узнала Кэку — известного по всей округе разбойника. Она видела его однажды на деревенской ярмарке.

— Прими мой поклон, матушка, — сказал гость.

Ишар Каур растерялась. Откуда он взялся? Потом она поглядела на Банти и испугалась за ее молодость. Они были одни и совсем беззащитны. Сделав вид, что ей нужно что-то передать соседке, она поторопилась услать невестку из дому.

— Послушайте, матушка, — помявшись, заговорил Кэку, — я пришел сказать вам, что ваш сын жив и здоров. Он шлет привет вам и жене.

Ишар Каур вздохнула с облегчением.

— А где ты встретил его? — спросила она.

— В большой тюрьме, в большом городе. Меня выпустили. Засадили меня надолго, но потом, слава богам, помиловали.

— Помиловали? Как же это?

— Говорят, арестовано много товарищей Сева Синга, и кое-кого из нас, старых грешников, помиловали, чтобы разместить их. Но я не ручаюсь, что это правда.

Ишар Каур попыталась отогнать тревогу.

— Надеюсь, у моего сына все хорошо? — спросила она.

Казалось, Кэку хотел что-то сказать, но не решался. Наконец он произнес очень мягко:

— Да, матушка, теперь ему хорошо.

— Теперь? Что ты хочешь этим сказать? Мой сын... что с ним случилось?

— В тюрьме его ранили... пулей. Но сейчас он в больнице... и ничего, — при этих словах Кэку опустил глаза.

— В него стреляли в тюрьме? — спросила она недоверчиво.

— Да, удивительное дело, — не поднимая головы, сказал Кэку. — Мы бы не поверили, если бы не видели своими глазами. Сколько лет я сидел в тюрьме, но никогда не слыхал, чтобы там стреляли. Сева Синг и его товарищи выступали против... — он не договорил, стараясь сдержать слезы.

Ишар Каур беззвучно плакала. Ее губы не шевелились, но сердце ее разрывалось на части... Давно, давно, когда Сева Синг был совсем маленьким, его чуть не растоптал взбесившийся бык. И тогда такая же боль пронзила ее сердце.

Вдруг до ее слуха донесся какой-то шум. С восточного конца деревни приближался бой барабана. Кэку выглянул на улицу. Он заметил вдалеке десятка три крестьян и барабанщика... За ними в облаке пыли шли три пары буйволов.

Прибежала Банти. Вглядевшись, Ишар Каур увидела, что толпа остановилась на краю ее поля. Бой барабана стал громче, и кто-то отделился от толпы и направился к дому Ишар Каур.

— Не пойму, что это за люди, — с тревогой сказал Кэку. Он испугался, что они пришли забрать имущество Сева Синга. Почти бессознательно, Ишар Каур обняла Банти.

— Они хотят отнять мою землю! — в ужасе пронзительно закричала она. — Они пришли от Сирдара! Они несут нам голодную смерть! Это моя земля, а я совсем одна, некому за меня заступиться.

Кэку хотел было успокоить ее, но не находил слов. За долгие годы, проведенные в тюрьме, он разучился говорить с женщинами.

— Не падай духом, матушка, — мягко сказал он. — Пока я здесь, ни одна собака Сирдара не посмеет обидеть вас.

Ишар Каур была как одержимая. Она бросила дрожащую Банти и, подхваченная неодолимой силой, кинулась в поле. Она не шла, а неслась, как вихрь, к полю, которое когда-то пахал ее муж, где он в полдень съедал горсть риса и лепешку, к полю, которое потом пахал ее сын и куда не успела хоть раз принести ему обед жена.

— Мучители! — закричала она еще издали.

От этого крика даже разбойник Кэку содрогнулся.

Звук барабана стал громче, и толпа увеличилась. Ишар Каур узнала человека, шедшего ей навстречу, — это был Лал Синг. Лал Синг! Неужели и он заодно с этими негодяями? А ведь он был товарищем ее сына, и они вместе ходили на собрания и вместе возвращались. И она сама не раз кормила его, когда он приходил с сыном.

— Лал Синг! И ты здесь?

Лицо Лал Синга сияло радостью. Он бросился к ней и, прежде чем она успела вымолвить слово, ласково сказал:

— Матушка...

Громкий бой барабана отозвался в ее сердце. С безмерным гневом смотрела она на собравшуюся толпу. Но чем ближе подходила она, тем больше знакомых лиц узнавала в этой толпе. Вот Хазара; вот Чана, который, как и ее сын, жестоко дрался во время прошлогоднего восстания арендаторов; вот Прем, который всегда поет трогательные песенки, когда крестьяне сходятся по вечерам отдохнуть на деревенской площади. Барабан умолк, и заговорил Далипа, Далипа, о котором люди говорили, что в его голосе таится волшебство. Ишар Каур почувствовала, что силы покидают ее, и крепко ухватилась за руку Лал Синга.

Далипа говорил:

— Смотрите, вот поле. Оно пустое и заброшенное. Это поле нашего товарища. Он боролся за нас — и они пришли с ружьями и забрали его. Но никакому насилию не остановить движения жизни. Отныне у нас все пойдет по-новому. Мы создадим новую жизнь. Мы все вместе вспашем эту землю. Каждая борозда на этом поле будет нашим вызовом нынешним правителям. Мы покажем им, что поводья времени теперь в наших руках. Сева Синг, свет нового времени, вспыхнувший в твоем сердце, нельзя угасить пулей! Это поле твое — наше, и сколько бы в нас ни стреляли, оно не останется бесплодным. Вперед, товарищи!..

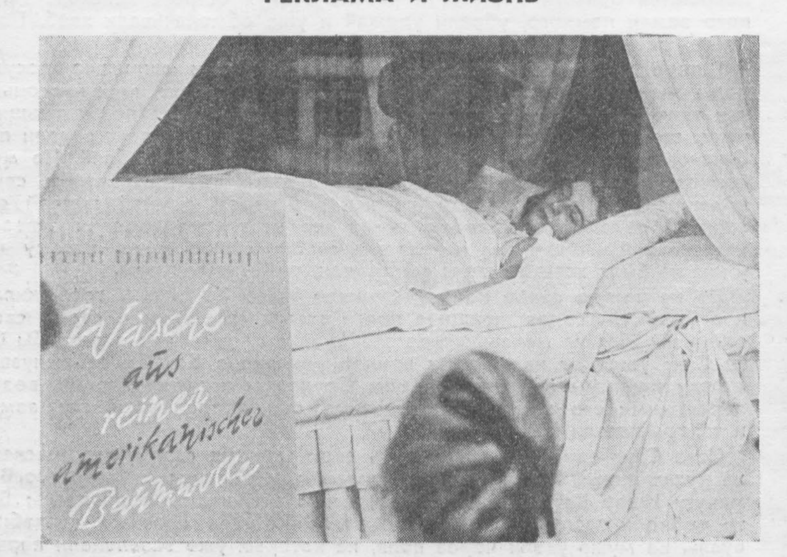
И пара за парой буйволы двинулись на поле Сева Синга.

Ишар Каур крепко поцеловала Лал Синга. А прибежавшая откуда-то Дипо прильнула к Банти, и, взглянув на невестку, Ишар Каур увидала, что лицо ее радостно, словно у новобрачной.

Перевела И. СТЕФЕН

Быт и нравы за рубежом

РЕКЛАМА И ЖИЗНЬ

На фото — реклама, выставленная в витрине бельевого магазина на улице Кюрфюрстендамм (Западный Берлин). Магазин торгует заокеанскими товарами. На щите написано: «Белье из чистого американского хлопка».

Подобных «живых реклам» в Западном Берлине немало. Обычно на эту очень низко оплачиваемую работу идут безработные. Долгими часами стоят они в витринах в американских нейлоновых чулках или американском нижнем белье, получая за это в день несколько пфеннигов. А вечером эти молодые берлинки возвращаются к себе домой в полуразрушенные, нищенские конуры.

На снимке справа вы видите одно из таких жалких жилищ. Оно находится в районе так называемых Каролингских трущоб в Шарлоттенбурге. Деревянные и каменные бараки расположены здесь рядом с роскошным зданием английского клуба, недавно выстроенного на средства западноберлинских налогоплательщиков.

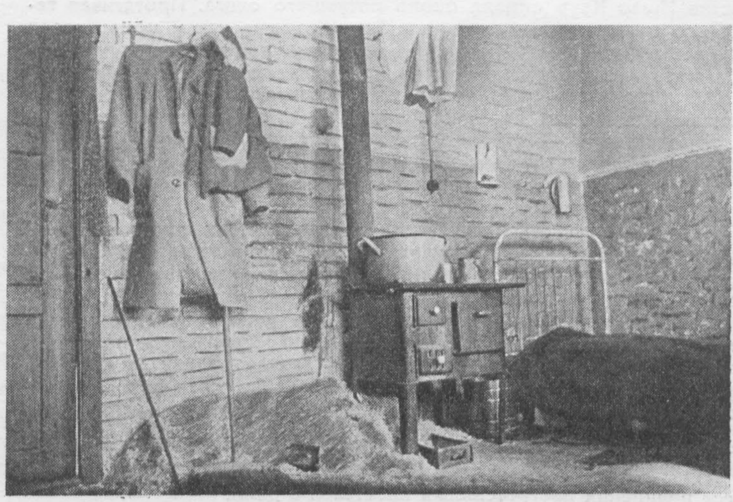
В подобное жилище возвращается и девушка-реклама с Курфюрстендамм. В этой комнате, где живут шесть человек — в том числе дети, — есть только одна кровать и двое нар. Нет в ней ни газа, ни электричества; скудная еда готовится на стружках. У обитателей Каролингских трущоб зачастую по нескольку дней не бывает хлеба.

В Западном Берлине в кварталах бедноты ежемесячно совершается 100—125 самоубийств. А сколько людей замерзает, не имея угля и дров! Лишь в рождественские и новогодний вечера в западных секторах Берлина замерзло 80 человек. Западноберлинский магистрат объявил, что в январе создаются 110 обогревательных пунктов. Пункты организованы, но для них не нашлось... угля.

«Забота» о безработных и бездомных свелась к тому, что западноберлинским газетам запрещено печатать хронику самоубийств.

Вл. РУДИМ

Берлин

Это и есть долларовая „демократия"

Сыплются полицейские зуботычины, льется кровь, щелкают стальные наручники. А впереди застенки Синг-Синга, каторга или — все может быть! — электрический стул.

Так выглядит долларовая «демократия» в Нью-Йорке.

Что это, расправа с бандитами, застигнутыми на месте преступления? Ничего подобного! Это «американский образ жизни», каков он есть в действительности, во всей его непревзойденной с черных времен гитлеризма будничной «прелести». Это долларовая «демократия» без маски, в подлинном ее омерзительном естестве.

Люди, которых американские фоторепортеры засняли в Нью-Йорке, Филадельфии и Ричмонде во время обыденных в Соединенных Штатах полицейских буйств, не совершили ничего преступного. Одни из них громогласно выступили на улице против кровавой политики войны, за мир. Другие подняли голос в защиту своих экономических прав, требуя выполнения коллективных договоров, заключенных предпринимателями с профсоюзами.

На бумаге все это разрешено под сенью статуи Свободы. Американская конституция полна звонких фраз о правах гражданина, о свободе слова и прочих государственных добродетелях. Но фразы остаются только фразами, лицемерными и фальшивыми.

Еще полтораста с лишним лет назад Вениамин Франклин, выдающийся ученый, участвовавший в разработке американской конституции, с горечью и сарказмом писал о своей стране: «Благословенна та страна, в которой правосудие и права можно купить за наличные деньги... Не всякой стране дана в удел такая благодать...» А в наше время, когда, говоря словами великого американского писателя Теодора Драйзера, «в Америке возросла, обосновалась и теперь бредит о вечном господстве власть денег, которая по наглости, жестокости, оголтелости чисто нероновского деспотизма не знает себе равных», американская конституция окончательно стала, как писал Драйзер, «клочком бумаги».

В монополистических Штатах основным законом является беззаконие, угодное и выгодное воротилам Уолл-стрита. Ведя преступную политику развязывания войны, раздувая военную истерию, правящие круги Америки яростно попирают и настойчиво сводят на нет все самые элементарные демократические права трудящихся.

Так, реакционнейший закон Тафта — Хартли уничтожил в Соединенных Штатах профсоюзные свободы, вновь утвердив ненавистное рабочим и желанное капиталистам судебное запрещение забастовок. Так, мракобесный закон Маккарэна наложил оковы на мысли американцев, предусмотрев заключение в концентрационные лагери всех, кто выражает нежелательные правительству, то есть Уолл-стриту, взгляды.

Буржуазный американский журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд уорлд рипорт», комментируя этот закон, признал, что в категорию организаций, «подрывающих строй», а стало быть, преступных, рискуют попасть даже «пацифистские группы, выступающие против перевооружения», даже «религиозные общины, собирающие средства для отправки продовольствия в Китай». В наше время для того, чтобы угодить в застенки американского гестапо,

В тюрьме этот забастовщик из Филадельфии до конца узнает цену американской «свободе».

«достаточно, — по словам американского профсоюзного деятеля Джозефа Эдиссона, — быть членом профсоюза, сторонником мира, выразить несогласие с американской политикой в Корее или на Тайване, с «планом Маршалла»...»

Это всевластие полицейской дубинки, этот безудержный произвол золотого мешка и есть американское «царство свободы», долларовая «демократия».

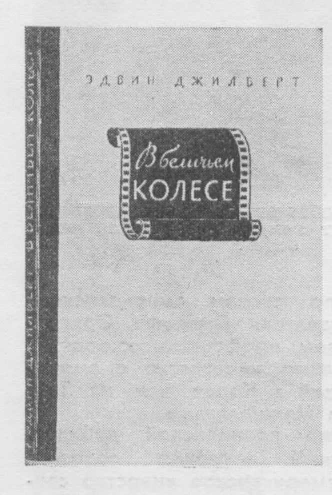
Завеса фальшивой «демократии» уже не может спрятать от яркого света дня звериный лик американского империализма, того самого, о котором сказаны Лениным гневные слова: «Перед нами совершенно нагой империализм, который не считает даже нужным облачить себя во что-нибудь, думая, что он и так великолепен». Скопированные у гитлеровцев зверства американских империалистов в чужих странах и в своей собственной стране вызывают ненависть и презрение всех свободолюбивых народов.

Обычная для Соединенных Штатов расправа с рабочими на улицах Ричмонда (Калифорния).

«Киноимперия» в Голливуде

Путешествием по Голливуду можно было бы назвать роман Эдвина Джилберта «В беличьем колесе». Правда, наш гид сам нуждается в провожатом, ибо, к сожалению, страдает сильной близорукостью. Он не видит подлинных причин того, что происходит в этой «стране кино», не понимает, что все рисуемое им — лишь одно из проявлений сегодняшней американской действительности, и даже пытается противопоставить Голливуд остальной Америке.

Однако кое-какие не лишенные интереса наблюдения мы сможем сделать, проникнув вслед за автором и его героем в джунгли голливудской «киноимперии».

Герой романа Тони Уиллард написал пьесу «Город во мраке». Известная кинофирма «Миликан» купила ее и зачислила автора в штат сценарной студии с тем, чтобы он инсценировал свою пьесу.

Сердце Тони приятно тронуто удобствами, которыми студия окружает своих сценаристов. Ему как будто ничего более не остается, как присоединиться к отзыву приглянувшейся ему стенографистки студии Кей Пирсон: «О, здесь сущий рай! Я думаю, что любой писатель был бы счастлив работать в таком месте».

Вскоре, однако, герой начинает замечать, что не все благополучно в голливудском царстве. В первый же день своей сценарной деятельности он получает бюллетень местной кинопромышленности «Дейли филм джорнэл», в котором красуется огромный заголовок — «Сценаристы в объятиях коммунизма». Под этим «душераздирающим» заглавием сообщается, что «под коварным нажимом своих красных хозяев» большинство членов союза сценаристов приняло резолюцию, требующую... установления минимума заработной платы.

С каждым днем идиллическая картина голливудского «рая» все больше тускнеет. Так, например, выясняется, что недавно из студии был выброшен один из лучших сценаристов — Мак Нулти, — которого заподозрили в принадлежности к коммунистам, хотя он был «тихим парнем и никогда рта не раскрывал».

Не без сатирического пренебрежения рисует Эдвин Джилберт панический страх американских кинофоррестолов перед коммунизмом. По воле автора заведующий личным столом студии Мельвин, племянник «киноимператора» Роя Миликана, вырастает в символический образ, когда с дрожью в голосе скулит: «Если я дам одному из красных писателей обосноваться на территории кинофабрики, меня вышвырнут на улицу. Я ужасно боюсь, как бы кто-нибудь из них не прошмыгнул сюда... Эти проклятые красные разрабатывают план свержения правительства. Дядя Рой говорит, что они авангард революции. Целый авангард, вот что взвалили на мои плечи... Честное слово, эти писатели сведут меня с ума».

Тони Уиллард видит, что в голливудском эдеме орудуют совершенно не предусмотренные библией шпики, энергично выслеживающие проникших в рай мифических «агентов Кремля». На шпионскую потребу идет положительно все, что попадается под руку, вплоть до «старого профсоюзного билета или потертого значка с портретом Рузвельта». А уж сочинения Льва Толстого рассматриваются как прямая улика подрывной деятельности «Коминформа».

Нет ничего поразительного в том, что не проходит и нескольких недель, как совершенно неожиданно для Тони выясняется, что он... «коммунист».

Э. Джилберт детально и наглядно рисует процесс преображения Тони Уилларда в глазах миликанов в «агента Кремля». Достаточно попавшему в Голливуд писателю возмечтать о мало-мальски правдивом искусстве, чтобы тотчас же быть зачисленным в коммунисты.

Писатель заставляет своего героя пройти целую школу испытаний и на каждом шагу убеждаться в том, что в голливудских кинофабриках процветает все, что угодно, только не киноискусство. «Повяжите себе рот платочком. Запомните, что вы сейчас занимаетесь не искусством, а бизнесом, прибыльным денежным бизнесом», — так один из голливудских сценаристов — Джед — поучает Тони.

По приказу высших властей «киноимперии» из пьесы Тони Уилларда должны быть выброшены, как «попахивающие красной пропагандой», все сцены, в которых геройбуржуа рисуется жестоким.

«Миликан говорит, — инструктирует Тони режиссер Уокслер,— что это может возбудить у зрителей ненависть ко всему правящему классу Америки».

И так как Тони отказывается от такой вивисекции, его отстраняют от его же произведения и передают инсценировку угодливым кинодельцам и аферистам.

Отказ Тони выбросить негров из другого порученного ему сценария окончательно убеждает хозяев «киноимперии» в том, что Тони... коммунист.

У героя романа хватает писательской честности отказаться от капитуляции. Он не желает «заткнуть себе уши тысячедолларовыми чеками» и участвовать в фабрикации «еще одной очередной пошлости для одурманивания мозгов...»

В образе «киноимператора» Роя Миликана читатель найдет острую сатиру на пресловутую американскую «свободную инициативу». Рой Миликан хвастается тем, что некогда был мусорщиком. Властитель «киноимперии» сохранил даже свое былое орудие производства: «ту самую палку» мусорщика с «тем же самым гвоздем на конце».

Но не случайно именно Рой Миликан,— кстати, наделенный автором отталкивающей наружностью,— выступает в романе как грубый и тупой деспот, топчущий малейшие ростки честности и справедливости в голливудской «киноимперии». И даже «демократическая палка» его не раз летит в провинившихся.

С омерзением покидая Голливуд, Тони Уиллард заявляет: «Мне здесь дают пятьсот в неделю, и столько мне не дадут нигде. Но зато нигде я не буду чувствовать себя таким выхолощенным, как здесь...»

Э. Джилберт далек от последовательной критики американской кинематографии, не говоря уже об американском капитализме. Всему миру известно, до чего дошла травля прогрессивных сценаристов Голливуда, посаженных американскими судьями после скандального процесса в тюрьму. Писатель не показал Голливуд как идеологическую фабрику американского империализма, раздувающего в массовой, но все более непопулярной кинопродукции военную истерию, антисоветскую пропаганду и киноуголовщину — эту школу подготовки американских громил гражданского и военного обличия.

Тони же приходит к глубокомысленному заключению, что вообще «главное зло, корень всех зол,— это страшное чудовище под названием «дурной вкус зрителя» (!).

После этого не удивительно, что, выведя своего героя за границу «киноимперии», автор наделяет его самыми радужными надеждами, сравнивая его с вырвавшимся из «бесплодной пустыни».

Все это мираж. Легко себе представить, что ожидает Тони Уилларда впереди: безработица, полуголодное существование, перспектива встречи с литературными, театральными и прочими миликанами.

Писатель заглянул лишь в один из уголков американской действительности. Но какой профанацией человеческого достоинства, какой издевкой над искусством и каким истерическим страхом перед коммунизмом пахнуло даже от того, что сумел показать нам автор!

Я. МЕТАЛЛОВ

Эдвин Джилберт. В БЕЛИЧЬЕМ КОЛЕСЕ. Роман. Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. Москва. 1950. 254 стр. 9 руб. 50 коп.

«Невиданная птица»

Имя Юрия Сотника, автора талантливых рассказов о наших детях, можно было встретить в детских журналах еще до войны. В 1946 году вышла его первая книга «Архимед» Вовки Грушина», в 1947 году Детгиз выпустил его повесть «Про наши дела». В новую, недавно вышедшую книгу Юрия Сотника «Невиданная птица», также выпущенную Детгизом, включены его лучшие вещи, многие из которых уже хорошо известны как юному, так и взрослому читателю.

В рассказе «Невиданная птица», по которому названа последняя книга, автор очень верно подмечает любознательность наших детей, их высоко развитое общественное самосознание.

Находясь поздно вечером на рыбной ловле, мальчики Вася и Дима заметили, что над ними пролетела огромная, необыкновенная птица, скрывшаяся на дереве. Мальчики теряются в догадках. «— Вдруг это вовсе не известная птица!.. Подстрелить бы ее. Вдруг это для науки такое значение, что...» — говорит Вася и кидается домой за отцовским охотничьим ружьем. Его приятель Дима иронически относится к энтузиазму своего товарища, предупреждает, что птица может «тюкнуть клювом по голове, вот тебе и капут», на что Вася смело отвечает: «Ну, и пусть капут! Значит, погиб за науку». «Невиданная птица» оказалась авиамоделью. Мальчики вспоминают, что недалеко от их местности происходят всесоюзные соревнования авиамоделистов.

На следующий день мальчики отправляются к месту соревнований, захватив с собой полуразрушенную модель. Там Дима с нескрываемой насмешкой рассказывает, как его друг собирался «пожертвовать собой для науки». Однако полковник, выслушавший его рассказ, неожиданно для Димы говорит ему:

«— Какое же ты имеешь право смеяться над товарищем? Ты вот сидел сложа руки и критиковал, а он в это время действовал. Он был уверен, что это какое-то живое чудовище, и не побоялся выйти на него с дробовиком. Пусть он ошибался, но он был героем в тот момент, отважным исследователем, а ты кем был?!»

И в награду за то, что Вася своей отвагой помог обнаружить пропавшую модель и выяснить результат ее полета, полковник дает распоряжение покатать его на учебном самолете.

Этот рассказ дает представление о творческой манере Юрия Сотника. Формирование детского характера в советских условиях, воздействие школьного воспитания и пионерской организации на детей — вот главная тема почти всех его рассказов. И автор в большинстве случаев решает свою задачу очень умело, рассказанные им истории о советских детях жизненны, написаны очень живо.

В свое время А. М. Горький писал: «Нам нужна и веселая, забавная книжка, развивающая в ребенке чувство юмора». Каждая из историй, положенных в основу того или другого рассказа Юрия Сотника, имеет четкий, увлекательный сюжет и хорошо построенный диалог, насыщенный здоровым юмором. В этом отношении произведения Юрия Сотника особенно выделяются среди современных книг, рассчитанных на детей младшего и среднего возраста. Основные идеи рассказов преподносятся юному читателю тактично, без назойливого морализирования.

В рассказе «Важное донесение» описывается военная игра, проигранная пионеротрядом вследствие того, что один из участников плохо занимался по русскому языку. Домашние упражнения и сочинения писал за него его приятель, считавший, что выполняет этим свой долг товарища. В решающий момент военной игры Гриша наделал таких серьезных ошибок в письменном донесении, что оно было неправильно понято.

Воспитанию детского характера посвящен и рассказ «Белая крыса». Два пионерлагеря ведут военную игру. Звеньевая Таня Закатова ночью пробирается во «вражеское расположение» для наблюдения. Но у нее есть известная всем слабость: боится крыс. В поисках Тани «противники» выпускают около ее укрытия свою ручную белую крысу. Однако пионерка в трудную минуту сумела преодолеть свой страх и не выдать себя.

В сборнике Юрия Сотника выделяются также рассказы «Человек без нервов», «Песок», «Гадюка», «Райкины пленники», многосторонне обрисовывающие советских школьников и выполняющие серьезные воспитательные задачи. Несколько слабее рассказ «Архимед» Вовки Грушина» — о мальчике, вообразившем себя изобретателем подводной лодки и забросившем свои школьные занятия, и рассказ «Калуга — Марс» — о ребятах, решивших в первые дни войны пойти добровольцами в Советскую Армию. Этот рассказ ничего не добавляет к другим, уже имеющимся произведениям на ту же тему.

К сожалению, писатель редко обращается в своих произведениях к темам внутришкольной жизни.

Трудовой инициативе школьников, взявших на себя восстановление разрушенного во время войны школьного здания, посвящена повесть Сотника «Про наши дела». В повести большое место уделено описанию «экспедиции» школьников в лес, где остались спиленные войсками деревья, которые можно использовать для строительства школы. Стараниями ребят бревна сплавляются водой в город. Похождения ребят в лесу и на реке составляют лучшие, интереснейшие страницы повести.

Однако приключенческий элемент, старание Юрия Сотника придать «занимательность» своим вещам в повести «Про наши дела» иногда превращаются в самоцель, что снижает ее воспитательную ценность.

Г. ЯРЦЕВ

Юрий Сотник. НЕВИДАННАЯ ПТИЦА. Рассказы. Детгиз. Москва. 1950. 256 стр. 8 руб.

Семья Тараса

В Ленинградском Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова.

У старой околицы
Родимого села
С друзьями расставались мы,
Быть может, навсегда.
Прощайте, друзья,
Уходить пора...

Эту песню украинских комсомольцев, не желающих покориться врагу, покидающих родные места мы услышали в опере Д. Кабалевского «Семья Тараса», поставленной на сцене Ленинградского Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова. Мелодия этой песни проходит через всю оперу, снова и снова возникая, то в сценах расправы народных мстителей с захватчиками, то в музыке, связанной с образом комсомолки-подпольщицы Насти и ее друзей...

Основой для либретто оперы (автор либретто С. Ценин) послужила повесть Б. Горбатова «Непокоренные», завоевавшая прочное признание нашего читателя.

Условия музыкальной сцены потребовали от композитора и либреттиста внесения ряда изменений в сюжетную линию повести. Пришлось отказаться от некоторых эпизодов и, наоборот, ввести новые — например, поджог комсомольцами немецко-фашистского штаба.

Монументальная тема «непокоренных», прозвучавшая в увертюре, пронизывает всю оперу. Она воплощена в музыкальных характеристиках комсомольцев, ставших боевыми помощниками большевистских подпольных организаций, в образе Тараса.

Старый рабочий Тарас, его жена и верный друг Евфросинья, их сыновья: Степан — руководитель партизанской организации и младший Андрей, попадающий по малодушию в плен, но искупающий свою вину самоотверженной борьбой с захватчиками; дочь — комсомолка Настя, гибнущая от рук фашистских захватчиков,— все они простые советские люди, связанные друг с другом не только узами родства, но и общностью чувств, мыслей и убеждений. История этой семьи, глубоко жизненная и правдивая, легла в основу либретто и нашла яркое воплощение в содержательной, темпераментной музыке Кабалевского.

Мастерски использует композитор многообразные вокальные формы оперного жанра — песни, арии, речитативные диалоги, хоры. Большая роль отведена симфоническому началу, выступающему на первый план не только в увертюре, но и по ходу развития действия.

Мелодически цельны в музыке образы Тараса, Евфросиньи, Насти, Андрея, старого рабочего Назара, подростка Павки, стремящегося подражать своему «тезке» — герою повести «Как закалялась сталь». Их характеристики раскрываются многообразно: в форме монолога, как, например, у Тараса в его объяснении с младшим сыном («Ты, Андрей, в смертный час муки убоялся»), в ариях Андрея, рассказывающего о мучениях в фашистском плену, или матери, переживающей смертельную тревогу за семью, в форме дуэта Павки и Насти, в приеме песни-притчи о мужике и медведе, которой Назар доказывает Тарасу неизбежность непримиримой борьбы с оккупантами. Во всех этих партиях и в оркестровом их изложении композитор умело раскрывает главное в образе, в сценическом эпизоде.

Волнуют в опере драматические сцены. В картине увода в неволю советских женщин, конвоируемых фашистами, проникновенно звучит песня прощания с любимой Родиной. Эта ярко нарисованная картина народного бедствия—переломный момент и в развитии образа Тараса, преодолевающего свою пассивность и осознающего необходимость борьбы.

Столь же действенное значение в развитии сюжета придано и другой, противоположной по настроению песне — молодежной, интонации которой органично вплетаются в музыкальную характеристику Насти, символизируя ее духовное родство с комсомольцами.

Выразительна песня партизан:

Ой, леса да непроглядные,
темные,
Здесь давно не поют соловьи...

Все эти несомненные удачи композитора, отнюдь не единичные, делают его произведение заметной вехой в развитии советского оперного творчества.

В музыке оперы «Семья Тараса», мелодичной и ясной, сказывается следование реалистическим традициям русской классики.

При всем том приходится отметить и некоторые недостатки оперы. Бледнее в музыке обрисован образ большевика-организатора Степана, который должен был бы занять одно из ведущих мест в опере. К концу спектакля драматическая сила и выразительность музыки заметно снижаются, что особенно остро ощущается в финальной сцене. Между тем финал должен бы стать подлинной героической кульминацией произведения. Музыке подчас не хватает украинского национального колорита, который, несомненно, способствовал бы реалистической обрисовке места действия.

Спектакль, созданный коллективом Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, умело выявляет достоинства произведения. Эта постановка — результат упорной совместной работы авторов и театра. Создавая музыку оперы, композитор выносил ее на обсуждение актерского коллектива, произведение и спектакль рождались одновременно.

Задача воплощения современной советской темы в оперном искусстве была разрешена музыкально и сценически правильно, творчески ярко и убедительно. Трактовка дирижера Б. Хайкина помогла правильному раскрытию идейного содержания оперы, характера музыки, ее интонаций. По-разному, но одинаково сильно впечатляют глубиной исполнения такие моменты спектакля, как массовая сцена забастовки рабочих, насильно согнанных на восстановление разрушенного завода, сцена допроса Насти.

Постановщику И. Шлепянову удалось избегнуть ненужной выспренности в четко очерченных, острых сценах и добиться естественности сценического поведения участников спектакля. Центральные картины — возвращение Андрея, поджог школы, эпизод на разрушенном заводе — наиболее яркие и по режиссерскому замыслу и по музыкальному исполнению.

Реалистическому стилю постановки во многом способствовали декорации и костюмы художника С. Бирсаладзе. Спектакль, сыгранный слаженно и целостно, смотрится с неослабевающим интересом.

Артист И. Яшугин, играющий Тараса, особенно выразителен в диалогах, репликах, мизансценах; в отдельных ариях у исполнителя недостает необходимой мощи. Рельефно, мастерски очерчены роли Евфросиньи — артистка О. Мшанская, Андрея — артист В. Ульянов, Степана — артист И. Шашков. Свежий, подкупающий искренностью образ создала исполнительница роли Насти молодая артистка студентка Ленинградской консерватории Б. Коляда. Запоминаются и остальные участники спектакля: В. Ивановский (Павка), Я. Мищенко (Назар), О. Кашеварова (Антонина), А. Атлантов и И. Мелентьев (немецкие офицеры), В. Луканин (лесник).

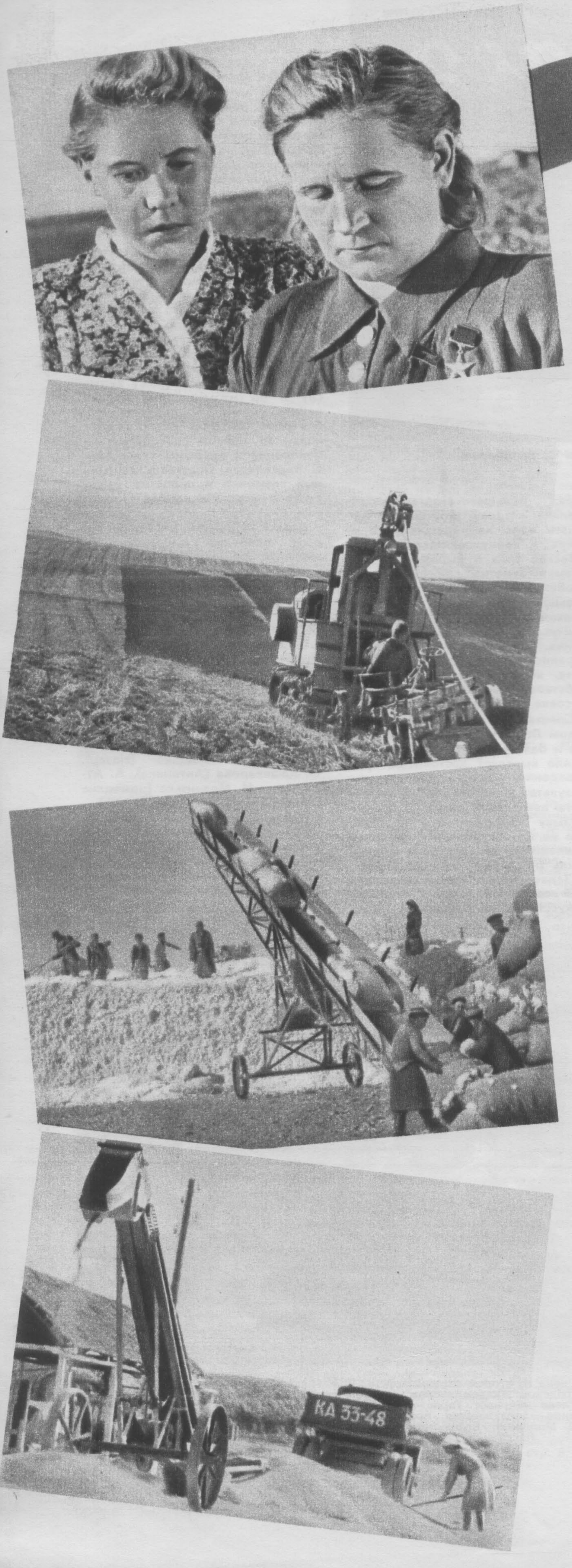
Патриотический спектакль «Семья Тараса» — значительное событие музыкальной жизни. Театру имени С. М. Кирова принадлежит заслуга первой постановки этого яркого произведения.

В. БОГДАНОВ-БЕРЕЗОВСКИЙ

Сцена из второй картины оперы Д. Кабалевского «Семья Тараса» в Ленинградском Академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова. Слева направо: Тарас — заслуженный артист РСФСР И. Яшугин, Антонина — заслуженная артистка РСФСР О. Кашеварова, Назар — артист Я. Мищенко, Евфросинья — заслуженная артистка РСФСР О. Мшанская, Настя — студентка Ленинградской консерватории Б. Коляда.

Фото П. Федотова и Н. Науменкова (ТАСС).

Секреты

По страницам нового киножурнала

В те времена, когда в Голливуде была еще какая-то возможность создавать более или менее объективные картины, появился фильм «Гроздья гнева», который с потрясающей силой рассказал о катастрофическом положении сельского хозяйства Америки, о трагической судьбе американских фермеров. Один из эпизодов фильма показывал, как мощные машины сметают жалкие домишки разоренных фермеров, распахивая землю, перешедшую во владение крупных монополий. Этот эпизод — почти символическая картина, характеризующая развитие техники в условиях капитализма: машина обрекает на голод и рабство подлинных хозяев земли.

Совершенно другую роль играет научный и технический прогресс в мире, идущем к коммунизму. В нашей стране научные открытия и совершенствование методов производства призваны помогать человеку в его созидательной деятельности, облегчать его труд, повышать его благосостояние, освобождать его энергию для новых трудовых подвигов.

Яркой демонстрацией достижений советских людей в сельском хозяйстве могут служить вышедшие недавно на экраны первые выпуски киножурнала «Новости сельского хозяйства» [1].

Киножурнал знакомит зрителя и, в первую очередь, многомиллионную колхозную аудиторию с многочисленными успехами в самых разнообразных областях социалистического сельского хозяйства, дает представление о сущности многих нововведений в колхозном производстве, наглядно показывает и объясняет преимущества тех или иных методов передовой агротехники или усовершенствований механизации.

Всего полчаса идет каждый номер журнала, состоящий обычно из нескольких сюжетов-очерков, но за это время мы узнаем много полезного и интересного. Кинокамера проникает в самые различные уголки нашей Родины, отражая на экране события, происходящие почти одновременно в колхозах и совхозах, удаленных друг от друга на сотни и тысячи километров.

Необозримый простор Кубани, Подмосковье и Сибирь, величавая ширь Волги и бурные реки Ставрополья, опаленные солнцем долины Узбекистана и горные вершины Казахстана, увенчанные чалмой вечных снегов! И всюду, куда бы ни заглянул кинообъектив, он фиксирует могучий арсенал нашего сельского хозяйства: тракторы, комбайны, самолеты, механизированные животноводческие фермы и зернопульты, химические препараты и оранжереи, небольшие хитроумные приборы-автоматы и мощные электростанции.

Попадая вместе с кинооператором на поля Кубани, мы видим, что в наши дни колхозные поля стали для инженеров и ученых своеобразной гигантской лабораторией. Зритель присутствует при рождении поточного способа уборки урожая. Здесь все операции подчинены единому ритму. Поточную линию открывает советский самоходный комбайн. Его сопровождает грузовик. Не нарушая непрерывности потока, комбайнер выгружает зерно на ходу. Пройдя через автомобильные весы, зерно поступает на полевой механизированный ток, где все трудоемкие работы выполняются универсальной машиной — зернопультом — и механизированной веялкой-сортировкой. Тракторная тросовая волокуша и новые скирдометатели помогают в полтора — два часа очистить от соломы поле, убранное за день комбайном. И к вечеру на поле, где еще утром шумели хлеба, уже идет подготовка почвы к новому севу.

Таких сроков уборки не знает история земледелия.

Но вот мы переносимся в соседний край, в предгорья Северного Кавказа, где привольно пасутся табуны красавцев-коней великолепной новой терской породы. Зритель знакомится с основами мичуринских методов в животноводстве — сложным скрещиванием и направленным воспитанием, позволившими сочетать выносливость донских и кабардинских лошадей с резвостью чистокровных верховых скакунов. На экране золотисто-огненные и атласно-серые лошади — результат упорного долголетнего труда ученых и зоотехников. Колхозному хозяйству передана лошадь, незаменимая в горных и степных животноводческих районах.

Как ни жаль, но пора расставаться с красавцами-конями, ведь не менее интересно взглянуть на работу мичуринцев-птицеводов, сумевших вывести в Подмосковье новую породу уток. На экране — прогулки мохнатых желтых утят в луга, на водопой, на купанье. За этой безмятежной картиной скрываются многолетний труд, бесконечные эксперименты. Десяток лет из отборных яиц в инкубаторах выводились многие поколения утят, пока наконец не удалось скрестить два вида уток: пекинских, недостаточно плодовитых, но имеющих большой вес, и хаки, незначительных по весу, но обладающих необыкновенной плодовитостью. Каждая птица новой породы весит свыше 3 килограммов и приносит до 200 яиц в год, т. е. в десять раз больше, чем простая, местная утка.

Побывав с другой киногруппой в Казахстане, мы узнаем, что ученые-мичуринцы путем многолетних экспериментов создали новый вид тонкорунной выносливой овцы, назвав ее архаромеринос.

Мы снова в одном из колхозов в горячую пору уборки урожая. Клокочет, точно закипает, драгоценный поток зерна, и нагруженная до краев

[1] Киножурнал «Новости сельского хозяйства» № 1—4. Выпускающие режиссеры — А. Разумный, С. Чулков, Д. Яшин. Музыкальное оформление В. Смирнова. Производство Московской студии научно-популярных фильмов. 1950 год.

НА СНИМКАХ:

Председатель укрупненного колхоза «Пятилетка», Герой Социалистического Труда А. Евдокимова (справа).

Электропахота в Ставрополье.

Узбекистан. И здесь на помощь колхозникам приходят машины.

На Кубани. Механический погрузчик-зернопульт в работе.

побед

автомашина отделяется от комбайна. Но как ни спешит шофер, стремясь увеличить свой грузооборот, все же он вынужден будет потерять минут двадцать, а то и все полчаса, пока двое рабочих разгрузят его машину.

Нет! Пока задние колеса грузовика приближаются к брезентовому настилу, приемщик зерна успевает откинуть заднюю стенку кузова, достать оттуда приготовленный трос и прикрепить его к крюку в стене зернохранилища. Еще несколько секунд, и шофер, не выключая мотора, направляет грузовик в поле... В этот же момент зерно из автомашины мягко и плавно само ссыпается из кузова на настил. Таково действие нового механического разгрузчика. Без помощи рабочих, в течение одной минуты автомашина сама освобождается от груза, будь то зерно или сено.

Простота и эффективность этого изобретения поражают, и зритель невольно начинает прикидывать, сколько времени будет сбережено в тысячах колхозов и совхозов, сколько рабочих освободится от тяжелой работы.

Киножурнал отражает широкий народный размах новаторского движения в нашей стране. Не только специальные научно-исследовательские организации, но и тысячи рядовых колхозников помогают стремительному развитию сельскохозяйственного производства. Это блестяще подтверждается очерком о машинисте Березянской МТС Н. Бредюке, который, усовершенствовав молотилку, вместо обычных 24 тонн зерна в сутки добился рекордного обмолота в 141 тонну.

Известно, насколько важно создать условия для высокого урожая еще в период посевной кампании. В одном из журналов мы совершаем еще одно кинопутешествие, но на этот раз в глубь земли, туда, где лежит зерно. На наших глазах происходит рост растения и его развитие с применением нового способа минеральных удобрений. Новый способ внесения удобрений в землю — не в виде порошка, как прежде, а в форме комочка-гранулы — резко повышает урожайность. Гранулирование, осуществимое в любом колхозе, почти вдвое сокращает обычное потребление суперфосфата.

Одним из наиболее интересных является киноочерк о химическом способе борьбы с сорняками. На экране — опрыскивание пшеницы и сорняков созданным нашими учеными химическим препаратом. С помощью специальной киносъемки мы можем проследить, как ведут себя после этого растения. У сорняков начинают скручиваться листья и стебли. Теряя силы, агонизируя, они поникают к земле, вытягиваются и наконец гибнут.

А пшеница? Невредима! Как ни в чем не бывало, она продолжает нормально развиваться. И зрители с удовлетворением узнают, что новый способ борьбы с врагами урожаев уже вышел из стен лаборатории на просторы колхозных и совхозных полей, где самолеты, затратив всего лишь по одному килограмму вещества на гектар, смогут за один день обработать до 200 гектаров, заменив труд нескольких тысяч человек.

Огромно научно-познавательное, воспитательное, пропагандистское значение таких сюжетов, как «Электрификация колхозов Ставрополья» и «Новая система орошения», показывающих, как осуществляются грандиозные сталинские планы электрификации страны и преобразования природы.

Побывав в одном из передовых хозяйств Чувашской АССР — колхозе имени Сталина, познакомившись там с мастерами высоких урожаев, среди которых 13 Героев Социалистического Труда, а свыше 100 человек награждены орденами и медалями, мы возвращаемся на Кубань, на Курганинскую районную выставку. С приходом золотой осени можно подвести итоги трудового года.

На выставке можно увидеть все, что добыто честным, упорным колхозным трудом. Глаза разбегаются, не в силах охватить всего представленного здесь богатства. И повсюду, во всех уголках выставки идет оживленный обмен опытом. Никто здесь не прячет, не таит секретов своих побед. Полеводы и комбайнеры, свинарки и агрономы, бухгалтеры и коневоды — каждый стремится рассказать о причинах своих успехов, помочь другим, а заодно и поучиться у соседей.

Новый киножурнал сумел выйти за рамки рассказов о новостях сельского хозяйства и показать советского человека, неутомимого творца и труженика, преобразователя и патриота, активного борца за мир...

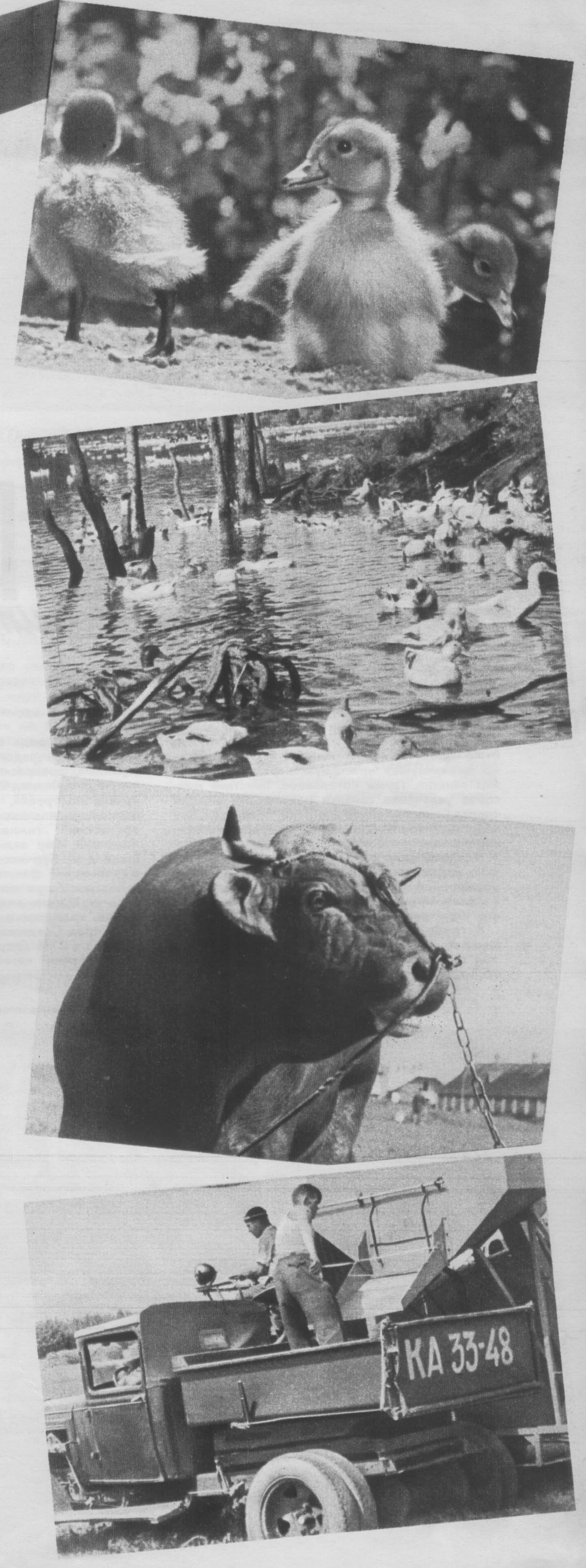
Стремясь как можно полнее, ярче, образней донести до зрителя сущность всего нового, передового в нашем социалистическом земледелии, съемочные группы использовали для этого разнообразные выразительные средства кино. Особое значение в сельскохозяйственных журналах приобрели специальные виды съемок, помогающие наблюдать скрытые от глаз человека жизненные процессы, а также графические и объемные мультипликации.

Создатели киножурнала — авторы, режиссеры, операторы — проявили себя как талантливые представители научной кинопублицистики.

Накопленный опыт обязывает сделать следующие выпуски еще лучше, углубить, расширить тематику. До сих пор не затронуты такие важнейшие вопросы, как укрупнение колхозов, строительство агрогородов, рост и укрепление МТС — опорных пунктов социалистического переустройства деревни.

Тогда краткая, строгая, научная информация о новостях сельского хозяйства станет еще более могучим пропагандистом преимуществ колхозного строя, превосходства советского образа жизни.

Л. БЕЛОКУРОВ

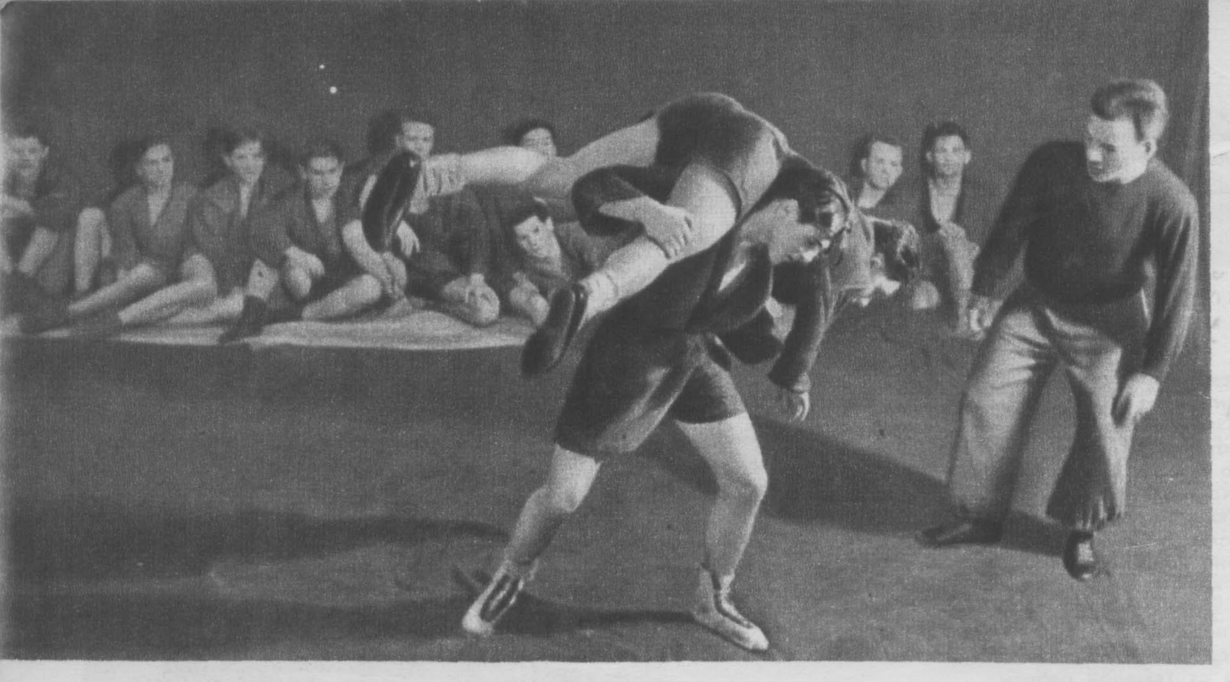
НА СНИМКАХ:

Свыше 100 утят приносит в год кучинская-зеркальная утка.

Кучинская-зеркальная — так называется новая порода уток, выведенных в Подмосковье.

Совхоз Караваево. Бык Сим костромской породы. Его вес — 1013 килограммов.

Поточный метод уборки. Самоходный комбайн выгружает зерно на ходу.

Герой Советского Союза Леонид Голев (справа) проводит тренировку.

КАФЕДРА физического воспитания

В. ВИКТОРОВ

Огромный, пересеченный в разных направлениях гимнастическими снарядами двухсветный зал так заполнен молодежью, что трудно было одним взглядом охватить всю непрерывно меняющуюся красочную картину спортивных занятий. Почти поголовное, поистине массовое увлечение самыми различными видами спорта,— несомненно, одна из отличительных черт послевоенной жизни Ленинградского университета.

Это увлечение чувствуется во всем: и в том, как старательно выполняют первокурсники упражнения на параллельных брусьях, и в том, с каким нетерпением студенты старших курсов ждут начала тренировки.

В группе старшекурсников многие имеют первый разряд, а в спортивной гимнастике, для того чтобы получить первый разряд, надо обладать высоким уменьем, которое приходит только после нескольких лет систематических занятий.

Вот стоит среди своих товарищей, неторопливо натирая ладони магнезией, невысокий, стройный, прекрасно сложенный молодой человек. Это Леонид Курчиков. Так же, как и его друзья по группе, он пришел в университет полнейшим новичком в спорте, теперь он первоклассный гимнаст. Спортивные занятия помогают ему отлично учиться. Сталинский стипендиат Курчиков заканчивает в этом году философский факультет.

То, что спорт помогает академической работе студентов, видно во всем. Но, пожалуй, самым волнующим примером является история Героя Советского Союза Леонида Голева.

Когда в 1946 году Голев поступил в университет, врачи категорически запретили ему большие умственные и физические напряжения. Командуя противотанковым орудием, подбив в боях за Днепром шесть вражеских танков, он был тяжело ранен в голову, долго пролежал в госпитале и вышел оттуда инвалидом. Да, врачи, видимо, были правы. Трудно, очень трудно начиналась студенческая жизнь Леонида Голева; непрестанно болела голова, волнами наплывала мучительная слабость.

Как раз в том году, когда Голев приступал к занятиям на юридическом факультете университета, кафедра физического воспитания и спорта перестраивала свою работу на совершенно новых основаниях. Вместо обычных занятий по так называемой «общей физической подготовке», сводящихся к однообразным упражнениям, в университете стали осуществлять принцип спортивного совершенствования.

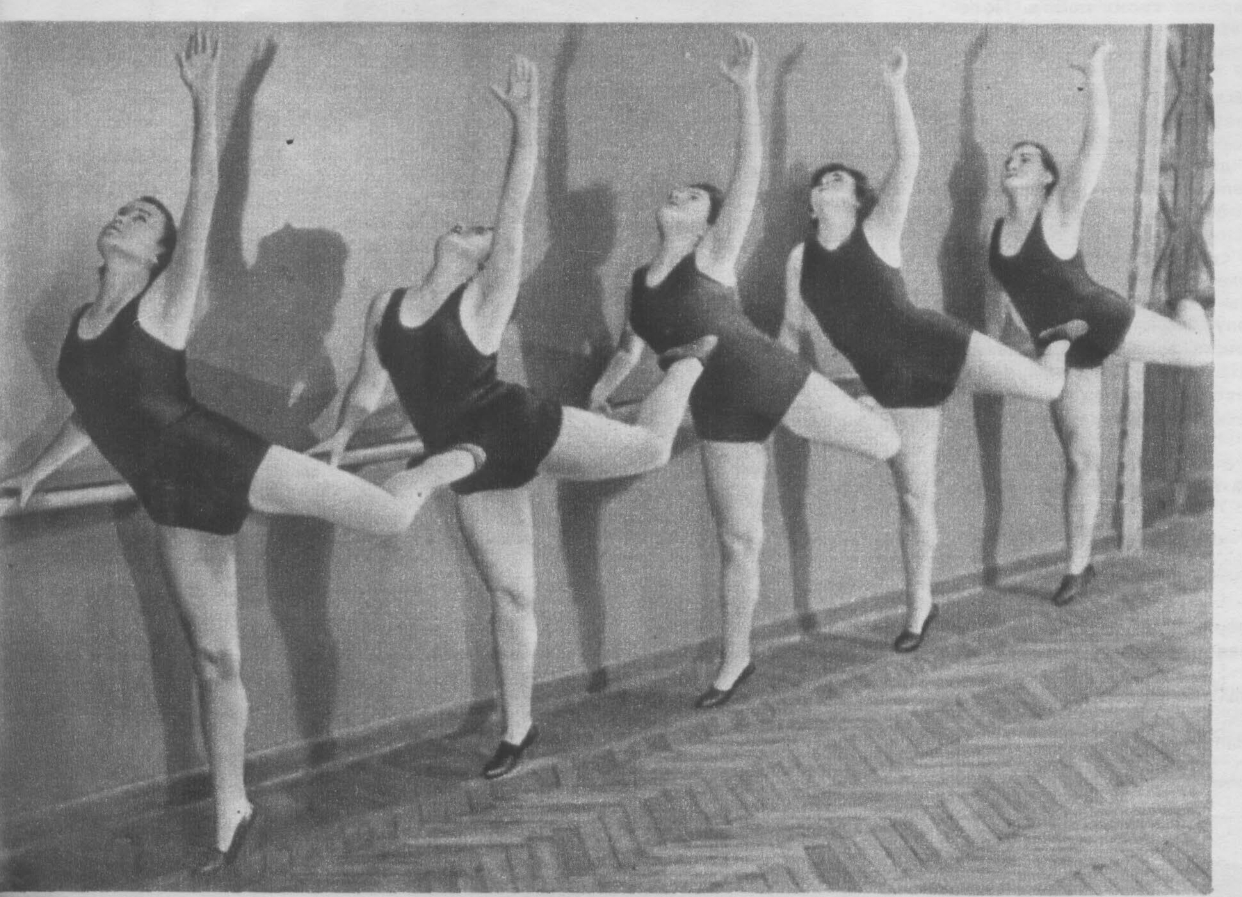
Перед каждым студентом с первого же курса раскрывались большие возможности. Он мог в зависимости от своих вкусов избрать какой-нибудь один вид спорта — легкую атлетику, бокс, плавание, фехтование, лыжи — и посвятить ему все годы учебы. Словом, студенту были открыты все пути: на суше и на воде, на снегу и на льду, на боевом настиле ринга и на борцовском ковре. Причем это помогало успешнее проходить и общефизическую подготовку, быстрее сдавать нормы ГТО.

В университете на смену «физкультурной повинности» пришло подлинное, творческое увлечение спортом. Но Голева не спрашивали, каким видом спорта он думает заниматься. Учитывая состояние здоровья, его просто зачислили в секцию лечебной гимнастики.

С этим Леонид Голев не мог примириться. Он вырос на Урале, с детства любил лыжный спорт, борьбу.

Теперь вокруг него кипела спортивная жизнь. Дважды в неделю в установленные расписанием часы четыре тысячи студентов первого и второго курсов приходили в гимнастические залы, плавательные бассейны, на лыжные базы, катки. По вечерам тысячи студентов старших курсов занимались в секциях, хотя по вузовской программе спортивные занятия носят обязательный характер только для двух младших курсов.

На занятиях секции художественной гимнастики.

Бегун Хейно Поттер на занятиях в астрономической обсерватории университета.

Фото Б. Глебова

Каток в колхозе

Фото А. Никифорова

Каждую зиму комсомольцы колхоза имени Тимирязева (Горьковской области) на небольшом пруду устраивают каток, который привлекает к себе молодежь колхоза.

На снимке: каток колхоза имени Тимирязева.

Студенты юридического факультета особенно увлекались борьбой самбо. За словом, коротким, как борцовская подсечка, скрывался в самом деле увлекательный, поистине мужской спорт.

— Этот спорт по мне! — сказал Голев друзьям, и на этом ковре он поборол свою болезнь, вернул утраченное на войне здоровье.

Тренируясь под наблюдением внимательного и опытного педагога Сергея Валентиновича Магеровского, постепенно, очень осторожно увеличивая нагрузку, Голев находил все большее удовлетворение в занятиях и чувствовал себя с каждым днем все лучше.

Уже через год, на втором курсе, он стал чемпионом университета в легком весе, а перейдя на третий курс, сдал нормы на значок ГТО второй ступени, получил первый спортивный разряд и впервые принял участие в соревнованиях по самбо на первенство СССР.

Одновременно с дипломом юриста Голев должен в этом году получить и звание мастера спорта СССР.

Сейчас Леонид Голев входит в сильнейшую десятку страны. Он имеет своих учеников и тренирует лучших самбистов спортивного клуба.

...Если существует антипод самбо, то это художественная гимнастика. И все же эти две секции в университете стоят рядом. Так же как самбо у мужчин, так и художественная гимнастика у женщин — один из самых распространенных и любимых видов спорта.

Триста пятьдесят девушек посещают занятия художественной гимнастики. Среди них и новички, еще робкие и неуверенные, большая группа, получившая уже третий и второй разряд, и очень сильная группа перворазрядниц.

Этот прекрасный спорт, развивающий изящество, гибкость, пластичность, безукоризненное уменье владеть своим телом, увлекает студенток самых различных факультетов.

На занятиях преподавателя кафедры физического воспитания Ариадны Ричардовны Башниной можно встретить Элеонору Радько — биолога, Екатерину Бусыреву — историка, Ольгу Викулову — биолога, Нину Буйницкую — химика, Маргариту Аврову — филолога, Ирину Яковлеву — студентку восточного факультета. Они все имеют уже первый разряд. А вместе с ними продолжают тренировки гимнастки, окончившие университет.

На кафедре физического воспитания и спорта работают 58 штатных и 25 нештатных преподавателей. Они ведут занятия в 23 секциях днем, в учебные часы, и вечером, в часы занятий спортивного клуба.

В крытом стадионе университетские легкоатлеты имеют возможность тренироваться и зимой. Они работают под руководством трех тренеров. Один из них, мастер спорта Николай Александрович Зайцев, воспитал известного бегуна Хейно Поттера.

Фамилию студента пятого курса математико-механического факультета Поттера можно было встретить в телеграммах из Брюсселя, когда там разыгрывалось первенство Европы по легкой атлетике. Молодой астроном входит в команду сильнейших легкоатлетов СССР.

Николай Александрович Зайцев встретился с Поттером четыре года назад, на занятиях все в той же секции самбо. Поттер тогда был уверен, что его призвание — борьба, но опытный глаз тренера угадал в стройном юноше бегуна.

История Леонида Голева и Хейно Поттера прекрасно иллюстрирует возможности метода спортивного совершенствования. Ведь этот метод был введен в университете как раз в том году, когда два отличника-студента, ставшие теперь мастерами спорта, только начинали учебу.

Каждый тренер работает с небольшой группой первоклассных спортсменов. У Зайцева вместе с Поттером занимаются студенты и младших курсов. Вот к нему обращается раскрасневшийся веснушчатый второкурсник. В руках у него длинный полотняный мешочек, туго набитый песком.

— Ну как, хватит, Николай Александрович? — спрашивает юноша, показывая тренеру мешочек.

— Вполне хватит, Игорек.

Студент второго курса филологического факультета Игорь Мельников проявил на занятиях большие способности, и ему дали возможность тренироваться с лучшими атлетами университета — студентами старших курсов. По совету тренера Игорь Мельников решил использовать для увеличения нагрузки своей утренней гимнастики мешочек с песком.

Сколько таких юношей и девушек, влюбленных в избранный ими спорт, можно встретить в университете?

Сейчас в разгаре пятая по счету университетская спартакиада. Соревнования между тринадцатью факультетами идут по двадцати одному виду спорта. Это значит, что каждый факультет должен выставить по двадцати одной команде. И все же желающих участвовать в соревнованиях столько, что приходится отбирать самых сильных. Ведь в Ленинградском университете за год 42 студента получили первый разряд, 121 — второй и 553 — третий. И с каждым днем число разрядных спортсменов стремительно растет.

Каждый студент считает для себя большой честью попасть в одну из факультетских команд, допущенных к участию в спартакиаде, а звание чемпиона университета расценивается никак не ниже, чем звание чемпиона города. Завоевать это звание можно только в напряженной борьбе со многими равноценными противниками. Недаром один из лучших борцов университета, Марк Гиршов, сокрушенно жаловался, что первенство Ленинграда ему удавалось выигрывать, а первенство университета — еще ни разу.

Все участники университетских соревнований — члены своего спортивного клуба.

Когда четыре года тому назад клуб начинал свою деятельность, в его рядах насчитывалось всего триста человек. Теперь три тысячи студентов носят маленький клубный значок, на котором выгравированы две буквы «ЛУ». С каждым днем таких студентов становится больше и больше.

Они идут непрерывной вереницей к председателю правления клуба студенту Андрею Ганзену за членскими билетами, и тот, вручая красные книжечки и клубные значки, торжественно поздравляет каждого.

Это — новое студенческое поколение. Для него разнообразная, хорошо организованная работа кафедры физического воспитания и спортивного клуба стала уже таким же очевидным фактом, как и работа других кафедр и факультетов прославленного университета страны.

Из прошлого русского спорта

Первые хоккейные матчи

В самом начале 1899 года члены Петербургского кружка любителей спорта, который называли и просто «Спорт», начали играть в новую для них игру — хоккей. Капитаном и тренером первой русской хоккейной команды был очень разносторонний спортсмен П. Москвин. Вели хоккеисты свои тренировочные занятия на катке у Тучкова моста.

О хоккее с шайбой в Петербурге в те времена еще не знали. Играли мячом. В основу были положены принципы и правила футбола. Позже эта разновидность хоккея широко распространилась по всей нашей стране и стала называться «русским хоккеем».

Весь январь и начало февраля 1899 года конькобежцы «Спорта» тренировались в хоккей. Однако двух полных команд им составить никогда не удавалось. Но как-то выяснилось, что группа проживавших в Петербурге англичан, имевшая свой спортивный кружок, тоже упражняется в игре, похожей на хоккей и называемой «бенди». Хоккеисты «Спорта» решили встретиться с англичанами.

Предварительно договорившись об общих для обеих команд правилах, русские и английские хоккеисты 28 февраля 1899 года встретились на Тучковском катке. Этот первый в России хоккейный матч закончился вничью со счетом 4 : 4.

Неделей позже хоккеисты кружка «Спорт» отправились в Выборг и сыграли там матч с финнами. Любопытно, что в этом матче вратари обеих команд по взаимному соглашению играли... без коньков. Встреча закончилась победой петербургских хоккеистов со счетом 5 : 3.

В следующем 1900 году в Петербурге появилась еще одна хоккейная команда, организованная Обществом любителей бега на коньках. Она занималась на катке в Юсуповском саду.

В 1902 году в хоккей играли уже не только в Петербурге, но и в Москве и еще в Сретенске. На Дальний Восток хоккей привез переехавший туда П. Москвин. Он организовал команды сначала в Сретенске, а затем в Благовещенске.

Первые хоккейные матчи между спортсменами Москвы и петербургского «Спорта» состоялись в 1903 году. Москвичи приехали в Петербург в самом конце зимы. Пригревало солнце, катки растаяли, и играть приходилось по сплошной воде. Встреча закончилась победой москвичей со счетом 6 : 2. Зато на другой день петербуржцы выиграли у гостей со счетом 4 : 1.

Среди первых русских хоккеистов, начавших играть более полувека назад, было немало известных спортсменов. В хоккей тогда играл, в частности, знаменитый конькобежец А. Паншин.

Следует отметить, что в конце прошлого и в начале нынешнего века русский хоккей с мячом рождался как бы во второй раз. Еще в шестидесятых годах XIX века на петербургских катках играли в «клюшку», весьма сходную с хоккеем. Игра велась резиновым мячом с помощью деревянных палок с загнутыми концами. Потом эта игра вышла из моды, и о ней забыли до тех пор, пока она вновь не родилась под названием «русский хоккей», популярность которого год от года росла.

Руд. БЕРШАДСКИЙ

Фельетон

Рисунки Л. Самойлова

Нет ли у вас собаки? И не нужна ли вам защелка от карабина к ошейнику вашего пса?

Если нужна, то без стеснений сообщите мне, и я с удовольствием снабжу вас защелочкой.

Впрочем, не подумайте, что я наладил домашнее производство этих защелок или распродаю псарню. Нет! Откуда у меня псарня!

На днях мы с женой решили перегородить для уюта нашу комнату портьерой.

После того как я, простите, буквально взмок от передвигания всей нашей мебели (я передвинул все с места на место, не соврать, раз десять кряду), жена заявила, что она ничего больше делать не в состоянии — так устала,— и легла отдыхать на тахту. Мне же поручила сбегать в магазин напротив — купить кольца к портьере.

— Купи любые! — сказала она строго. — А то, я тебя знаю, тебе покажут десяти сортов, так ты прибежишь ко мне спрашивать: те или не те?

Продавец в посудно-хозяйственном магазине напротив нашего дома переспросил меня: «Кольца для портьер?» — с таким удивлением, будто я попросил у него взвесить сто граммов луны и завернуть в бумажку, и сказал:

— А почему, интересно, вы рассчитываете получить их именно у нас?

Мне стало неловко. Правда, чего ради я пришел за кольцами в посудный магазин? Хотя, с другой стороны: а куда за ними было отправиться? В скобяной? В магазин строительных материалов? Или в керосиновую лавку? Там действительно я почему-то видел в витрине, например, сапожные щетки. Может быть, надо было туда?

Напротив нашего дома помещаются магазины посудно-хозяйственный, галантерейный, а также керосиновая лавка. Жена сказала: «Напротив». Никогда толком не объяснит: что и как, в какой магазин точно ей нужно, чтобы я зашел,— а я же потом и виноват!

Я готов был уже извиниться перед продавцом, что напрасно побеспокоил его, но тут выяснилось, что жена не виновата. Удивление продавца относилось, оказывается, не к тому, что я пришел не по адресу, а к тому, что он давно «и позабыть успел», когда у них такие кольца были.

— Очень, очень редкий товар... Разве что в мебельный попробуйте зайти...

Я послушался совета. Но и в мебельном мне ответили, что колец нет. Зато вежливенько предложили пианино, радиолу, новой марки холодильник. Однако мне требовалась только мелочь: кольца. Но этой мелочи как раз не было.

Следующий поиск я предпринял в скобяном. Он был также безуспешен.

Обойдя после этого еще все этажи универмага (где стояли рядами новые велосипеды, мотоциклы, висели тысячи костюмов), заглянув также в спортивный магазин «Динамо» (чем чорт не шутит, может быть такие же кольца применяются в каком-нибудь спортинвентаре!), я решил все-таки держаться курса на посудно-хозяйственные.

Уже начало смеркаться. «Справочная» дала мне сведения о шести ближайших магазинах. Я решил обойти их все.

И в шестом мне наконец повезло.

Без шуток: по-настоящему повезло.

Старичок-продавец, посмотрев на мое осунувшееся лицо, сочувственно спросил:

— Наверное, не первый день ищете? Бесполезно! «Москвича» купить проще! Сделайте лучше вот что. У нас есть карабины к собачьим ошейникам, 99 копеек штука. Карабин состоит из защелки, надетой на кольцо.

Он показал мне карабин. Кольца были точь-в-точь такие, которых я не надеялся найти уже во всей Москве. Но, к сожалению, они предназначались для другой цели, и потому их нельзя было освободить от защелок. Но не вешать же на портьере гирлянду собачьих защелок: что у меня, конура, что ли?! Лучше я вернусь к жене без всего комплекта, пусть сама покупает их, если ей нравится!

Но старичок выручил меня второй раз:

— Вы не расстраивайтесь, молодой человек. Если у вас есть время, я вам дам клин и молоток, вы клинышек вставите сюда,— он очень мило показал, как всовывать клин в защелку, — и бейте. Бейте покрепче! Щечки защелки разойдутся, и кольцо свалится вам в руки, как спелое яблочко. Само!

Я от души его поблагодарил. Нет, не зря в этом магазине висел плакатик: «Магазин отличного обслуживания покупателей». Как просто и чудесно придумал старичок!

Но он отнекивался:

— Ну, что вы, не стоит благодарности. Разве ж вы первый?

Подконец он даже сам помог мне терзать карабины. Дело пошло еще веселее...

Теперь вам ясно, откуда у меня дюжина совершенно свободных защелок к собачьим ошейникам? Так что не стесняйтесь. Только сообщите мне, и я с удовольствием пришлю вам их.

Но вместе с тем имею просьбу и к вам. Не вышла ли у вас из строя лампа со стеклянным абажуром? И не сломали ли вы свои лыжи? А кроме того не найдется ли у вас штопка цвета светлый беж (кажется, он так называется) и две лишние пиджачные черные пуговицы? Но не те, на которые застегивается пиджак, а маленькие, которые идут на рукав.

Вы не смейтесь, что я обращаюсь к вам с такой просьбой. А куда мне еще обратиться? Только вот и рассчитываю на друзей.

Все это потому, что из-за перестановки мебели в нашей комнате мы понесли некоторые потери: оказалась сломанной палка от лыж, стоявшая за шкафом, жена порвала чулок (цвета светлый беж), у меня от рукава пиджака отлетели две пуговички и закатились неизвестно куда, а кроме того разбился стеклянный абажур настольной лампы.

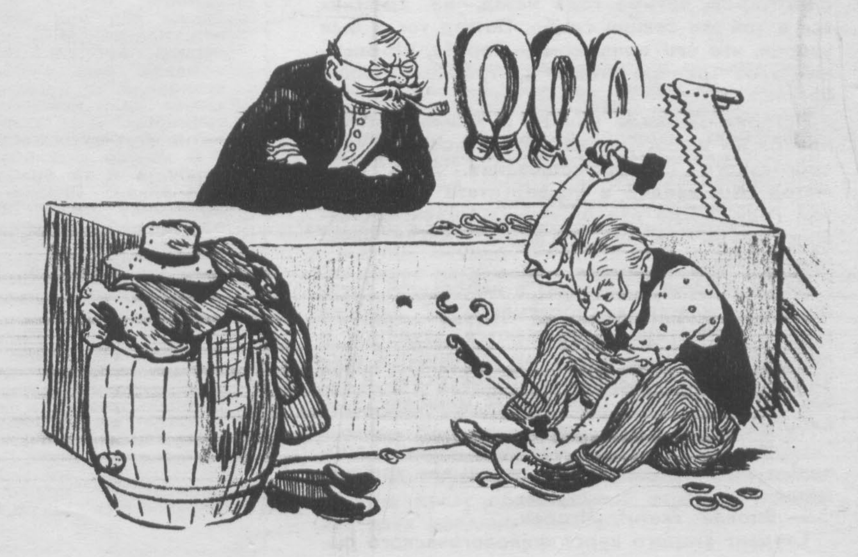
В поисках замены ему я обошел все электромагазины Москвы. И отчаялся! Даже в лучшем столичном магазине электросбыта единственное, чем меня утешили, — это бумажкой из Министерства электропромышленности, которую и показали. А в ней было написано, что если директор магазина посмеет отпустить хоть один абажур «некомплектно» (то есть только абажур, без лампы, — тот самый абажур, который у него человек двести в день спрашивают), то он будет привлечен к ответственности. Да, да, так и написано! Сначала трогательный абзац, что, мол, в целях наилучшего удовлетворения нужд розничного покупателя (это я розничный покупатель)... и т. д., а в конце: «...будете привлечены к ответственности».

А когда я хотел купить палку к лыжам, то мне, наоборот, предложили исключительно лыжи и как раз без палок. И разъяснили: на каждый товар существует ГОСТ — государственный общесоюзный стандарт. За нарушение ГОСТа отдают под суд. В ГОСТе, касающемся лыж, точно указано, каким требованиям они должны удовлетворять: из какого дерева им надлежит быть, могут ли в них быть сучки и тому подобное, в ГОСТе, относящемся к палкам, перечислено, какой они должны быть длины и веса, из какого сорта дерева и все прочее. Но никто из составителей ГОСТов, к сожалению, не догадался добавить, что лыжи — какой бы сорт древесины ни пошел на них! — должны поступать в продажу непременно с палками. И фабрики, изготовляющие лыжи, «гонят» лыжи без палок и крайне горды выполнением и перевыполнением плана, а фабрики, коим надлежит выпускать палки, тоже не горюют. Найдя, по некоторым тайным производственным соображениям, что палки — это чистый убыток, они с легким сердцем переключились на выпуск другой, более доходной для них продукции.

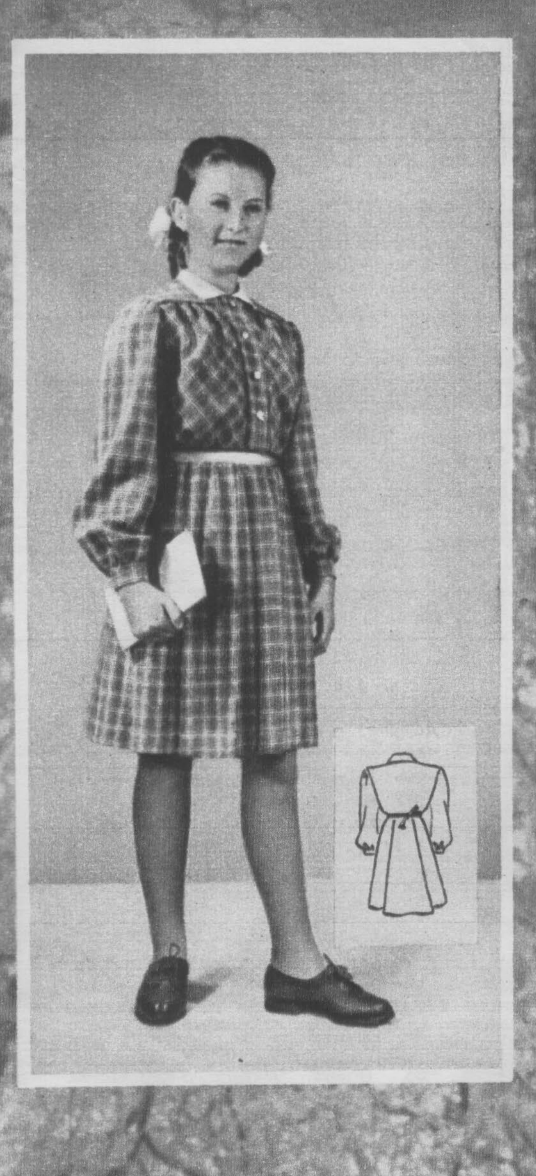
В результате, если у вас разбился абажур, покупайте лучше сразу люстру — до нее труднее добраться — или, в крайнем случае, новую лампу с абажуром, весь «комплект». Если, не дай бог, вам потребовались кольца к портьере, платите 120 рублей за ненужную вам палку с кронштейнами для портьеры (там есть и кольца) или хотя бы лишние шесть — семь рублей за дюжину собачьих ошейников. А уж если у вас оторвались пуговички с рукава пиджака и вас не прельщает перспектива, пользуясь темнотой во время сеанса в кино, срезать их бритвой с рукава соседа, то прямо берите со сберкнижки деньги, отложенные на летнюю поездку к морю, и покупайте себе новый костюм. Другого способа разжиться пуговичками к рукаву не существует.

У нас есть специальные тресты и главки, заботящиеся о запасных частях к тракторам, к автомобилям: тракгородеталь, автозапчасть. Но неужели, чтобы заставить Электросбыт обеспечить покупателя такими «запчастями», как абажуры, промкооперацию — выпускать кольца для портьер, а чулочные фабрики — прикреплять к каждой паре чулок также соответствующую штопку, понадобится создавать специальные тресты, главки или, чего доброго, новое министерство, ведающее всем этим?..

И, однако, пока этот вопрос не разрешен, я ни за что не соглашусь переставлять мебель у нас в комнате. И пускай жена хоть прокурору жалуется, что я зажимаю ее инициативу!

Моды

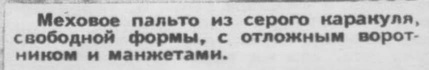
Платье из хлопчатобумажной ткани для девочки школьного возраста. Полочки отрезного лифа, выкроенные с косым расположением клетки, собраны под кокеткой. Воротник из белого пике. Юбка шестишовная; спереди заложены две бантовые складки, сзади одна. По талии платье собрано на резинку.

Автор Л. Н. Ефремова
(Общесоюзный дом моделей)

Платье из шерстяной ткани, отрезное по талии. Лиф прилегающей формы с глубоким вырезом и складочками от плечевых швов и талии. На юбке заложены глубокие складки. Платье отделано расклешенным воротником из легкого белого шелка с машинной вышивкой по краю.

Автор Л. К. Ефремова
(Общесоюзный дом моделей)

Меховое пальто из серого каракуля, свободной формы, с отложным воротником и манжетами.

Автор А. Д. Мельникова
(Опытная мастерская Института меховой промышленности)

Зимнее пальто, прилегающее в талии. На полочках от плечевых швов и по талии застрочены вытачки. Карманы прорезные, в рамку. На спинке по талии вытачки-защипы. Воротник меховой, двойной, сзади стойка. На широких меховых манжетах внутренние вытачки, расходящиеся к краям манжет.

Автор А. И. Черемных
(Общесоюзный дом моделей)

Из китайского народного юмора

Голубой шакал

Сказка — Рисунки Е. Ведерникова

Было такое время, когда землею правили шакалы. Долго терпели жители шакалий род — все думали, вот-вот легче станет, — но потом собрались все вместе и прогнали вороватых и продажных правителей-бандитов.

Убежали шакалы за море, туда, где гиены — их дальние родичи — жили. Только один шакал — это был старый, хитрый шакал! — решил вернуться назад, в те места, где еще недавно ему так привольно жилось. Стал он думать, как снова стать правителем. Думал, думал и придумал: выкрасился в голубой цвет, подождал, пока краска обсохла, и смело пошел к лесным жителям.

В лесу его встретили с недоумением: как будто шакал, но разве бывают шакалы голубыми?

— Странно, очень странно! — слышались восклицания со всех сторон. — Необыкновенное явление! Голубой, как небо!

— Я приплыл из-за моря, — сказал пришелец важно, — из страны гиен, где все живут счастливо. Там я стал голубым. Ах, если бы вы знали, как хорошо быть голубым! Становишься сродни самому небу! Видишь счастье! Я могу всех вас научить, как поголубеть, как жить счастливо. Но для этого вы должны меня слушаться.

Все еще раз осмотрели необыкновенного, голубого шакала.

«Если он знает, как стать голубым, значит, он может выполнить и остальные свои обещания, — подумали собравшиеся. — Наверное, он очень мудр... Пусть же учит нас тому, что знает сам. Может быть, он покажет нам путь к счастью».

— Ладно, — сказали шакалу, — будь нашим правителем!

И голубой шакал стал править. В лесах, полях и озерах вновь появились сборщики налогов, поборы и бесчинства снова обрушились на жителей. Все осталось попрежнему, как в старое шакалье время. Голубой правитель оказался ничем не лучше своих предшественников. Он вертел голубым хвостом и лаял:

— Еще немного, и я вам устрою голубую жизнь! Все вы станете голубыми, и мы уйдем в заоблачные выси, станем бессмертными! Все будут нам завидовать! А пока главное — терпение.

И хотя недовольных становилось с каждым днем все больше, но многие еще верили новому правителю: уж очень необычным был цвет его шкуры.

— Ведь сумел же он стать голубым, — говорили они. — Кто знает, может, он и другие чудеса сделает! Сохранит пастбища во время засухи или защитит от мора... Ради этого стоит потерпеть немного...

Но вот подул теплый весенний ветер и пошел дождь. Трое суток потоки воды падали на землю. Реки вздулись, с лужаек смыло всю грязь, в лесу не осталось ни одной непромытой былинки. А когда засияло солнце, выяснилось, что голубой правитель пропал.

— Может, ему надоел дождь и он вознесся на небо? — предположил волк.

— Он, наверное, уехал в страну голубых, — высказался заяц.

— Смотрите, смотрите! — крикнула с дерева кукушка. — Какой толстый шакал! Никогда не видела таких толстых шакалов!

— Как к нам мог попасть шакал? — удивились все. — Шакал не посмеет сюда прийти!

— Да ведь это же наш правитель! — снова закричала кукушка. — Он попал под дождь, и вода смыла с него краску! Да, вон под кустом голубая лужа!

Тут уж все увидели, что перед ними стоит самый обыкновенный трусливый представитель шакальего рода.

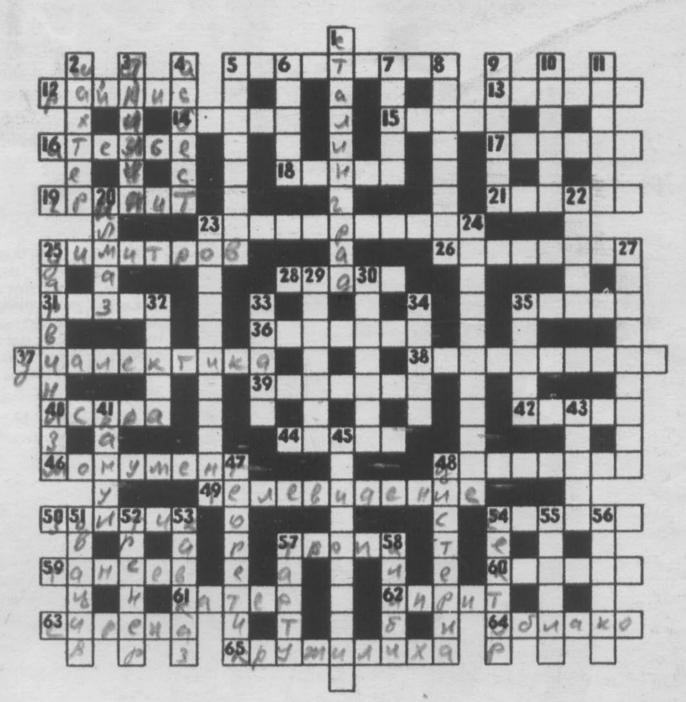
— Вот чему он научился в стране гиен — менять цвет шкуры! — закричали собравшиеся. — Смерть обманщику и вору!

Так как шакал был толст, то не мог бегать быстро. Его догнали и разорвали в клочки.

С тех пор в лесах, на полях, в озерах и реках все зажили свободно и счастливо, а шакалы, несмотря на свои хищные аппетиты, боятся этих мест, потому что, как ни перекрашивайся, все равно распознают.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Участник военных действий. 12. Латышский поэт. 13. Река в Сибири. 14. Инструмент для сверления. 15. Сорное растение. 16. Мастерская. 17. Часть винтовки. 18. Оптическое стекло. 19. Горная порода. 21. Величина колебания. 23. Структура, взаимное расположение частей. 25. Выдающийся деятель международного рабочего движения. 26. Прибор для озонирования воздуха. 28. Опера Римского-Корсакова. 31. Вид обезьян-макак. 35. Русский художник. 36. Город на Украине. 37. Наука о всеобщих законах движения и развития. 38. Наука о функциях организма. 39. Член одной из буржуазных партий. 40. Мельчайшая частица горящего вещества. 42. Шарф. 44. Высшая, трудно достижимая степень совершенства. 46. Архитектурное или скульптурное сооружение. 48. Крепостное сооружение в городе. 49. Видение на расстоянии. 50. Вид соцветия. 54. Сорт кожи. 57. Дорожка. 59. Русский композитор. 60. Место разработки ископаемых. 61. Небольшое судно. 62. Ядовитый газ. 63. Сигнальный гудок. 64. Скопление сгустившихся водяных паров. 65. Роман В. Пановой.

По вертикали:

1. Город-герой. 2. Горнорабочий. 3. Маслянистая жидкость, употребляемая при изготовлении красок. 4. Минерал. 5. Советский писатель. 6. Груда руды, пласт, негодный для выработки. 7. Советский писатель. 8. Музыкальное произведение. 9. Горячий источник. 10. Один из методов исследования. 11. Род войск. 20. Драгоценный камень. 22. Двигатель. 23. Величина, определяющая какое-нибудь свойство физического тела. 24. Наука о языке. 25. Учение о происхождении видов. 27. Поборник какого-нибудь дела, идеи. 29. Столица союзной республики. 30. Полость в омертвевшей ткани. 32. Замкнутая группа, чуждающаяся широких масс. 33. Утес. 34. Род печенья. 35. Вертикальный брус. 41. День перед праздником. 43. Насекомое. 45. Полное согласие. 47. Ученый, занимающийся теоретическими вопросами. 48. Большой резервуар для жидкостей. 51. Восторженные продолжительные знаки приветствия. 52. Спортивная специальность. 53. Горный перешеек между Черным и Каспийским морями. 54. Часть круга. 55. Рыба. 56. Звено в сети. 57. Город в Эстонии. 58. Доказательство невиновности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали:

5. Языкознание. 8. Николаев. 9. Михалков. 12. Атлет. 14. Телескоп. 15. Новгород. 18. Картон. 20. Чукарин. 21. Прибой. 22. Юпитер. 23. Татары. 27. Прицел. 28. Симонов. 29. Версия. 32. Цистерна. 33. Баталист. 34. Седов. 36. Медведев. 37. Рапсодия. 38. Автопортрет.

По вертикали:

1. Изолятор. 2. Скрепа. 3. Радист. 4. Михайлов. 6. Либретто. 7. Монголия. 10. Клапан. 11. Металлургия. 13. Новосибирск. 16. Бурение. 17. Филатов. 19. Непал. 21. Перов. 24. Ацетилен. 25. Погода. 26. Тральщик. 30. Андреева. 31. Маресьев. 34. Слепок. 35. Власть.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ «НЕ РАЗДУМЫВАЯ» (№ 5)

1. Дать одно яблоко вместе с корзиной.
2. Ни в какую; электропоезд бездымен.

ДВА СПОСОБА

К сторожу, дежурившему у одного из правительственных учреждений Парижа, подошел посетитель:

— Мне нужно повидать директора Дюпона.

— Нет его, — проворчал сторож.

— Вот вам пачка сигарет и скажите, как мне пройти к директору.

— А, так бы вы сразу и сказали, что по срочному служебному делу... направляйтесь прямо к лестничной клетке, над которой висит табличка «Проход воспрещен». Потом пройдите в комнату с надписью «Только для служащих». На третьей двери слева увидите вывеску «Сегодня закрыто», пройдите через эти двери. В следующей комнате найдете дверь с надписью: «Прошу постучать». Входите туда без стука.

Там вы найдете две двери. За той дверью, на которой висит табличка с надписью «Центральная телефонная. Вход воспрещен», увидите комнату, на дверях которой повешена записка «Вернусь через два часа».

Вот именно там и находится директор, он завтракает со своей секретаршей...

— Но, может быть, вы американец? — спросил сторож, пристально вглядываясь в посетителя. — В таком случае подождите внизу, и директор сейчас сам прибежит к вам...

(Журнал «Шпильки», Польша)

В этом номере помещены портреты Климента Ефремовича Ворошилова и академика Н. Д. Зелинского и репродукции картин А. Варламова «В. И. Ленин с детворой», Р. С. Мелихова «Новаторы», Ю. П. Цыганова «В. В. Стасов среди русских художников», В. П. Любимова «Портрет К. Э. Циолковского» и И. И. Левитана «Солнечный день» и «Звенигород»

Главный редактор — А. А. СУРКОВ. **Редакционная коллегия: А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ, А. Н. СТУДИТСКИЙ.**

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. **Оформление И. Уразова**

А — 01324. Подписано к печати 30/I 1951 г. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Изд. № 88. Заказ 225. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Министерство пищевой промышленности СССР · Главвитаминпром

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ВИТАМИН
В2
ГЛАВВИТАМИНПРОМ

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ВИТАМИН
Д
ГЛАВВИТАМИНПРОМ

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ВИТАМИН
В1
ГЛАВВИТАМИНПРОМ

ВИТАМИНЫ-
источник здоровья

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ВИТАМИН
С
ГЛАВВИТАМИНПРОМ

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ВИТАМИН
А
ГЛАВВИТАМИНПРОМ

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ГЛАВВИТАМИНПРОМ
ПОЛИВИТАМИНЫ
А В1 В2 С Д РР

МИНИСТЕРСТВО ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР
ВИТАМИН
РР
ГЛАВВИТАМИНПРОМ

АНТОНЧЕНКО 50

ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ РЕГУЛЯРНО ПОЛЬЗУЙТЕСЬ

ВИТАМИНАМИ и ПОЛИВИТАМИНАМИ

ВИТАМИНЫ содействуют укреплению здоровья, усиливают сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям и повышают работоспособность.

ВИТАМИНЫ особенно необходимы жителям Крайнего Севера, спортсменам, лицам, занятым тяжелым физическим или напряженным умственным трудом.

ВИТАМИНЫ необходимы беременным женщинам, а также кормящим матерям для нормального роста и развития ребенка.

ПОКУПАЙТЕ витамины и поливитамины (с витаминами А, В$_1$, В$_2$, С, Д и РР) во всех аптеках, диэтмагазинах, фирменных магазинах Главкондитера и Главконсерва МПП СССР.

НОРМА ПОТРЕБЛЕНИЯ ВИТАМИНОВ УКАЗАНА НА ЭТИКЕТКАХ.

Цена 3 руб.